

ЗЕЛЕНАЯ
СЕРИЯ

ЗЕЛЕНАЯ
СЕРИЯ

ДЖЕРАЛЬД

ДАРРЕЛЛ

*Новый
Ной*

Новый Ной

ДЖ. ДАРРЕЛЛ

ДЖЕРАЛД
ДАРРЕЛЛ

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

Новый Ной

ДЖЕКИ ДАРРЕЛЛ

*Звери в моей
постели*

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

Перевод с английского
Л. ЖДАНОВА, С. ЛОСЕВА

Москва
Армада-пресс
2002

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(4Англ)-44я5
Д 20

Серия основана в 1993 г.

**Иллюстрации
И. Шипулина**

ISBN 5-309-00384-3

© Иллюстрации, Шипулин И. Ф., 1996
© ООО «Дрофа», 2000
© Художественное оформление,
ООО «Армада-пресс», 2000

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

Новый Ной

Перевод с английского
С. ЛОСЕВА

Gerald Durrell
THE NEW NOAH
First published by William Collins Sons & Co. Ltd 1955

© Перевод, Лосев С. С., 1996

*Посвящаю эту книгу моей
племяннице Сапфо Джейн, моему
племяннику Джеральду Мартину
и Дэвиду Николасу*

ВСТУПЛЕНИЕ

Наверное, не много найдется людей, которым ни разу в жизни не довелось побывать в зоопарке. Когда же у посетителя зоопарка разбегаются глаза при виде множества разнообразных животных, он нередко задается вопросом: а как же они сюда попадают?

Что ж! Попробую рассказать о своем ремесле ловца и собирателя. Откуда берутся самые что ни на есть экзотические звери? Правильно, из самых что ни на есть экзотических земель и стран. Значит, если кто-то хочет иметь в своем зоопарке необычных животных, мне нужно съездить за тридевять земель, где таковые

обитают, и доставить их целыми и невредимыми в зоопарк. Эта моя книжка как раз и повествует о трех экспедициях за редкостными представителями фауны в разные части света. Я постарался показать, как трудно, но необыкновенно захватывающе избранное мной занятие.

Многие и представить себе не могут всех тягот и забот любой экспедиции, счастливым итогом которой являются дикие птицы и звери, за созерцание коих посетители отдают свои кровные. Вопрос, который мне обычно задают в первую очередь: что побудило меня посвятить себя столь странному ремеслу? И всякий раз я отвечаю: «Сколько я себя помню, я всегда интересовался животными и зоопарками».

Моим родителям запомнилось, что первое слово, которое я произнес более или менее четко, было не банальное «мама» или «папа», а «Zoo»¹.

Я повторял его так настойчиво, что кто-то из них и в самом деле взял меня в зоопарк, только бы заставить замолчать. Когда я чуть подрос и жил с семьей в Греции, у меня было великое множество любимцев — от сов до морских коньков. Беспечные золотые часы детства я тратил, исследуя окрестности в поисках новых зверюшек и птиц для своей коллекции. Потом, уже будучи студентом, я проходил годичную практику в зоопарке Уипснейд. Здесь моими подопечными были куда более крупные создания: львы, медведи, бизон и страус. Таких в домашний живой уголок не упрячешь! Когда практика закончилась, я сосчитал заработанные деньги — как раз хватило, чтобы организовать первую экспедицию. С тех пор я выезжаю регулярно.

Не скажу, что ремесло собирателя — легкое дело: порою тебя подстерегают такие разочарования, что на-

¹ Зоопарк (англ.).

чинаешь задумываться: не бросить ли все? Но в этой книжке я постараюсь рассказать не только о горечи разочарований, но и о радости, заключающейся главным образом не в поимке животных, а в возможности наблюдать их в естественной среде обитания. Тех, кто любит животных и странствия, это дело захватывает целиком.

Часть первая
**ПОИСКИ И НАХОДКИ
В БРИТАНСКОМ КАМЕРУНЕ**

Глава первая,
**В КОТОРОЙ Я СОСТЯЖАЮСЬ
В ПЕРЕТЯГИВАНИИ КАНАТА
С НИЛЬСКИМ ВАРАНОМ**

Прежде чем отправляться в экспедицию, необходимо разузнать, в каких животных зоопарки испытывают потребность, и выяснить, где требуемые экземпляры обитают. Для поиска следует выбирать области, где встречаются не только эти, но и другие редкие виды. Зоологи и биологи, как правило, не располагают средствами для поездки в отдаленные уголки планеты, чтобы понаблю-

дать за редкими животными в их естественной среде обитания. Значит, заботясь об ученых, эти диковинные создания нужно отлавливать и доставлять в зоопарки.

Хочу обратить внимание читателя вот на какой момент. Крупные и более привычные виды представлены почти во всех зоологических коллекциях, и науке о них известно куда больше, нежели о мелких и редких. За ними-то я и отправился в экспедицию, о них и пойдет наш рассказ.

Нередко как раз мелкие животные оказывают большее влияние на жизнь человека, чем крупные. Уж какой, казалось бы, невзрачный зверек — обыкновенная домовая мышь, но что касается ущерба для двуногих, она сто очков вперед дает любой крупной твари. Вот почему в ходе экспедиций я решил сосредоточить внимание прежде всего на мелких видах. Для первой экспедиции я выбрал Британский Камерун¹ — небольшой, практически забытый уголок Африки, сохранившийся почти в том первозданном виде, в каком он был до пришествия белого человека. Здесь, в глухих лесах, омываемых тропическими ливнями, звери живут, как и тысячелетия назад.

Изучение диких видов, пока они не оказались под воздействием цивилизации, — вещь крайне ценная, потому что вмешательство человека приводит к колоссальным изменениям в жизни природы. Вырубка лесов, строительство городов, перекрытие рек плотинами и прокладка дорог сквозь джунгли приводят к тому, что обитающие в этих краях животные или вынуждены при-

¹ С тех пор как эта книга увидела свет, на карте Африки произошли значительные изменения. Британский Камерун как таковой уже не существует: большая часть его вошла в состав Нигерии, часть отошла образовавшемуся в 1960 г. независимому государству Камерун. Автор счел целесообразным оставить названия территорий без изменений. (Примеч. авт.)

способливаться к новым условиям, или обречены на вымирание.

В мои намерения входило выведать все, что только возможно, об обитателях тропических лесов и привезти, если удастся, крупную и разнообразную коллекцию мелких представителей фауны, которых африканцы на ломаном английском называют «мелкий скот».

Британский Камерун представляет собою узкую полосу территории, зажатую между Нигерией и Французской Западной Африкой. Здесь произрастают те же густые влажные леса, что и в Конго.

Когда я впервые попал в этот благословенный уголок земли, меня поразили богатство красок и колоссальные размеры деревьев. Взору предстали листья всех мыслимых оттенков зеленого и красного — от цвета бутылочного стекла до желтовато-зеленого и от розового до малинового. Кроны деревьев возносились на высоту в двести и триста футов, а стволы были точно фабричные трубы; массивные ветви, украшенные цветами и огромными ползучими растениями, прогибались под тяжестью листьев.

Я высадился в небольшом порту Виктория и намеревался провести здесь с неделю, готовясь к путешествию в глубь страны. Прежде чем приступить непосредственно к ловле животных, необходимо было переделать массу дел: нанять поваров и прислугу из африканцев, закупить разных припасов и еще множество других мелочей. Кроме того, предстояло выхлопотать разрешение на отлов животных, потому что дикая природа здесь находится под строжайшей охраной и без правительственных лицензий нельзя ни убивать, ни отлавливать животных и птиц. Наконец все было преодолено. Я нанял грузовик, сложил в него провиант и оборудование — и в путь. В то время в глубь территории вела только одна дорога, и если отъехать на три сотни миль

от побережья, то попадешь в деревню Мамфе на берегу реки Кросс. Эту деревню я и выбрал для своего базового лагеря.

Почва здесь красная, похожа на девонширскую, и оттого дорога, что петляет среди холмов, тоже красного цвета. С обеих сторон ее обступают могучие деревья, и из окна машины я видел россыпи сверкающих пичужек, кормящихся среди ветвей или пьющих цветочный нектар; стаи крупных птиц, похожих на гигантских сорок, лакомившихся дикими фигами; порой шум мотора вспугивал птиц-носорогов, и они неслись над дорогой, с пронзительным свистом махая крыльями и скорбно крича.

В невысоком подлеске у самой дороги суеилось множество ящериц-агам. Эти юркие создания почти такие же яркие, как птицы: у самцов ярко-оранжевые головки, тела раскрашены голубым, серебряным, красным и черным, а самки розовые, в зеленых яблоках. У этих рептилий странная привычка кивать головкой, и забавно смотреть, как они носятся, носятся друг за другом и вдруг останавливаются и начинают кивать. Почти столь же многочисленны, как и ящерицы, крошечные зимородки — размером мельче воробья, с яркими синими спинками, оранжевыми грудками и красными, словно коралл, клювами и ножками. В отличие от английского зимородка, эти крошечные птицы питаются саранчой, кузнечиками и другими насекомыми. Они стаями располагаются на телеграфных проводах или стволах умерших деревьев вдоль дороги, зорко всматриваясь в кусты и траву. Вдруг то одна, то другая камнем падает вниз — и выпархивает оттуда с зажатым в клюве кузнечиком почти с себя ростом.

Через три дня я достиг Мамфе. Я не случайно выбрал именно эту деревню. Когда собираешься за редкими животными, место для базового лагеря следует под-

бирать тщательно. С одной стороны, он должен располагаться не очень далеко от какого-нибудь очага цивилизации, где можно достать консервы, гвозди, проволоку для клеток и прочие необходимые вещи; и поблизости от дороги, чтобы, когда придет время, подогнать туда грузовики за добытыми животными. С другой стороны, в облюбованном вами районе не должно быть слишком много крестьянских хозяйств, так как большое число людей неизбежно отпугнет диких животных. Деревня Мамфе оказалась превосходным местом, и в одной миле от нее, на поляне у реки, я разбил специально купленный шатер, которому в течение ближайших шести месяцев предстояло служить убежищем мне и моим зверям.

Но я не мог приступить к отлову животных, пока жизнь в лагере не будет отлажена. Нужно было соорудить клетки и загоны, пробурить скважины, построить хижины с крышами из пальмовых листьев для нанятых мною африканцев. Необходимо также обеспечить бесперебойное снабжение продовольствием и водой — ведь если у тебя двести или триста животных и птиц, то даже подумать страшно, сколько им требуется в день еды и питья. Кроме того, успех дела в немалой степени зависит от умения завязать дружеские отношения с вождями здешних племен: покажешь им фотографии и рисунки животных, которых хотел бы заполучить, назовешь сумму вознаграждения, они по возвращении в деревню расскажут обо всем своим соплеменникам — глядишь, и деревенские жители на много миль вокруг начинают помогать тебе в работе.

Наконец все было подготовлено, и множество пустых клеток в нетерпении ждали постояльцев. Теперь можно отправляться на ловлю диковинных животных, ради которых и был проделан весь этот неблизкий путь.

Как ловить? Единого правила тут нет. Все зависит от типа местности, в которой ты действуешь, и видов

животных, за которыми охотишься. В Британском Камеруне я применял несколько методов, но наиболее успешным оказалось использование собак местных пород. Этим собакам надевают на шеи деревянные погремушки, так что, когда они скрываются в густом подлеске, по трескучему звуку легко определить, где они находятся, и при необходимости следовать за ними.

Один из самых волнующих эпизодов такой охоты произошел на горе Нда-Али, в двадцати милях от лагеря. Местные охотники поведали мне, что на ее склонах обитает черноногий мангуст — редкостный зверь, которого никогда не видели в Англии, и потому особо для меня желанный. Это очень крупный мангуст с молочно-белым телом и ногами цвета шоколада.

Я выехал на ловлю ранним утром в сопровождении четырех охотников и пяти собак довольно-таки жалкого вида. Слабым местом такой охоты является то, что собаке не объяснишь, какого именно зверя тебе хочется поймать, и она пускается в погоню за всяким живым существом, которое учует. В результате отправляешься за мангустом, а получаешь нечто совершенно другое и подчас неожиданное.

Так вышло и в тот памятный день. Мы уже с полчаса пробирались сквозь лесную чащу, когда собаки, напав на чей-то свежий след, с радостным тьявканьем рванулись вперед и звон их погремушек эхом отозвался среди деревьев. Мы, естественно, бросились за ними, пытаясь настичь все удаляющийся перестук, и совсем уже выдохлись, когда бежавший первым охотник вдруг остановился и поднял руку. Тяжело дыша и напрягая слух, мы старались уловить исчезнувший звук, но вокруг стояла тишина.

Мы разбрелись по разным направлениям, раздумывая, куда же запропастилась собачья свора. Внезапно один из охотников что-то резко крикнул, и мы все бро-

сились к нему. Тут до нас долетел шум струящейся воды. Я подбежал первым, и, пока мы ждали остальных, он объяснил, что если погоня привела собак на берег реки, то шум воды неизбежно заглушит звон погремушек. Так вот почему мы потеряли свору. Дойдя до реки, мы двинулись вверх по течению и вскоре достигли небольшого пенящегося водопада футов в двадцать высотой. Внизу громоздились огромные валуны, заросшие мхом и невысокой растительностью, а среди скал мы вдруг заметили хвосты наших псов, чье таяканье перекрывалось шумом падающей воды. Тут мы в первый раз увидели, кого же они преследовали. Это был огромный нильский варан — колоссальная ящерица в шесть футов длиной, с огромным, похожим на кнут хвостом и мощными когтями. Он залег в глухой щели между скал, отгоняя собак своим могучим хвостом и злобно шипя, если те осмеливались подойти чересчур близко.

Мы уже хотели отозвать собак, когда одна из них — очевидно, самая глупая — бросилась вперед и мертвой хваткой вцепилась зверю в шею. В ответ варан цапнул ее за ухо и, изогнувшись, прижал к земле задними лапами, а мощными когтями разодрал шкуру на спине. Взвыв от боли, собака отцепилась от его шеи и ретировалась, но зверь напоследок так хлестнул ее хвостом, что она кувырком покатила по скалам. Мы поспешно отозвали остальных собак и накрепко привязали к ближайшему дереву, после чего принялись размышлять, как бы поймать эту гигантскую ящерицу, похожую на доисторическое чудовище, которая по-прежнему лежала среди скал и злобно шипела.

Мы попробовали было набросить на варана сеть, но она цеплялась краями за острые камни, и в конце концов мы отказались от этой затеи. Единственное, что пришло мне в голову, это забраться на скалу, под ко-

торой он лежал, и, пока кто-нибудь будет отвлекать его внимание, накинуть ему на шею петлю. Проинструктировав охотников, я взобрался по скользким скалам и очутился на высоте примерно шести футов над тем местом, где лежало чудовище. Я завязал скользкую петлю на длинной веревке и медленно спустил ее к рептилии. Последняя, по-видимому, проигнорировала как нависшую над нею веревку, так и стоявшую на скале человеческую фигуру, поэтому накинуть ей на шею петлю и слегка затянуть ее мне труда не составило.

Неприятности начались, когда я стал затягивать ту же. Я не догадался сделать ничего лучше, как обвязать другой конец веревки вокруг собственного колена. Как только варан почувствовал, что у него на шее затягивается петля, он рванулся вперед, словно ракета, и веревка потащила меня за собою. Катясь по скользкому склону, мокрому от брызг водопада, я отчаянно пытался уцепиться за что-нибудь, но уцепиться было не за что, и я плюхнулся чуть ли не на голову варану. Падая, я успел сообразить, что мой противник, до смерти напуганный моим, мягко говоря, внезапным появлением, не замедлит дать бой, а испытать на себе действие его могучих когтей мне почему-то не хотелось. Но, слава Богу, и не пришлось: варан был до того потрясен, что обратился в бегство, волоча за собой веревку, но далеко не ушел: как только он оказался на свободном от скал пространстве, туземцы набросили на него сеть. Забавно было смотреть, как он в ней бьется и шипит. Мы тут же вытащили его, и я отправил одного из охотников с добычей назад, в лагерь. Поимка столь крупной рептилии, конечно, лестная награда для ловца, но я все-таки не за этим отправлялся в поход, так что мы продолжили свой путь сквозь чащу леса.

Вскоре собаки снова взяли след. И прямо скажем, на сей раз погоня оказалась куда более продолжительной и захватывающей, нежели охота за вараном. Зверь, которого мы преследовали, отчаянно несясь вниз по склону, а мы столь же отчаянно гнались за ним, перепрыгивая через обломки скал и скользя по ним, ежесекундно рискуя сломать себе ногу, а то и голову. Неожиданно зверь прынул в сторону и помчался вверх, и хотя сердца у нас ухали, как молоты, и взмокли мы, как мышцы, никто не хотел упускать добычу. Погоня длилась три четверти часа, и в конце концов, следуя за стуком собачьих погремушек, мы очутились у поваленного дерева с огромным дуплом, вокруг которого и сгрудилась собачья свора. У дупла сидел крупный белый зверь с удивительной мордой, похожей на медвежью, и небольшими ушами. Он с выражением величайшего презрения глядел на рычащих и твякающих псов; заметив на носу у одного из них следы укуса, я понял, почему собаки держатся от этого странного зверя на почтительном расстоянии. Но когда черноногий мангуст увидел людей, он поспешил скрыться в дупле.

Мы отозвали собак и, накрыв дупло сетью, отправились посмотреть, нет ли из пустотелого ствола другого выхода. Поскольку такового не нашлось, мы не сомневались, что, если зверь решится выйти, он попадет прямехонько в сеть. Осталось только найти способ выкурить его наружу. К счастью, дерево оказалось настолько истлевшим и мягким, что с помощью одних только перочинных ножей нам удалось прорезать в противоположном конце ствола дырку. Там мы развели небольшой костер, а когда огонь разгорелся, положили зеленых листьев, и вскоре едкий густой дым заполнил ствол. В течение какого-то времени оттуда доносился раздраженный кашель мангуста, но в конце концов дым стал для него невыносимым, и он шмыгнул из дупла прямо в

сеть и забился в ней, лязгая зубами и ворча. Извлечь пленника из сети стоило нам немалых хлопот, не говоря уже о том, что он почти всех перекусал. Мы посадили зверя в прочную клетку и торжественно повезли в лагерь. Первые несколько дней он был совсем диким, и как только я приближался, бросался в атаку на прутья клетки; но, постепенно привыкнув к неволе, сделался совершенно ручным и через две-три недели преспокойно брал у меня из рук пищу и даже позволял почесать себя за ушами.

В горах Британского Камеруна густые тропические леса чередуются с лугами, обильно заросшими травой. Здесь наилучший результат давали расставленные сети, куда загоняли животных. Именно в этих лугах мне хотелось отловить гигантскую белку — самую крупную из обитающих в Камеруне, которая в два раза больше обычной английской белки. Эти животные встречаются также и в низинах, но там они обычно проводят время на самых высоких деревьях, лакомясь плодами и орехами, и очень редко спрыгивают на землю, так что поймать их практически невозможно. Здесь же они живут в узких полосах леса по берегам рек и ручьев, а утром и вечером спускаются в луга в поисках пищи. Охотники сказали мне, что знают один участок, изобилующий этими белками, и я решил попробовать поймать их рано поутру, когда они спрыгнут в траву кормиться.

Мы выступили в поход около часа ночи и прибыли на место как раз перед зарею. Сети мы расставили на краю леса полукругом, замаскировав их травой и ветками. Все это делалось в полной темноте и тишине, чтобы белки не догадались о нашем присутствии. Затем мы спрятались в больших кустах и стали терпеливо поджидать. Когда занялась заря, одежда наша была насквозь мокрой от росы. Климат в горах куда прохлад-

нее, чем на равнинах, и к восходу солнца мы успели так продрогнуть, что стучали зубами от холода.

Наконец, когда над лугом поднялся густой утренний туман, мы услышали, как над нами в разных местах раздалось недовольно «чук-чук», и охотники шепнули мне, что это белки готовятся спуститься вниз на утреннюю трапезу. Всматриваясь сквозь листья в тот участок луга, где были расставлены наши сети, я вскоре заметил странный предмет, скачущий вверх-вниз. Он был черно-белым и походил на длинный воздушный шар. Если бы не охотники, я бы никогда не догадался, что это. Оказалось, это хвост белки, прячущей в траве все остальное. Скоро к одиноко скачущему хвосту добавилось еще несколько, а когда туман рассеялся, мы увидели и самих белок, то осторожно перепрыгивающих с кочки на кочку, то садящихся на огромные хвосты, раскрашенные в черную и белую полоску. Когда они оказались довольно далеко от деревьев, мы поднялись с корточек и развернулись в линию. Затем я дал сигнал, и мы медленно двинулись в направлении луга. Наше появление было встречено громким испуганным квохчущим хором — это заголосили белки, сидевшие сзади на деревьях. Те же, что скакали по земле, остановились и подозрительно вытаращили на нас глаза. Наш план был таков: медленно наступая, отогнать зверьков подальше от деревьев и подвести поближе к сетям, а затем, обратив в паническое бегство, загнать их туда; но было похоже, что он не сработает так, как мы наметили.

Одна из белок, оказавшаяся хитрее других, поняла наши намерения и, задав стрекача, обогнула линию охотников слева и скрылась в лесу. Другие сидели и наблюдали за ней, пребывая в нерешительности и соображая, следовать ее примеру или нет. Они находились еще за пределами территории, оцепленной сетями, и

мы поняли, что если чуть-чуть промедлим, то белки догадаются удрать вслед за первой и нам не видать их как своих ушей. Мы двинулись вперед, вопя и размахивая руками, чтобы нагнать на них как можно больше страха. Белки ошарашенно глянули на нас и обратились в бегство.

Двум из этих бестий удалось-таки скрыться — одна удрала вправо, другая влево, но три бросились прямо-хонько в сеть и через пару секунд сбились в бесформенный клубок. Нам стоило огромных трудов вызволить их оттуда — мало того, что они яростно фыркали, так еще искушали нам руки своими оранжевыми зубами. А такие изящные создания — с красно-коричневыми спинками, лимонно-желтыми брюшками и огромными закругленными хвостами в черно-белую полоску, каждое восемнадцать дюймов длиной. Теперь, когда оставшиеся на свободе белки поняли, что мы охотимся за ними, продолжать ловлю было бессмысленно, и пришлось довольствоваться тремя. Мы отнесли их в лагерь в сумках из прочного холста. Затем, пересадив в роскошную просторную клетку и снабдив щедрым пайком

из овощей и фруктов, оставили их наконец в покое. Тщательно обследовав свое новое жилище, белки слопали за милую душу все, что им положили, и, свернувшись калачиком, уснули.

Я долго думал, почему этих белок называют крикунями, и на следующее же утро получил ответ. На заре меня разбудил странный звук, доносившийся из клетки; я вылез из постели и обнаружил, что источником его являются белки, сидящие у проволочной дверцы. Их позывные начинаются с негромкого гуда, подобного ветру, когда он гудит в телеграфных проводах; звук постепенно нарастает, в нем все сильнее звучат металлические ноты, пока он по тону не становится похожим на затихающий звук гонга. Белки оглашали этим криком мой шатер каждое утро и в течение целой недели будили меня ни свет ни заря, пока я не привык. Если учесть, что к ежеутренним концертам добавлялись ежевечерние, то поневоле задумаешься, не на свою ли голову ты поймал этих тварей.

Глава вторая,
**В КОТОРОЙ У МЕНЯ НА ПОПЕЧЕНИИ
ОКАЗЫВАЮТСЯ КРОКОДИЛЯТА,
КИСТЕХВОСТЫЕ ДИКОБРАЗЫ
И ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ЗМЕИ**

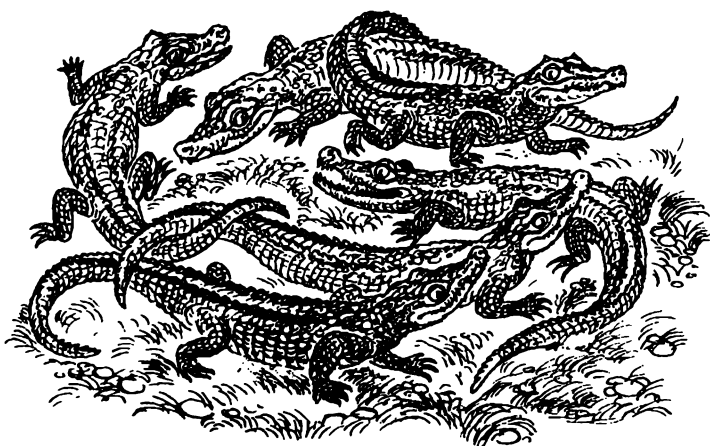
Когда в результате ежедневных походов у меня собралась порядочная коллекция животных, я обнаружил, что времени для новых вылазок остается все меньше и меньше, так как мои питомцы требовали к себе все больше и больше внимания. Чтобы продолжать пополнение коллекции в прежнем темпе, оставалось одно: выходить на ловлю ночью.

Это, пожалуй, один из самых волнующих видов поиска. Вооруженная помимо обычного набора сумок, бутылок, ящиков и сетей еще и фонарями, наша команда выступала из лагеря сразу с наступлением темноты и двигалась медленным шагом, озаряя ярким светом на-

висавшие над нами ветви деревьев. Если меж них таился какой-нибудь зверь, его глаза, в которых отражался свет, сверкали среди листвы, словно диковинные самоцветы. Этот метод ловли и в самом деле оказался очень успешным: ты встречаешь столько животных, которых никогда не увидел бы в дневное время, потому что, следуя своему образу жизни, они выходят охотиться и кормиться только ночью, а днем спят в норах и гнездах. Но отыскать в ветвях или в траве — это еще полдела, самое трудное — их поймать.

Как ни странно, среди животных, которые легче других даются в руки ловцу, оказались крокодилята. Эти рептилии обитают в небольших мелких ручьях и речушках, пересекающих лес крест-накрест. Ночью они выползают на миниатюрные отмели и залегают там в ожидании, что какая-нибудь неразумная тварь придет к ручью напиться — тут-то они ее и схватят.

В поисках этих созданий мы шли по течению ручьев, иногда по пояс в воде, освещая себе путь фонарями. Вдруг неожиданно с отмели сверкнул два горящих уголька. Я осторожно подхожу, направляя свет прямо в глаза крокодиленку, чтобы он не смог меня заметить, наклоняюсь... и раз — прижимаю его к земле рогулкой, вроде той, с которой ходят на змей. Многие из этих животных имеют всего от восемнадцати дюймов до двух футов в длину, но иногда встречались и покрупнее — до четырех футов и более. Когда прижимаешь их к земле, они принимают бить хвостами и рычать, как львы, пытаюсь вырваться и скрыться под водой. Пересаживая такого зверя в ящик, необходимо внимательно следить не только за пастью, но и за хвостом, поскольку одним ударом он способен переломить руку. А то могут пуститься и на такую хитрость — лежат себе смирнехонько и преспокойно дают себя взять, а потом неожиданно извернутся и так саданут тебя хво-

стом, что волей-неволей разожмешь руку и выпустишь добычу обратно в ручей. Наученные горьким опытом, мы взяли за правило не поднимать крокодила с земли иначе, как крепко зажав ему шею и хвост.

Один из самых трудных и драматичных походов я совершил, когда находился в небольшой деревушке Эшоли. Мы бродили почти всю ночь без особого успеха, пока один охотник не предложил отправиться к известной ему отвесной скале со множеством пещер. Мы решили, что уж там-то точно скрывается какая-нибудь живность, и, двинувшись в указанном направлении, вскоре вышли к реке, которую нужно было перейти вброд. Мы брели по пояс в холодной воде и уже добрались до середины, когда шедший позади меня охотник включил фонарь и — о ужас! — обнаружил, что река кишит водяными змеями, снующими туда и сюда; иные, вытянув из воды шеи, похожие на перископы, смотрели на нас блестящими глазами. Эти змеи не были ядовиты (хотя, если их раздражить, могут цапнуть будь здоров), но африканцы убеждены, что все змеи ядови-

ты, и относятся к любому виду с величайшей осторожностью. Бедный охотник, застигнутый врасплох на середине реки, решил, что на него ниспосланы чуть ли не все водяные змеи, какие только есть в Камеруне; издав дикий крик, он бросился к берегу, но бежать по пояс в воде оказалось не так-то просто — течение сбilo его с ног, и он плюхнулся в воду, утопив все снаряжение, которое нес на голове. Напуганные шумом, водяные змеи тут же скрылись под водой. Когда бедняга снова поднялся на ноги, вздыхая и что-то бессвязно бормоча, товарищи бросились расспрашивать его, что случилось; услышав, что река полна змей, они зажгли фонари, но не обнаружили ни одной. После недолгих споров мне удалось убедить охотников постоять спокойно на середине реки с потушенными фонарями. Простояв так около получаса, мы снова зажгли их и опять увидели себя в окружении змей, точно вытканых своими телами серебристые узоры на поверхности воды. С помощью сачков на длинных рукоятках мы отловили четыре-пять; как они ни бились и ни извивались, а оказались в наших мешках. Затем мы продолжили свой путь.

Достигнув скалы, мы убедились, что она и в самом деле изрезана пещерами различных форм и размеров, что делало ее похожей на медовые соты; входы в них заслоняли кучи камней и невысокий подлесок. Мы поделили скалу на участки, и каждый взялся обследовать свой, ища, чем здесь можно поживиться.

С надеждой на успех я продвигался среди скал, светя фонарем туда и сюда, и вдруг увидел, как из кустов выскочило существо странной формы и, мелькнув передо мной, юркнуло в небольшую пещеру. Я ринулся вперед и, став на колени перед входом, посветил туда, но ничего не увидел. В ширину вход в пещеру был почти с дверной проем, но в высоту едва достигал двух

футов. Чтобы добраться до скрывшегося в пещере зверя, мне пришлось ползти на брюхе, держа фонарь в зубах. Это было в высшей степени неудобно, тем более что пол пещеры был усыпан острыми обломками скал, поэтому продвижение вперед оказалось медленным и болезненным.

Я увидел, что проход заканчивается небольшим круглым помещением, из которого новый проход вел дальше вглубь. Я прополз и по этому коридору и обнаружил, что и он заканчивается подобным помещением, только гораздо меньших размеров. Посветив вокруг, я услышал два глухих вздоха, за которыми последовало шуршание, скорее похожее на хрип. Пока я соображал, откуда исходит этот странный звук, хрип повторился, и некое существо, выскочив из мрака, выбило у меня из руки фонарь и бросилось наутек; мне показалось, что в запястье вонзилось полсотни иголок. Подобрал фонарь, я увидел, что оно так исколото и исцарапано, будто я со всего размаху сунул руку в куст ежевики.

Вползая в коридор, по которому удрал таинственный агрессор, я снова посветил вокруг и скоро обнаружил противника. Это был взрослый кистехвостый дикобраз. У этих диковинных животных задняя часть покрыта длинными острыми иглами, а голый хвост заканчивается чем-то вроде кисти из иголок, похожей на колос пшеницы; если этой кистью потрясти, то и раздается тот самый хриплый шуршащий звук, что я слышал в самом начале. Дикобраз повернулся ко мне спиной, растопырил иглы, искоса глянул вытаращенными злобными глазками и предупреждающе затопал лапой. Я решил, что без риска для себя схватить его можно только за одну часть тела, а именно за хвост. Тщательно обернув руку холщовым мешком, я подполз ближе и цапнул его как раз чуть выше устрашающего пучка иголок. Пытаясь бежать, он рванулся назад, и колючки прошли

сквозь холст, как нож сквозь масло. Тем не менее я превозмог боль и попытался натянуть зверю на голову мешок, который держал в другой руке. Но я был так зажат в узком коридоре, что успешное манипулирование мешком оказалось невозможным. С каждым движением мне в тело впивались все новые иглы, и в конце концов животное бросилось мне на грудь. Того, что пережил я, одетый лишь в тонкую рубашку, я и врагу не пожелаю.

Я решил, что лучше всего попытаться вытащить динокобра из пещеры и там уже сунуть его в мешок. Крепко ухватив упирающегося злюку за хвост, я пополз назад, осторожно волоча его за собой. Казалось, прошли часы, прежде чем я очутился на свежем воздухе; мой пленник, похоже, утратил всякую волю к сопротивлению и вел себя совсем смирно. Я кликнул охотников и с их помощью запихал добычу в мешок. Дорого же мне пришлось заплатить за поимку — я был с ног до головы исколот, покрыт синяками и царапинами.

При сборе своей коллекции я испробовал множество методов. Можно, например, разместить в разных уголках леса ловушки, но делать это нужно со знанием дела, потому что большинство лесных животных имеют свою четко обозначенную территорию, черту которой редко переступают. Они обычно строго следуют привычному маршруту — по тропинкам ли, по кронам деревьев,— и если ты поставил ловушки в стороне от него, более чем вероятно, что животные туда никогда не попадутся. Многие считают, что в больших лесах звери бегают, куда им заблагорассудится, но это не так: каждое выбирает для себя подходящую территорию и обосновывается на ней. Иногда это большие участки, но иногда они на удивление малы, почти как клетка в зоопарке. Главное — было бы в досталь еды, питья,

удобное и безопасное место для сна. А чего еще надо? От добра добра не ищут.

Бытует мнение, будто ловля диких животных неизменно сопряжена с большой опасностью, а уж поиски их ночью в лесу — настоящее безумство. В действительности же глубины леса не столь опасны, причем в ночное время не больше, чем днем. Приходите сами и убедитесь, что дикие звери, заслышав ваше приближение, жаждут только одного — уйти с вашего пути и избежать нежелательной для них встречи. Они нападут лишь в том случае, если вы загоните их в угол, и трудно их за это винить. Но вообще-то все лесные твари, не исключая змей, ведут себя весьма корректно, только бы их оставили в покое. В общем, отлов диких животных — не такая уж страшная штука: вернее, степень опасности зависит от вашей самонадеянности. Другими словами, идя на глупый риск, не сожалейте потом о последствиях. Случается, конечно, и так, что в критический момент вы ставите себя под удар, не сознавая этого, и только потом ужасаетесь собственной глупости.

Направляясь второй раз в Западную Африку, я познакомился на борту судна с молодым парнем, который ехал на банановую плантацию. Он признался, что единственное, чего действительно боится, так это змей. Я объяснил, что змеи, как правило, стремятся избежать встречи с человеком, к тому же их не так много, и едва ли ему суждено будет близко познакомиться с ними. Мой рассказ, видимо, настолько воодушевил его, что он даже пообещал достать несколько экземпляров для моей коллекции. Я поблагодарил его и тут же позабыл об этом разговоре.

...Собрав коллекцию, я ехал по побережью туда, где намеревался сесть на корабль. До отплытия оставалась всего одна ночь, как вдруг на машине примчался мой случайный попутчик. Он был крайне взволнован и со-

общил, что наконец отыскал обещанное: на банановой плантации, где он работал, оказалась яма, полная змей, и все они будут моими, если я отправлюсь вместе с ним и извлеку их оттуда. Не дав себе труда расспросить, что же это за яма, я согласился, и мы поехали. Прибыв в его бунгало, я обнаружил, что там собралось немало желающих глазеть, как я ловлю змей.

Перед столь ответственным мероприятием всей компанией решили пропустить по маленькой. Вижу — мой приятель что-то ищет; как выяснилось, кусок веревки. Я поинтересовался, зачем она ему понадобилась, и был немало удивлен ответом — оказывается, чтобы спустить меня в змеиную яму! Вот тут-то я впервые и задал вопрос: что же это за яма такая?

Ее размеры превзошли мои самые смелые предположения. Яма, похожая на большую могилу, имела примерно двадцать футов в длину, три в ширину и минимум десять в глубину. Я поспешно объяснил, что для ловли змей в такой яме нужен фонарь, которого я не догадался захватить. Ни у кого из всей компании фонаря, как ни странно, не нашлось, но мой приятель нашел-таки выход: он привязал к концу веревки большую керосиновую лампу, чтобы опустить ее вместе со мной. Я не возражал, тем более что, по его словам, она светит лучше любого фонаря. В этом он оказался прав.

Взяв все необходимое, мы побрели по освещенной лунным светом банановой плантации к знаменитой яме, и я тешил себя надеждой, что змеи, ее населяющие, по счастливой случайности окажутся каким-нибудь безобидным видом. Но лишь только я спустил туда лампу, я увидел, что яма кишит детенышами габонской гадюки — едва ли не самой коварной змеи во всей Западной Африке. Гаденыши были явно взбуждены нашим

вторжением — поднимая головы, похожие на наконечники копий, они злобно шипели.

Коль скоро мне не дано было предугадать, что придется спускаться в глубокую яму, кишашую ядовитыми гадами, то и одет я был неподобающим образом. Брюки из тонкой материи и сандалии, конечно, никак не могли защитить от дюймового жала габонской гадюки. Я объяснил это своему приятелю, и он великодушно одолжил мне брюки и башмаки, оказавшиеся достаточно прочными. А поскольку все мои требования были исчерпаны, меня обвязали вокруг пояса веревкой и начали спускать.

Вскоре оказалось, что мои помощники и зрители завязали на веревке скользкий узел, и чем ниже я спускался, тем туже затягивалась веревка, так что дышать стало почти невозможно. Когда до дна оставалось совсем чуть-чуть, я крикнул, чтобы спуск приостановили, — хотел удостовериться, что в точке моего приземления змей нет. Удостоверившись, я дал сигнал спускать дальше, и тут произошли две неприятные вещи. Во-первых, перед началом операции все так волновались, что никто не догадался подлить в лампу керосина, и в самый ответственный момент свет погас. Во-вторых, размер башмаков, которые мне любезно одолжили, значительно превышал мой собственный, и один сразу слетел. Вообразите, каково мне было в темноте на глубине десяти футов, на одной ноге, окруженному семью-восемью разъяренными гадюками, — никогда в жизни я не испытывал такого страха! Я стоял, боясь пошевелиться, пока мои ассистенты вытащили лампу, долили ее, зажгли и снова спустили мне. Я тут же бросился отсбивать второй башмак.

Но вот наконец я обут и при лампе. Тут я совсем расхрабрился и приступил к ловле змей. По сравнению с тем, что уже пришлось пережить, это оказались сущие

пустяки. Рогулькой я придавливал гадюку к земле, а затем хватал за шейку и бросал в специальный змеинный мешок. Правда, приходилось следить, чтобы, покаловишь одну змею, другая не подползла сзади и не устроилась у тебя под башмаком. К счастью, обошлось без трагических происшествий, и за полчаса я наловил восемь габонских гадюк; решив, что хорошенького понемножку, я дал знак вытаскивать меня из ямы.

После этой истории я и пришел к выводу, что при ловле животных степень опасности прямо пропорциональна вашей глупости. Это, пожалуй, главный итог той памятной ночи.

Глава третья,
**В КОТОРОЙ ГЛАВНУЮ РОЛЬ
ИГРАЮТ ПОРОСЯТА ПАФФ И БЛОУ**

Наш базовый лагерь походил на цирк, неведомым образом очутившийся в лесу. Это сходство еще усилилось, когда он начал заполняться животными. По одну сторону шатра шла чередка клеток, в которых я держал всякую «мелочь» — мышей, мангустов и прочих.

В первой клетке жили два славных отпрыска рыжей речной свиньи, которых я назвал Пафф и Блоу. Более обаятельных малышей трудно себе представить. Взрослая речная (она же кистеухая) свинья — пожалуй, самая изящная и колоритная из своего не слишком грациозного семейства. У нее ярко-рыжая шкура, а вдоль спины и шеи — гривка из чисто белой шерсти. На кончиках длинных пятнистых ушей — такие же белые ки-

сточки. Впрочем, Пафф и Блоу, как и все поросята, были полосатыми — сливочные полосы на шоколадном фоне. Когда они носились по загону, то походили на маленьких толстеньких ос.

Первым в лагере появился Пафф. В одно прекрасное утро к нам пришел местный охотник с плетеной корзиной на голове. В ней совсем крохотный поросенок. Вид у него был печальный, и я выяснил почему: вот уже два дня, с тех пор как его поймали, он ничего не ел; согласитесь, что в таком положении даже самая гордая свинья повесит пятак. Охотник пытался кормить пленника бананами, но бедняга был еще слишком мал для такой пищи. Ему хотелось молочка, и чем больше, тем лучше. Расплатившись с охотником, я достал большую бутылку, наболтал в ней молока с сахаром и, взяв поросенка на колени, попытался покормить. Он был размером с пекинеса, с крошечными копытами и парой маленьких, но весьма острых клыков, которые я вскоре почувствовал у себя в боку.

Детеныш, естественно, никогда не видел бутылочки и отнесся к ней с большим подозрением. Когда я попытался всунуть ему соску, он решил, что я изобрел для него какую-то изощренную пытку. Он вопил, больно лягался копытцами и пытался ударить меня своими миниатюрными клыками. После равной борьбы, длившейся приблизительно пять минут, мы оба оказались так перепачканы молоком, будто нас в нем выкупали; но, как говорится, по клыкам текло, а в рот не попало.

Я снова наполнил бутылку и, крепко зажав свинтуса между коленями, одной рукой открыл ему пасть, а другой попытался влить в глотку немного молока. Поросенок так жутко визжал, что всякий раз, когда мне это удавалось, он тут же выплевывал молоко обратно. Наконец несколько капель все же просочилось внутрь, и судя по тому, что он перестал вырываться и вопить, он

почувствовал его вкус. Более того, принялся облизываться и довольно похрюкивать. Я дал ему еще немного — он высосал молоко с жадностью, а потом так присосался, что оторвать его было невозможно; брюшко у него становилось все больше и больше. Наконец, когда в бутылке не осталось ни капли, он отпустил соску, издал долгий вздох удовлетворения и устроился спать прямо у меня на коленях, храпя так, будто гудел целый рой пчел.

Теперь за него можно было не беспокоиться, а несколько дней спустя он вовсе потерял страх перед людьми. Едва завидя, что я приближаюсь к загону, он принимался радостно хрюкать, подбегал к прутьям и переворачивался на спину, чтобы я почесал ему брюшко. Когда наступало обеденное время и в поле его зрения попадала желанная бутылка, он высовывал пяточок наружу и поднимал такой визг, будто его всю жизнь держали на голодном пайке.

Через две недели у Паффа появилась подружка по имени Блоу. Она тоже была поймана в лесу охотником-африканцем и тоже энергично протестовала против пленения. Охотник с добычей еще только направлялся ко мне, а я уже понял, кого он несет. Я посадил ее в соседнюю с Паффом клетку, поскольку боялся, что она, будучи крупнее Паффа, станет обижать его.

Пафф отреагировал на появление гостьи обычным истощным визгом. Она же, увидев себе подобного, наоборот, перестала вопить и подошла рассмотреть его поближе. Они радовались встрече, словно давно не видавшиеся брат и сестра. Я же, умиленный тем, как они тянут сквозь прутья пяточки, решил посадить их в одну клетку.

Давно бы так! Поросята бросились навстречу друг другу и взволнованно друг друга обнюхали. Громко захрюкав, Пафф ткнул Блоу пяточком в ребра. Та, хрюк-

нув в ответ, пустилась скакать по клетке. Какая веселая началась погоня! Пафф гонялся за Блоу по кругу; она то убегала от него, то бежала рядом, пока игра в догонялки не утомила обоих и они не завалились спать на банановые листья, храпя так, что дрожала вся клетка.

Вскоре Блоу научилась пить из бутылки не хуже Паффа, но поскольку она была старше, в ее меню включалось и кое-что посущественней. Каждый день, когда поросята выпивали свое молоко, я ставил в клетку поднос с мягкими фруктами и овощами, и Блоу все утро развлекалась тем, что мечтательно рылась в них. Паффу это очень не нравилось, и виной тому было отнюдь не свинское поведение Блоу за обедом. Он был еще слишком юн и не мог есть твердую пищу, но понять этого почему-то не хотел и очень обижался, что его подружке дают фрукты, а ему нет. Чувствуя некую ущербность, он, скорчив недовольную мину и что-то сердито бурча себе под нос, стоял и безотрывно наблюдал за тем, как она ест. Порой он пытался оттеснить ее от подноса, толкая пяточком; тогда Блоу прерывала свои мечтания среди раздавленных бананов и, сердито визжа, отгоняла его в противоположный конец клетки. Чем больше времени проводила Блоу у подноса с фруктами, тем больше злился Пафф.

Наконец ему пришла в голову мысль, что самый простой способ получить добавку — это пососать хвост у подружки. Возможно, он чем-то напомнил ему соску, но, так или иначе, поросенок решил, что, если долго сосать, что-нибудь да высосешь. Теперь каждый день, когда, пофыркивая, Блоу рылась во фруктах, Пафф безмятежно сосал ее хвост. Пока он просто сосал, она не обращала никакого внимания, но когда он, раздраженный, что желанное молоко так долго не появляется, пускал в ход свои маленькие острые клыки, Блоу раз-

ворачивалась, била его копытом под ребра, прогоняла в противоположный конец клетки и, сердито ворча, возвращалась к еде. Кончилось тем, что я вынужден был их разлучить: Пафф с таким энтузиазмом сосал хвост у Блоу, что на нем совсем не осталось шерсти. За время разлуки хвост обрел свой первоначальный вид, а Пафф научился есть твердую пищу.

По неведомым мне причинам Блоу оказалась куда трусливее Паффа. Поняв это, он не упускал случая поугаить ее. То прятался за ограждением, а когда Блоу проходила мимо, неожиданно выпрыгивал из своего убежища, то притворялся спящим и вдруг с громким хрюканьем вскакивал на ноги. Однажды он так напугал ее, что она упала на поднос с едой и вылезла оттуда, благухая бананами и манго.

Пафф выдумал оригинальную шутку, которую любил разыгрывать по утрам, когда я вычищал клетку. После уборки я насыпал в углу кучу сухих банановых листьев — вместо постели. Пафф тут же зарывался в нее с головой и терпеливо, иногда до получаса, ждал, пока Блоу не выйдет на поиски. Тут-то он и выскакивал с диким визгом из кучи и гнал ее через весь загон. Это повторялось иногда трижды за утро, но бедняжка Блоу, похоже, не извлекала для себя никаких уроков. Всякий раз, когда он, словно полосатая ракета, вылетал из-под кучи, она убегала что есть мочи, очевидно думая, что на нее напал леопард или кто-нибудь в этом роде. Так они целый день гоняли друг друга и устраивали всякие фокусы, а к концу дня так изматывались, что сил у них оставалось только на ужин. Иногда они так с соской и засыпали, и мне приходилось их будить, чтобы они допили молоко. После этого, сонно ворча, они зарывались в свои листья и храпели в унисон всю ночь.

Как раз в тот час, когда засыпали хрюшки, пробуждались обитатели соседней с ними клетки. Это были лемуры из рода галаго — крохотные создания размером с новорожденного котенка, чем-то напоминающие сову, чем-то белку, но с примесью обезьянки. У них густая мягкая серая шерстка и длинные пушистые хвосты. Руки и ноги похожи на обезьяньи, а огромные золотые глаза сходны с совиными. Целый день эти зверюшки спят, свернувшись калачиком, а с заходом солнца просыпаются и высовываются из своей спаленки, сонно позевывая и глядя на все удивленными глазами. Потом, по-прежнему зевая и потягиваясь, они медленно выходят в клетку, садятся в кружок и принимаются умываться и чиститься.

А это, скажу я вам, занятное представление. Они начинают с кончиков хвостов и медленно продвигаются дальше, разглаживая и расчесывая длинными когтистыми пальчиками каждую складку своей шубки. Затем, удовлетворенно оглядев друг друга золотыми сияющими глазами, они приступают к другому занятию — вечерним упражнениям. Сидя на задних ногах, они вытягиваются, насколько могут, неожиданно подпрыгивают, делая в воздухе сальто, и приземляются с поворотом на сто восемьдесят градусов. Размявшись, лемуры начинают скакать по веткам, носиться по кругу и таскать друг друга за хвосты, нагуливая таким образом аппетит для завтрака, который, понятно, бывает у них в ужин. Наконец они садятся у дверцы, с нетерпением ожидая, когда же я принесу им поесть.

Обычно меню лемуров состоит из мелко нарезанных фруктов, к которым прилагается миска подслащенного молока. На десерт я припасую банку с их излюбленным кушаньем — кузнечиками. Я открываю дверцу и бросаю в клетку горсть сопротивляющихся насекомых. Операцию нужно произвести в считанные доли секунды,

чтобы кузнечики не разбежались. Сразу после этого клетка оглашается радостным писком — кузнечики скачут во всех направлениях, а галаго, у которых от волнения глаза буквально вылезают из орбит, бешено носятся по клетке, ловя насекомых и запихивая их в рот. Когда рот и оба кулака оказываются полными, они с ворчанием и чавканьем начинают торопливо есть, продолжая при этом следить за тем, куда разбегаются не пойманные еще кузнечики, чтобы другим, не дай Бог, не досталось больше. Покончив с первой порцией, галаго вновь начинают свою бешеную погоню, и в скором времени в клетке не остается ни одного живого кузнечика, только кое-где валяются оторванные крылья и ножки. Но лемуры, похоже, не верят, что добычи больше нет, и еще целый час носятся как угорелые, всматриваясь в каждую щель.

По вечерам я всегда чистил им клетку, заменяя грязную траву свежей. Галаго любили, чтобы в клетке была куча зелени, — им нравилось играть со стеблями и охотиться за воображаемыми насекомыми, которые, по их убеждению, могли там прятаться.

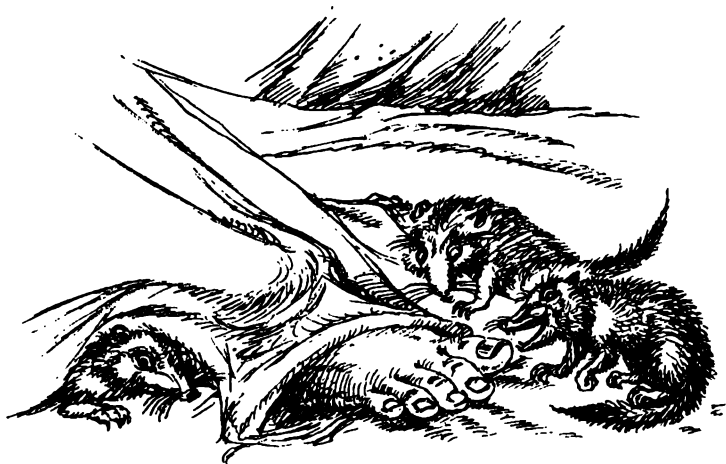
Однажды вечером я, как всегда, положил в клетку травы, а вместе с ней совершенно случайно — похожий на календулу золотистый цветок на длинном стебле. Спустя какое-то время я обнаружил, что один из лемуров сидит на задних лапах с цветком в руке, медленно откусывая и съедая лепестки. Когда последний лепесток был съеден, лемур выбросил пушистую сердцевину; другой немедленно подхватил ее и принялся с ней играть. Сперва он подбрасывал ее в воздух и ловил, затем загонял в угол и «убивал», словно кузнечика, проделывая это столь реалистично, что один из его товарищей подумал, будто там и вправду кузнечик, и отправился на разведку. Схватив цветок в зубы, первый галаго пустился наутек, два других — за ним, и вот уже на полу образовалась куча мала. Цветок, конечно, разодрали на мелкие кусочки, но с тех пор я каждый вечер клал им два-три похожих. Съев лепестки, они принимались играть с тем, что осталось, не то в прятки, не то в догонялки.

Наблюдая за играми лемуров, я не переставал восхищаться скоростью и ловкостью их движений. Но по-настоящему оценить их ловкость и скорость я смог лишь тогда, когда однажды вечером зверек улизнул.

Галаго только что закончили трапезу, и я убирал пустые миски, как вдруг один из них шмыгнул через приоткрытую дверцу прямо мне на руки, добежал до плеча и прыгнул на крышу клетки. Я попытался схватить его за кончик хвоста, но он отскочил, словно резиновый мячик, и повис на самом краю крыши, наблюдая за мной. Я осторожно приблизился, но только сделал резкое движение, пытаясь схватить зверька, как он снова удрал от меня. Он взлетел, словно перышко, на высоту восьми футов на опорный столб шатра и повис там как приклеенный. Я полез за ним; играя со мной в кошки-мышки, чертенок дал мне приблизиться, но

затем неожиданно, используя мое плечо вместо трамплина, перескочил на крышу другой клетки. Так я гонялся за ним добрых полчаса. Я взмок и устал, а зверек все больше входил во вкус. Поймать его мне удалось только чудом. Он прыгнул на кучу старых ящиков, а оттуда на москитную сеть над моей постелью, очевидно сочтя ее чем-то твердым. Куда там! Сеть провисла, и вот он уже в ней забился! Прежде чем он выпутался, я уже сгреб его. С тех пор я открывал клетку галаго с величайшей осторожностью.

Глава четвертая,
**В КОТОРОЙ МЕНЯ ЗДОРОВО
ПОКУСАЛИ БАНДИТЫ**

Если бы вы прошли мимо соседней с галаго клеткой и услышали доносящиеся оттуда жуткие звуки, то непременно сочли бы, что там находится, по меньшей мере, пара тигров или других не менее свирепых и страшных животных. Рычание, визги и хрипы в сочетании с ворчаньем и урчаньем слышались оттуда в любое время суток. Виновниками этого ужасного шума были, однако, не тигры и не львы, а три маленьких, чуть побольше морской свинки, зверька вроде мангустов. Но при малом своем росте они были куда шkodливее всех остальных моих питомцев, вместе взятых, за что я совершенно справедливо окрестил их Бандитами.

Когда они попали ко мне, глаза у них только что прорезались, и каждый был размером с небольшую крысу. У них была рыжеватая, сильно свалывшаяся шкурка и розовые, будто вырезанные из школьного ластика, носики, которыми они с любопытством обнюхивали все, что попадалось у них на пути. Выкармливать их оказалось непростым занятием: они были еще слишком малы, чтобы пить из бутылки, и мне приходилось обертывать вокруг палки вату, окунать в молоко и так поить. А выпивали они куда больше, чем любой известный мне детеныш, так что представьте себе, какая с ними была морока.

Но это было еще полбеды. Как только у них стал полон рот зубов, с ними и хлопот стало полон рот. Они оказались такими жадными, что вцеплялись бульдожьей хваткой в вату, и никакими силами их нельзя было оторвать, чтобы вновь окунуть ее в молоко. Часто они просто стаскивали вату с палки и пытались проглотить. Тогда приходилось доставать ее из глоток пальцами, тем самым спасая малышей от смерти. Само собой разумеется, для них это была крайне неприятная операция — от сунутых в глотку пальцев их рвало, и процедуру кормления приходилось начинать сначала.

Обзаведясь крошечными зубками, малыши стали бравыми и дерзкими и все время пытались сунуть нос куда не следует. Сначала я держал их в корзине подле своей кровати, чтобы легче было кормить их ночью. Крышка у этой корзины закрывалась ненадежно, и Бандиты так и норовили вылезти и обследовать лагерь целиком. Это меня очень беспокоило, потому что в лагере находилось множество опасных животных, а Бандитам, похоже, страх был неведом, и они могли с одинаковой легкостью проникнуть и в клетку с обезьянами, и в ящик со змеями. Они беспрестанно занимались поисками пищи, и все, что оказывалось у них на пути, не-

изменно испытывало на себе воздействие их зубов. А вдруг обнаружится какое-нибудь неведомое доселе лакомство?

Однажды, выбравшись из корзины без моего ведома, они отправились вдоль обезьяньих клеток в поисках, чем бы поживиться. А у меня тогда была обезьяна с очень длинным шелковистым хвостом, который составлял предмет ее гордости. Она проводила целые часы, холя и лелея его, чтобы на нем, как и на всей блестящей шкурке, не было ни единого пятнышка. И надо было случиться, что как раз в то время, когда мои разбойники разгуливали на воле, она принимала солнечные ванны, лежа на полу клетки, а ее драгоценный хвост высунулся наружу.

Один из них увидел на своем пути хвост, счел его ничейным и решил попробовать на вкус. Двое других, позавидовав столь соблазнительной находке своего товарища, тут же подскочили и последовали его примеру. Насмерть перепуганная владелица хвоста с ужасным криком кинулась наверх, но это не остановило непрощенных гостей: они продолжали висеть у нее на хвосте, и чем выше обезьяна забиралась, тем выше поднимались и Бандиты. Когда я прибыл на место происшествия, отважная троица находилась на высоте примерно одного фута над землей; вцепившись зубами в обезьяний хвост, они вращались на нем то по часовой стрелке, то против. Пришлось дыхнуть на них табачным дымом, чтобы они раскашлялись и отцепились.

Вскоре после этого случая Бандиты сыграли схожую шутку и со мной. Каждое утро, покормив их завтраком, я позволял им шататься вокруг моей кровати, да и по ней тоже, пока мне не будет подан чай. Они имели привычку тщательно обследовать постель, перехрюкиваясь и перевизгиваясь, бегая туда-сюда и суя свои

длинные розовые носы во все складки, чтобы разведать, не спрятано ли там что-нибудь вкусненькое.

В то роковое утро я лежал и дремал, а Бандиты тем временем совершили восхождение на кровать и затеяли возню на одеяле. Вдруг я почувствовал невыносимую боль в ноге. Я вскочил — и что же вижу? Оказывается, один из Бандитов разнюхал мой палец и решил, что это тот самый лакомый кусок, который я от него спрятал. Он старался запихнуть палец как можно глубже в рот и жадно жевал его, довольно урча. Не в силах вынести такое издевательство, я схватил гаденыша за хвост и заставил его отцепиться, что он и сделал с большой неохотой.

Со временем Бандитам стало тесно в корзине, и я пересадил их в клетку. Да и не было уже такой корзины, которая выдержала бы их острые зубки. К тому времени они научились есть с блюда — в их меню входили сырые яйца и мелко накрошенное мясо, перемешанное все с тем же молоком. Я построил для них весьма изящную клетку, которая пришлась им по душе. В углу было место для сна, а остальная площадь

служила для игр и принятия пищи. Две дверцы делили клетку на три части. Я надеялся, что после переселения проблем с ними больше не будет, но оказалось, что я ошибся. Осталась проблема, как их кормить.

Клетки с животными стояли в несколько ярусов; их клетка находилась на самом верху, достаточно высоко над землей. Как только они замечали, что я приближаюсь с едой, они принимались визжать во всю мочь и собирались у дверцы, просовывая сквозь прутья длинные розовые носики. Мысль о пище их так волновала и каждый так стремился первым до нее дорваться, что, как только я открывал дверцу, они с криками и воплями вырывались наружу и выбивали у меня из рук блюдо, которое падало на землю и с треском разбивалось. Я дважды позволил им такое, надеясь, что в третий раз подобное не повторится. Как бы не так! Они как ни в чем не бывало выстрелили наружу, словно ракеты. Очередное блюдо слетело на землю, а следом, отчаянно хрюкая и кусая друг друга, выскочили и сами виновники скандала. Мне пришлось ловить их, водворять обратно в клетку и готовить новую порцию. При этом нужно было соблюдать величайшую осторожность, потому что в ожидании еды они становятся невменяемы и готовы кусать все и вся, что находится в пределах досягаемости.

В конце концов мне эта процедура надоела, и я разработал хитрый план. Теперь, когда я, как обычно, подходил к их клетке с блюдом, а они, как всегда, собирались около дверцы, кто-нибудь заходил с другой стороны и стучался в другую дверцу. Заслышав это, зверьки бросались к противоположному концу клетки, думая, что стол им сервировали именно там. Таким образом, на несколько секунд плацдарм оказывался очищенным от врага, и мне надо было успеть открыть дверцу, поставить в клетку блюдо и вынуть руку, пока они

не вернулись, поняв, что их провели. О том, что случилось бы, если бы я не успел вынуть руку, думаю, догадаться несложно.

Эти мелкие создания кусали и царапали меня, пожалуй, больше, чем любые другие твари, попадавшие ко мне в коллекцию. Но при всем том они доставляли и большую радость. Я знал, что они кусаются отнюдь не из-за своего дурного нрава, а просто потому, что принимают мои руки за кусок еды. Порою они выводили меня из себя и я думал, что хорошо бы поскорее передать их в зоопарк — пусть кусают кого-нибудь другого, кто будет за ними ухаживать! Но когда дело действительно дошло до этого, мне стало очень грустно. Взглянув на них уже в зоопарке, я даже засомневался, они ли это — так мило и славно возились они в опилках и вертели своими глупенькими носиками. Когда я подошел к клетке попрощаться, они выглядели такими тихонями и скромниками, что я решил напоследок погладить их по головке. Плохо же я знал своих подопечных! Тут же вместо образцовых пай-деток передо мной предстали прежние Бандиты, и не успел я вынуть палец, как они вцепились в него всей троицей. Я насилу от них отделался и, отойдя от клетки и вытирая кровь платком, подумал: «Как же все-таки хорошо, что возиться с этими бандюгами теперь придется кому-нибудь другому!»

Глава пятая
ПОЛСТА МАРТЫШЕК — ОДИН Я

Ко мне в лагерь заходило немало гостей — и европейцев, и африканцев. Всем было интересно посмотреть на диковинных обитателей. Среди них не последнюю роль играли, конечно, обезьяны, которых у меня насчитывалось до полусотни, и все разные! Не думайте, что жить под одной крышей с этими, пусть и милыми, существами легко — так намайешься, что уже никто не мил. Из всех моих обезьян больше всего запомнились три: усатая по имени Футл, рыжеголовый мангобей Уикс и шимпанзе Чолмондли.

Когда Футл появился в лагере, он был самой миниатюрной обезьянкой, какую я когда-либо видел, — если не брать в расчет его длиннущего хвоста, он свободно уместился бы в кофейной чашке, да еще и место оста-

лось. Шерстка у него была необычного зеленого оттенка, а на груди — роскошная белая манишка. Голова, как и у большинства детенышей обезьян, казалась несоразмерно большой по сравнению с крошечным тельцем; на зеленоватом фоне выделялись ярко-желтые, как масло, щеки. Но больше всего в его расцветке удивляла широкая белая полоса, проходившая по верхней губе и создававшая впечатление усов. Ничего себе — у крошечной обезьянки усищи, как у Санта-Клауса! В первые дни Футл жил вместе с другими детенышами в корзине подле моей постели, и я поил его молоком из бутылочки, которая была почти вдвое больше его самого. Когда я приносил ее, он бросался к ней с радостным визгом, обнимал ее, хватал соску ртом, и, пока не высасывал все до конца, никакими силами нельзя было его оторвать. Он даже не позволял, чтобы я держал бутылку, — видимо, из боязни, что придется поделиться со мной. Когда он катался по постели, обхватив свое сокровище, можно было подумать, что это два борца разных весовых категорий сцепились в неравной схватке. То наверху оказывался он, то бутылка, но независимо от того, кто побеждал, Футл сосал молоко с одинаковой жадностью, и его белые усищи старательно двигались вверх и вниз.

Он был очень умненькой обезьянкой и быстро научился пить из блюдца, но как только освоился с этим, его манеры поведения за обедом стали невыносимыми. Видя, что я подхожу с блюдцем, он впадал в раж: возбужденно прыгал туда-сюда и орал не своим голосом. Как только блюдце с едой оказывалось на столе, он без колебаний нырял туда вниз головой, поднимая целый фонтан молочных брызг, и показывался на поверхности только для того, чтобы набрать воздуха. После каждой еды требовалось минимум полчаса, чтобы его высушить,

и неясно было, что же ему нравилось больше — пить молоко или купаться в нем.

Я решил, что так дольше продолжаться не может: ведь кормить его нужно пять раз в день, а коль скоро каждая кормежка сопровождается купанием, то я испугался, как бы он в конце концов не схватил воспаление легких. Я подумал, что поскольку моего подопечного возбуждает вид приближающегося молока, то, может быть, сперва на стол ставить блюдце и лишь затем подносить к нему Футла.

Настало время опробовать этот способ в действии. Едва завидев еду, мой нахаленок издал победный клич, вывернулся у меня из рук, сделал в воздухе сальто и с плеском приземлился точно в молоко. Блюдце перевернулось, и мы оба опять оказались мокрые с головы до ног.

После этого я пробовал придерживать его во время кормления. Он отчаянно извивался и визжал, досадую, что ему не дают нырнуть в молоко, как в бассейн, и иногда ему удавалось осуществить свою мечту. Но, как правило, метод срабатывал неплохо, и обезьянка оставалась относительно сухой, не считая, разумеется, ее мордашки, которая по окончании кормежки оказывалась совершенно белой, так что невозможно было понять, где у него начинаются усы и где кончаются.

Если мой друг не был занят едой, он обязательно на чем-нибудь висел, чаще всего на мне. Обычно в этом возрасте детеныши обезьяны виснут на мягкой шкуре матери, пока она лазит по деревьям, а поскольку я стал для Футла приемной матерью, он решил, что имеет полное право висеть на мне, пока я работаю. Прямо скажем, он выглядел таким пайнкой, когда сидел у меня на плече и держался за ухо! Но однажды он так расхрабрился, что спрыгнул и повис на клетке, где обитала крупная и свирепая обезьяна, которая тут

же схватила его за хвост. Если бы я не оказался рядом, это было бы его последним приключением.

Поняв, сколь рискованно таскать звереныша на плече, я начал оставлять его в корзине, но он выглядел таким несчастным и так душераздирающе плакал, пытаясь выбраться, что пришлось придумывать что-нибудь другое. Я достал свою старую куртку и походил в ней несколько дней, как всегда, нося его на плече. Убедившись, что он к ней привык, я просто вешал куртку на стул, а моего нахаленка — на куртку. Детеныш повисал на ней с прежней охотой, видимо не осознавая, что меня внутри уже нет. Может быть, он думал, что куртка — это часть меня самого, что-то вроде шкуры, а ему, в сущности, было все равно, на какой части моего тела зависнуть, он чувствовал себя одинаково счастливо! Даже когда он пытался о чем-то разговаривать со мной на своем певучем языке, ему и в голову не приходило отцепиться от куртки и попробовать прыгнуть мне на плечо.

Впрочем, когда мы прибыли в Ливерпуль, Футл вволю насиделся на мне, позируя фотографам. А те не переставали умиляться — никому из них не доводилось прежде видеть такую крошечную обезьянку. Один репортер, долго наблюдавший за Футлом, обернулся ко мне и заметил:

— Как вам это нравится?! Молоко на губах не обсохло, а какие усищи отрастил!

Уикс, рыжеголовый мангобей, получил такую кличку из-за своего крика. Стоило подойти к его клетке, как он тут же начинал вопить не своим голосом: «Уикс! Уикс!» Он был благородного серого цвета, только полоска вокруг шеи и макушка белые, а голова — цвета красного дерева. Мордашка у него была темно-серая, а

веки очень светлые, и, когда, желая поприветствовать вас, он внезапно поднимал брови и моргал, казалось, будто глаза закрываются белыми ставнями.

Уиксу было очень тоскливо одному в клетке — не с кем поиграть! Увы, другой обезьяны такой же породы у нас не было, но он этого не понимал и дулся на меня за то, что я не пускаю его к остальным. В конце концов решил, что, как только я отвернусь, нужно попробовать улизнуть.

Обнаружив между досками небольшую щель, он принялся старательно работать пальцами и зубами, пытаясь расширить ее. Дерево оказалось очень прочным, и ценою колоссальных усилий ему удалось отодрать лишь небольшую щепку. Вообще-то я не спускал с этой щели глаз — мало ли что! — но он-то этого не знал и вел себя так, будто мне ничего не известно. Он часами кусал и царапал дерево, но, заслышав мои шаги, прыгал на жердочку и, закрыв глазки и выставив напоказ белые веки, сидел с самым невинным видом, пытаясь убедить меня, что если какая-то из находящихся в лагере обезьян и повинна в каком-нибудь грехе, то уж никак не он.

Я не стал заделывать дыру в клетке Уикса с расчетом, что, удостоверившись в прочности дерева, он откажется от своей затеи. Ничуть не бывало! Это занятие так увлекло его, что он использовал любой удобный момент. Но я всегда заставлял его беззаботно сидящим на жердочке, и, если бы не несколько щепок, приклеившихся к шерсти у него на подбородке, никто и не подумал бы, что он замышляет побег. И вот однажды я решил застать его врасплох.

Я притащил своему пленнику миску с молоком и ушел к другим животным, оставив его в уверенности, что снова появлюсь не ранее чем через час. Освежившись напитком, он занялся стенкой. Я дал ему время

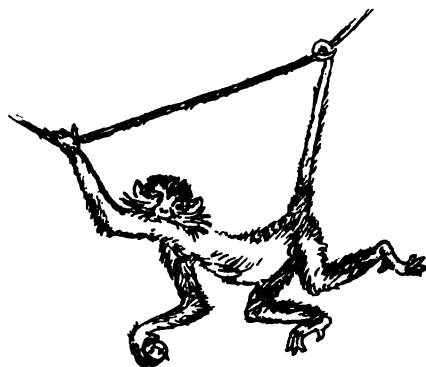
окупнуться в работу с головой, а затем тихонько пополз вдоль клеток. Сидя на корточках, Уикс с кислой миной пытался отодрать обеими руками огромную щепку, но та никак не поддавалась. Бедняга тянул изо всех сил, разъярясь все больше и больше и корча самые страшные гримасы. Как только он наклонился вперед посмотреть, нельзя ли просто откусить злополучную щепку, я спросил строгим голосом:

— Что это ты делаешь, безобразник, а?

Он вскочил будто ужаленный и глянул через плечо испуганно и виновато. Я повторил свой вопрос, и Уикс, едва заметно улыбнувшись, опустил свои белые веки. Убедившись, что меня этим не разжалобишь, он как бы в полусне отпустил щепку и, схватив пустую миску, прыгнул на жердочку. Похоже, он был до того смущен, что накрыл лицо миской, но не удержался и свалился на дно клетки. Тут я не выдержал и расхохотался, и

безобразник решил, что прощен. Он вновь забрался на жердочку, напялив миску на голову, словно шлем, но опять не удержался. На сей раз он больно ударился головой и, подползая к прутьям, держался за них, пока не пришел в себя.

Теперь, осознав, что мне все известно, он перестал таиться и работал в открытую. Если я журил его, он повторял свой излюбленный трюк — прыгал на жердочку, надевал на голову миску-шлем и шмякался вниз. Я хохотал, а он принимал это за знак прощения и снова принимался за работу. Впрочем, я из предосторожности прибил к обратной стороне кусок проволоки, и когда он это открыл, то страшно разозлился, поняв, что проволоку ему не осилить. Тогда он скрепя сердце оставил мысли о побеге, но не забыл своего трюка, повторяя его всякий раз, когда я на него сердился.

Глава шестая,
**В КОТОРОЙ МНЕ ЗАДАЕТ ЖАРУ
ШИМПАНЗЕ ПО ИМЕНИ ЧОЛМОНДЕЛИ**

Когда шимпанзе по имени Чолмондели попал в нашу компанию, он сразу стал некоронованным королем — благодаря не только размерам, но и необыкновенной сообразительности. Чолмондели был любимцем одного местного чиновника, который, желая отправить обезьяну в Лондонский зоопарк и узнав, что я собираю диких животных и вскоре отбуду в Англию, написал мне письмо, где спрашивал, не захочу ли я взять его питомца с собой. Я ответил, что, поскольку у меня уже имеется крупная коллекция обезьян, лишний шимпанзе не помещает и я буду рад доставить его в Лондон.

Я думал, это будет молоденький шимпанзе примерно двух лет от роду и фута два ростом. То, что я увидел, повергло меня в шок.

Однажды утром к лагерю подъехал небольшой фургон с огромной деревянной клетью, в которой поместился бы даже слон. Шофер объяснил мне, что там и есть Чолмондели. «Какой же идиот посылает молодого шимпанзе в такой клетке?» — подумал я и открыл дверцу.

«Детеныш» оказался здоровенным громилой восьми-девяти лет. Сидя в темном углу, он казался вдвое больше меня. По морде его было ясно, что поездка была не из приятных. Впрочем, прежде чем я успел захлопнуть дверь, Чолмондели своей огромной волосатой лапой схватил меня за руку и тепло пожал ее. Затем он повернулся и, подобрав цепь (один конец которой был прикреплен к его ошейнику), элегантно вылез из клетки. Несколько мгновений он постоял, с большим интересом осматривая лагерь, затем, вопросительно глядя на меня, протянул мне лапу. Так, взявшись за руки, мы вошли в шатер.

Там Чолмондели тут же уселся на один из стоявших около стола стульев, бросил на землю цепь, откинулся назад и скрестил ноги. Некоторое время он оглядывал шатер с весьма презрительным выражением, но, очевидно решив, что тут будет неплохо, снова посмотрел на меня вопрошающим взглядом. Видимо, он хотел, чтобы я угостил его чем-нибудь после столь утомительного путешествия. Меня предупреждали, что он страстный любитель чая, так что я вызвал повара и распорядился поставить чай, а сам отправился осмотреть клеть, в которой привезли моего гостя. Там я обнаружил огромную и порядком избитую жестяную кружку, которой Чолмондели несказанно обрадовался и даже похвалил меня за сообразительность, издав несколько радостных «ху-ху».

Пока мы ждали чай, я сел напротив и зажег сигарету. К моему удивлению, он разволновался и через весь стол протянул ко мне свою лапищу. Гадая, что же

он собирается делать, я дал ему пачку. Он открыл ее, вынул сигарету и зажал между губами. Потом снова протянул ко мне лапу, и я дал ему спички. К моему изумлению, он достал спичку, зажег ее, прикурил и бросил коробок на стол. Развалившись на стуле, он пускал дым, как самый заядлый курильщик. О том, что Чолмондели курит, мне не сообщал никто. Я испугался, не водятся ли за ним еще более дурные привычки, о которых меня не предупреждал его прежний хозяин.

Как раз в этот момент подали чай, на что Чолмондели отреагировал громкими и выразительными возгласами радости. Пока я наливал ему в кружку молоко и добавлял чай, он пристально наблюдал за мной. Мне рассказывали, что он страшный сластена, поэтому я насыпал ему целых шесть ложек сахара; он довольно заурчал. Затем положил сигарету на стол, схватил кружку, осторожно выпятил нижнюю губу и погрузил ее в чай, чтобы убедиться, что он не слишком горячий. Чай был едва теплый, но шимпанзе принялся энергично дуть на него, пока тот совсем не остыл, и выпил кружку залпом. Допив последние капли, он указательным пальцем выскреб из кружки сахар. Чайная церемония завершилась тем, что он повесил себе кружку на нос и так сидел минут пять, пока весь оставшийся сахар не стек ему в рот.

Я поставил клеть Чолмондели на некотором расстоянии от шатра, а конец цепи прибил к толстому стволу дерева. Так, подумал я, он не будет особо досаждать ни мне, ни другим обитателям лагеря, но сможет наблюдать за всем, что происходит, и переговариваться со мной на своем таинственном языке «ху-ху». Но в первый же день своего пребывания в лагере Чолмондели задал мне жару.

Возле шатра у меня содержались с десятков маленьких ручных обезьян, привязанных за веревки к вбитым

в землю колышкам. Я соорудил им для защиты от солнца навес из пальмовых листьев. Осматриваясь вокруг, Чолмондели, естественно, наткнулся на этих обезьян. Одни малютки ели фрукты, другие мирно спали на солнышке, не подозревая, что их ожидает. А случилось вот что: моему молодчику захотелось поиграть в боулинг¹, все равно чем.

Я работал в шатре, когда внезапно до меня донесся крик, которого я не слышал никогда прежде. Это вопили мои обезьянки, и я тут же выскочил посмотреть, что случилось. Оказывается, Чолмондели, подобрав булыжник размером с кочан капусты, пустил его по мартышкам, как шар по кеглям. К счастью, он не попал ни в одну из них, зато перепугал до смерти.

Как только я появился, Чолмондели подобрал другой булыжник и уже занес лапу назад, как профессиональный игрок, выбирая цель. Он был явно раздосадован, что прошлый раз промазал. Я схватил прут, с криком бросился к нему и от души ударил. К моему удивлению, Чолмондели бросил камень, накрыл лапами голову и принялся кататься по земле и вопить. Ну, это он валял дурака: в спешке я схватил такой чахлый прутик, что он его и не почувствовал на своей могучей и широкой, как стол, спине.

Еще пару раз стегнув его, я устроил ему разнос. Он сел и с виноватым видом отряхнул со шкуры обрывки листьев. С помощью африканцев я убрал все находившиеся в пределах его досягаемости камни и, устроив для профилактики еще одну выволочку, возвратился к работе. Но надежды на то, что оргмеры окажут на него какое-то воздействие, оказались напрасными: выглянув из шатра, я увидел, что он самозабвенно роет землю — не иначе как в поисках метательного оружия...

¹ Б о у л и н г — спортивная разновидность кеглей.

К моему огорчению, вскоре после приезда в лагерь Чолмондели заболел. Почти две недели он отказывался от пищи, от самых соблазнительных фруктов и деликатесов и даже — слуханное ли дело? — от ежедневной порции чая. Несколько глотков воды — вот все, что он принимал за день. Он все больше худел, глаза у него впали, и я забеспокоился, что он умрет. Он потерял всякий интерес к жизни и целыми днями лежал с закрытыми глазами в своей клетке. По вечерам, когда становилось достаточно прохладно, я выводил его на прогулки. Конечно, они не могли быть долгими — Чолмондели так ослаб, что после нескольких ярдов ему приходилось отдыхать.

Однажды я взял с собой на прогулку его любимое печенье. Мы медленно поднялись на вершину невысокого холма, что располагался вблизи лагеря, и уселись полюбоваться открывающимся с него видом. Пока мы отдыхали, я вынул из кармана одно печенье и, облизываясь от удовольствия, съел его. Чолмондели удивленно посмотрел на меня, ибо знал, что я всегда делю с ним еду, когда мы выходим гулять вместе. Я съел еще одно печенье, а он смотрел мне в рот, словно желая понять, так ли оно мне нравится, как первое. Удостоверившись, что это печенье мне понравилось не меньше, он сунул лапу в карман, вынул одну штучку, высокомерно обнюхал и, к моему изумлению, слопал, а потом полез в карман снова. Я понял, что ему становится лучше. На следующее утро он выдул полную кружку сладкого чая и сожрал целых семнадцать штук печенья, а через три дня уже ел как обычно. В следующие две недели аппетит его вырос вдвое, так что я почти разорился на бананах.

Чолмондели ненавидел только две вещи: во-первых, африканцев, во-вторых, змей. Может быть, африканцы сильно дразнили его, когда он был маленьким, но толь-

ко свою нелюбовь к чернокожему племени он демонстрировал не раз. Забьется в клеть и поджидает, пока какой-нибудь африканец не пойдет мимо, а завидя бедолагу, вскакивает, шерсть дыбом, размахивает руками и орет благим матом. А уж если чернокожая толстушка имела несчастье пройти мимо с корзиной фруктов на голове, тут только держись: он входил в такой раж, что бедняжке ничего не оставалось, как бросить корзину, подобрать юбки и задать стрекача, коли жизнь дорога. Герой же принимался лихо отплясывать с видом победителя, гремя цепью, ухая и радостно скаля зубы.

Со змеями у него той отваги не было. Завидев меня со змеей в руках, он начинал странно размахивать руками, словно хотел сказать: «Чур, чур меня!» — и вопил от страха. Если же я клал рептилию на землю и она ползла в его сторону, он удирал, насколько позволяла цепь, громко звал на помощь и швырял в змею палки и комья земли, чтобы не дать ей подползти поближе.

Однажды вечером, когда я, как обычно, собирался запереть его в клетки, он, к моему удивлению, наотрез отказался туда идти. Там была приготовлена мягкая постель из банановых листьев, и я решил, что он просто валяет дурака. Но когда я напустился на него с упреками, он взял меня за руку, повел в клетку, а сам осторожно ретировался и стал обеспокоенно наблюдать за мной. Я понял, что в клетки находится что-то для него страшное, и, тщательно обследовав ее, обнаружил крошечную змейку, свернувшуюся как раз посреди подстилки. Она была совсем не опасна, но обезьяне-то этого не объяснишь: на моего подопечного любая змея наводила страх.

Чолмондели быстро научился разным трюкам и постоянно горел желанием их продемонстрировать, так что, когда мы вернулись в Англию, он приобрел боль-

шую известность и даже несколько раз выступал по телевидению. Публика приходила в восторг от того, как он, развалившись в кресле и надев шляпу, доставал сигарету и сам прикуривал, как наливал себе пива, и от многого другого. Похоже, успехи так вскружили ему голову, что вскоре он удрал из зоопарка и отправился гулять по Ридгнент-парку, наводя ужас на встречных. Дойдя до проезжей части, он увидел стоящий автобус и ловко влез в дверь — он так любил кататься! Однако пассажиры были явно не в восторге от перспективы поездки с таким спутником и в панике бросились к выходу. К счастью, тут подоспели служители зоопарка и схватили Чолмондели. Грустно шагал он обратно в клетку, но я бы на его месте решил, что вид испуганных пассажиров, в панике протискивающихся к дверям и застревающих в них, стоит любых полученных за эту проделку разносов и колотушек. Да, чувство юмора у моего друга было явно не на высоте!

Глава седьмая,
**В КОТОРОЙ Я СТАЛКИВАЮСЬ
С ПРОБЛЕМАМИ ВОЛОСАТЫХ ЛЯГУШЕК,
ЧЕРЕПАХ И ДРУГИХ ЗВЕРЕЙ**

Отлов диких животных — обычно, хотя и не всегда, — самая простая часть экспедиции. Заполучив необходимые экземпляры, нужно позаботиться, чтобы они были живы-здоровы, а это, как правило, нелегко. Животные по-разному реагируют на неволю, и порой даже представители одного и того же вида ведут себя совершенно по-разному.

Однажды я купил у охотника двух детенышей мандрила. Мандрилы — это крупные павианы с зеленоватой шерстью и красными ягодицами; их можно увидеть во многих зоопарках. Оба детеныша неплохо прижились у меня, и скоро я заметил, что по привычкам они сильно отличаются друг от друга. Например, когда им

давали бананы, один тщательно очищал плод и съедал сердцевину, выбрасывая шкурку, а другой, столь же тщательно очистив банан, съедал как раз шкурку, а сердцевину выбрасывал.

Одной из важнейших статей обезьяньего рациона являлось молоко, которое я выдавал им каждый вечер. В большой жестянке из-под керосина я разводил горячей водой порошковое молоко, распуская в нем несколько таблеток, содержащих кальций, добавлял несколько ложек солода и рыбьего жира — и питье готово; по цвету оно напоминало слабый кофе. Большинство детенышей выпивали его залпом и буквально сходили с ума, видя, как в назначенное время я подхожу к ним с кружками. Они трясли прутья клеток, вопили, возбужденно топали ногами, пока я разливал им молоко. Однако взрослых обезьян трудно было приучить к этой странной бледно-бурой жидкости. Не знаю почему, но они явно относились к ней с подозрением.

Иногда, чтобы добиться желаемого, я разворачивал клетку, и вновь пойманная обезьяна видела, как другие с жадностью, вплоть до икоты, расправляются с содержимым своих кружек; тогда и новенькая задумывалась над тем, что, может быть, непонятный напиток все же заслуживает внимания. Попробовав его, она уже не могла оторваться. Но иногда попадалась такая упрямца, которая, хоть и наблюдала за соседями с интересом, сама наотрез отказывалась попробовать. Я решил, что в этом случае единственная возможность — плеснуть содержимое кружки обезьяне на руки. Всем известно, какие они чистюли, — обезьяна тут же примется слизывать липкую жидкость и, убедившись, как она вкусно пахнет и приятна на вкус, охотно все выпьет.

Большинство животных кормить довольно просто, если знаешь, что они едят на воле. Хищников, например мангустов и диких котов, можно кормить козлятиной,

говядиной, сырыми яйцами, добавляя в рацион молоко. Но важно, чтобы животные получали достаточно грубой пищи. Когда они убивают свою добычу, они съедают ее вместе со шкурой и костями. Если в неволе они этого не имеют, то вскоре заболевают и гибнут. У меня имелась корзина, полная перьев и шерсти, и прежде чем давать мангустам козлятину или говядину, я непременно вываливал во всем этом куски мяса.

С той же проблемой я столкнулся и при кормлении хищных птиц. Совы, например, съедают мышь, а через некоторое время срыгивают кости и шкурку в форме овального мячика. Если вы держите сов в неволе, следите за тем, чтобы такие мячики появлялись регулярно,— это признак хорошего самочувствия. Однажды, когда у меня на попечении были совы, а я не мог добыть грубой пищи, пришлось заворачивать кусочки мяса в вату и совать в вечно разинутые клювы. К моему удивлению, затея удалась, и совы отрыгивали шарики из ваты в течение нескольких недель, так что стало казаться, будто вся клетка у них усыпана снежками.

Больше всего хлопот доставляют те животные, которые в дикой природе живут на очень ограниченной диете. Таковы, например, обитающие в Западной Африке панголины, или ящеры,— крупные существа с длинными пятнистыми носами и большими хвостами, при помощи которых они висят на деревьях. Эти дико-винные животные покрыты крупными чешуйками, что делает их похожими на ожившие шишки. На воле они питаются исключительно древесными муравьями, и в Африке снабжать их излюбленным лакомством было нетрудно, но как же прокормят гурманов в Англии? Вот и приходится приучать животных к заменителям, доступным в тех зоопарках, для которых они предназначены.

Я предложил своему панголину смесь из сгущенного молока без сахара, мелко накрошенного сырого мяса и

сырых яиц. Надо сказать, что панголины — исключительно глупые животные, и на то, чтобы научить их есть новую пищу, уходит несколько недель. В первые дни пребывания в неволе они обычно просто-напросто переворачивают миску, если не закрепить ее намертво.

Одним из моих наиболее трудных питомцев оказалось чрезвычайно редкое животное — выдровая землеройка. Это существо черного цвета, с длинным телом, белыми усами и диковинным голым хвостом, похожим на хвост головастика. Обитает она в лесных речках с быстрым течением в Западной Африке. Как и у панголинов, у нее очень строгая диета: она питается только крупными пресноводными крабами. Поэтому первые два-три дня, пока она не освоилась и не привыкла к клетке, пришлось кормить ее исключительно этим деликатесом.

Но потом встал вопрос о новой диете. На местном рынке я купил в огромном количестве сухие креветки, которые аборигены употребляют в пищу, покрошил их, добавил сырое яйцо и фарш. Потом взял крупного свежего краба, разъединил его панцирь надвое, выскреб содержимое, начинил приготовленной смесью, склеил обе половины и, дождавшись, пока моя дуреха всерьез

проголодается, бросил ей этого «фальшивого зайца», точнее, фальшивого краба в клетку. Она набросилась на него, раскусила в два приема, как обычного краба, а затем принялась подозрительно обнюхивать: очевидно, вкус был не тот, к которому она привыкла. Наконец она решилась откусить кусочек. Надо полагать, «краб» показался ей соблазнительным, ибо она с жадностью съела все до конца. Так в течение нескольких недель я подавал ей к обеду как настоящих крабов, так и фальшивых, пока она окончательно не привыкла к новой пище. Потом я решился на еще более смелый опыт — положил в горшочек смесь, а сверху — краба. Раскусив его, землеройка обнаружила, что еда есть не только в нем, но и под ним. Пары дней оказалось достаточно, чтобы приучить ее кушать из горшочка.

Когда мне приносят животное, я обычно представляю, какая ему требуется пища, но тем не менее всегда спрашиваю пойманного его охотника-аборигена, знает ли он, чем питался пленник, чтобы легче было составить ему рацион. Как правило, они понятия об этом не имеют, но иногда, не желая показать свое невежество, говорят, что пойманные ими животные едят, например, банга или пальмовые орехи. Если речь идет о крысах, мышах или белках, так оно и есть, но если о мелких птицах или змеях, то это полная чушь, а мне приходилось так часто это слышать, что я перестал верить всем охотникам, которые заводили разговор о пресловутых пальмовых орехах и тому подобном.

Однажды мне в руки попали четыре милые и вполне здоровые лесные черепахи, которые быстро освоились в неволе и вполне уютно чувствовали себя в небольшом загончике, который я для них соорудил. Как правило, черепах кормить проще, чем многих других животных: они едят почти любые листья и овощи, не брезгают также фруктами и мелко нарубленным мясом. Но эти

мои гости оказались исключением. Они воротили нос от самых спелых фруктов и нежных листьев, которые я добывал для них с таким трудом. Я не мог понять, чем это вызвано, и стал беспокоиться за их состояние.

Но вот однажды в лагерь пришел местный охотник. Показывая ему коллекцию и объясняя, каких животных я желал бы заполучить, я обратил его внимание на этих черепах и сказал, что они вот уже две или три недели отказываются от любой пищи. Охотник принялся меня уверять, что эти черепахи не едят ни фруктов, ни листьев — им нужен определенный вид мелких грибов, растущих на мертвых стволах деревьев. Я, конечно, ему не поверил, но виду не подал.

Прошла еще неделя, а черепахи по-прежнему крохи в рот не брали. В отчаянии я нанял двух мальчиков, выдал им корзины и наказал принести этих самых грибов. Когда они вернулись, я высыпал грибы в загон к черепахам и стал наблюдать.

Никогда прежде мне не приходилось видеть, чтобы черепахи с такой жадностью набрасывались на еду. Они кинулись к ней изо всех своих черепаших сил, и через несколько минут от грибов не осталось и следа, только сок тек по черепашим подбородкам. Но еще более странным оказалось то, что, поев грибов, они стали есть и другую пищу, а по прошествии нескольких недель вовсе от них отказались, предпочитая спелые плоды манго.

Чем больше увеличивалась моя коллекция, тем труднее становилось снабжать ее всяческими разносолами. Мясо, фрукты, яйца и цыплят я доставал на местном рынке, но этого было явно недостаточно.

Например, все птицы, большинство обезьян, галаго и лесные крысы обожают саранчу и кузнечиков, и, чтобы поддерживать этих животных в добром здравии, необходимо постоянно снабжать их этими деликатесами.

Но такими вещами, как саранча и кузнечики, не торгуют даже на базарах Западной Африки. Выход один — спешная организация команды отважных ловцов, куда вошли десять самых быстроногих и остроглазых мальчишек.

Я выдал каждому сачок для ловли бабочек и жестянку из-под папирос, и дважды в день моя команда выходила на промысел. Оплата была, разумеется, не повременная, а сдельная и составляла один пенни за пять кузнечиков, так что самые быстрые и ловкие зарабатывали по пятнадцать, а то и по двадцать пенсов в день.

На местном наречии кузнечики назывались «пампало», соответственно и команда получила название «ловцы пампало». Если кто-то из животных заболел или какому-то пленнику нужно было скрасить первые дни пребывания в неволе, я тут же скликал «ловцов пампало», и они отправлялись на охоту.

Поскольку многие птицы были такие маленькие, что не могли справиться с крупными и колючими кузнечиками, приходилось обеспечивать их мелкими термитами, или белыми муравьями. Для этого существовала еще одна команда мальчишек. В Западной Африке несколько видов белых муравьев, но наиболее полезными, с моей точки зрения, оказались так называемые «грибные» термиты. На прохладных лесных полянках среди могучих деревьев они сооружают из серой грязи свои необычные жилища, достигающие высоты в два фута, напоминающие гигантские поганки. Внутри термитники похожи на медовые соты, с узкими проходами и крохотными кельями, где живут рабочие-термиты и новорожденные. Команда «охотников за термитами» выходила на промысел рано поутру, а возвращалась в лагерь под вечер. Каждый мальчишка нес на своей курчавой головке по три-четыре диковинные «поганки».

Я складывал добычу в темном прохладном месте, а когда наставало время кормить птиц, расстилал на земле огромный холст и аккуратно разрезал термитники огромным мясницким ножом. Затем я встряхивал их, и оттуда сыпались термиты — большие и маленькие. Я тут же распахивал их по горшочкам и спешно расставлял по птичьим клеткам, пока они не расплзлись. Птицы тоже понимали, что действовать нужно проворно, и едва я захлопывал дверцу, как они тут же садились на край горшочка и поедали драгоценное лакомство.

Кроме кормежки, существует еще проблема правильного размещения животных в клетках. Каждому виду требуется клетка определенного типа, умело спроектированная и тщательно изготовленная. В тропиках в ней должно быть прохладно, а на корабле на пути в Анг-

лию — тепло. В качестве дополнительной защиты я сделал для каждой клетки холщовую занавеску, которую можно опускать всякий раз, когда подует холодный ветер или пойдет дождь.

Не менее важен и размер клеток. Иногда крошечному зверю для нормального путешествия требуется очень большая клетка, а сравнительно крупного доведешь в добром здравии только в маленькой. Например, галаго нужно много места, чтобы они могли бегать и прыгать, — ведь на воле они находятся в постоянном движении, а вот красивых антилоп, называемых водяными козликами, можно перевозить только в длинных узких ящиках, стенки которых должны быть обиты войлоком. Виной тому — чрезвычайная нервозность этих животных. Когда клетки везут в тряском грузовике или грузят на корабль, а затем выгружают с корабля на берег, они очень пугаются. Если площадь клетки позволяет, они в испуге начнут бегать по ней кругами, пока не потеряют равновесие, — так недолго и поломать стройные, хрупкие ножки! В длинной же узкой клетке животные защищены мягкими стенками, и за их ножки можно не опасаться. Кроме того, они не обдерут кожу о дерево.

Как это ни покажется странным, но еще одним созданием, которому для перевозки требовалась обитая войлоком клетка, оказалась фантастическая лягушка, так называемая «волосатая». У этих амфибий задняя часть тела — шоколадного цвета, а толстые бедра покрыты густой порослью, похожей на шерсть. На самом деле это длинные волоски кожи. У всех лягушек кожа в той или иной степени служит органом дыхания, помогая легким, — она поглощает из воды кислород. Вот почему необходимо содержать лягушек в сырости, иначе, если кожа высохнет, они могут задохнуться. Волосатые лягушки живут в быстрых горных потоках и боль-

шую часть времени проводят под водой. Следовательно, они в значительно меньшей мере, чем другие, используют для дыхания легкие, и волоски служат для того, чтобы увеличить поверхность кожи.

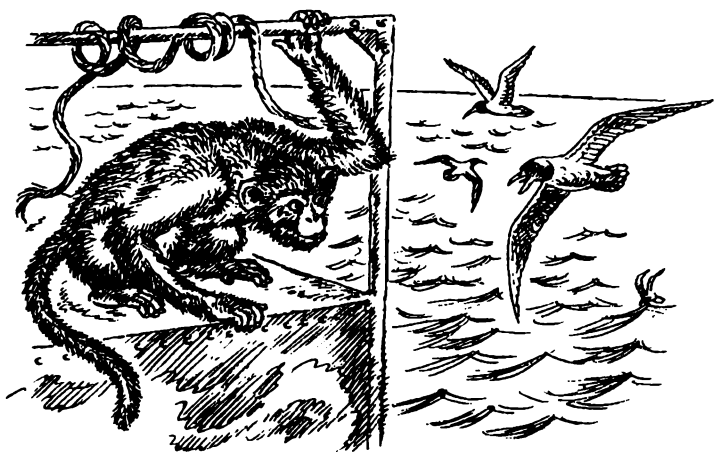
Над тем, как сохранить «волосатиков» при перевозке, пришлось изрядно поломать голову. Большинство других лягушек до погрузки на корабль можно держать в неглубоком ящике, а уже на борту пересадить каждую в муслиновый мешок и привязать мешки к большому ящику. Сидят себе смиренхонько до самой Англии, много пищи в пути не требуют; смачиваешь их водой два-три раза в день, они и довольны. Волосатые же лягушки, кроме странного украшения задней части тела, имеют еще одну особенность. У них на мясистых задних лапах имеются длинные узкие когти, похожие на кошачьи, которые они, как и кошки, могут выпускать и убирать. Если посадить волосатую лягушку в обычный мешок, она будет стараться выскочить: выпустит когти, вцепится ими в ткань да так и повиснет причудливым комом. Поэтому я решил, что перевозить этих лягушек нужно в ящике.

Тогда возникла другая проблема. Ящик должен быть очень мелким, иначе лягушки, испугавшись, начнут прыгать и разобьют головы о проволочный верх. В конце концов я посадил всех волосатых лягушек в неглубокий ящик с дырками, примирившись с тем, что, когда я поливал их, вода вытекала наружу. И что же? Лягушки, лишенные возможности прыгать, завели новую привычку: когда пугались, забивались в угол и старались «закопаться» в дерево. Уже на третий день у них была содрана вся кожа с носа и верхних губ. А это крайне опасно, потому что у лягушек на таких участках быстро образуются язвы. Лечение любой раны затрудняется тем, что лягушку нужно постоянно поливать водой. Таким образом, мне приходилось одновременно

конструировать новую клетку и думать о том, как вылечить носы лягушкам, не причинив им при этом неудобства.

Я соорудил большой неглубокий ящик и обшил его изнутри простыночной тканью, под которую напихал ваты. Получилось что-то вроде стеганого одеяла. Теперь, если лягушки начинали прыгать или разыгрывалась качка, они были в полной безопасности. При этом отпала необходимость увлажнять их трижды в день: вата хорошо держала влагу и после одного раза в ящике ее было достаточно, но не слишком влажно. В пути язвы на носках у лягушек отлично затянулись, и они добрались до Англии целы и невредимы.

Глава восьмая,
**В КОТОРОЙ НОВЫЙ НОЙ ВЫХОДИТ
В ПЛАВАНИЕ НА СВОЕМ КОВЧЕГЕ**

Тот, кто собирает животных, больше всего страшится момента, когда всю эту ораву придется везти к побережью, а там грузить на корабль и пускаться в долгий путь. Во-первых, необходимо удостовериться, что все клетки в полной исправности и все дверцы надежны. Во-вторых, нужно похлопотать о достаточном запасе провизии — не станешь же ты рассчитывать на то, что даже на самом лучшем корабле кок будет возиться с твоими животными, у каждого из которых свои причуды?!

Кроме мешков пшеницы, картофеля, ямса и всяких тропических овощей, нужно запасти огромное количество фруктов, причем не только спелых, а то они испортятся в первую же неделю пути, и кормить живо-

тных будет нечем. Следовательно, нужны еще недозревшие и совсем незрелые. Последние, вместе с яйцами и мясом, хранятся в корабельном холодильнике. Когда понадобятся фрукты, достаточно вынуть их из холодильника и разложить на палубе — они отлично дозреют на солнце. К тому же нужно точно рассчитать количество. Если возьмешь слишком много — избыток испортится и его придется выбросить за борт, если слишком мало — придется тянуть до какой-нибудь остановки, например в Бискайском заливе, где можно пополнить свои запасы. Итак, убедившись, что клетки в полном порядке и количество продовольствия соответствует потребностям, можно хлопотать о найме грузовиков для перевозки животных из глубины страны в порт. На этот раз нам предстояло проехать двести миль.

Когда я покидал Западную Африку, я взял с собой по три мешка картофеля и пшеницы, по два — ямса и кукурузы, по пятьдесят штук ананасов и манго, двести апельсинов и сто пятьдесят больших гроздей бананов, не говоря уже о сухом молоке, солоде, рыбьем жире и прочем. Взял также четыре сотни яиц, каждое из которых было проверено в миске с водой на свежесть, тщательно вымыто и упаковано в ящик с соломой. Мясной запас состоял из туши вола и двадцати живых кур. Для перевозки всего перечисленного, а также ста пятидесяти клеток всех видов и размеров и оборудования пришлось нанять три грузовика и один небольшой фургончик.

Я решил ехать ночью по ряду причин, в частности, потому, что в это прохладное время суток животные чувствуют себя лучше всего. Когда едешь днем, приходится выбирать из двух зол: или накрывать клетки брезентом, от чего животные могут задохнуться, или оставлять их открытыми, и тогда пассажиров занесет тучами красной дорожной пыли.

Спать в таком путешествии приходится урывками: ночью трясешься в кабине грузовика, зная, что, едва займется заря и караван остановится у обочины в тени огромных деревьев, придется выгружать каждую клетку, чтобы вычистить ее и накормить животных. Только после этого можно завалиться спать. А вечером, едва спустится прохлада, грузить все снова — и в путь. Дороги в Камеруне столь плохи, что ездить по ним можно со скоростью не более двадцати пяти миль в час, поэтому на путешествие, которое в Англии заняло бы день, у нас ушло три.

Прибыв в порт, я узнал, что погрузка корабля еще не закончена. Это значило, что с животными придется пока подождать. Хлестал ливень, и я решил не выгружать клетки из кузова. Только я об этом подумал, как небо очистилось и солнце принялось палить так нещадно, что волей-неволей пришлось выгрузить все клетки и перетащить их в тень ближайших деревьев. Как только все было сделано, снова налетели тучи, и через несколько минут клетки, запас провианта и оборудование, не говоря уж о вашем покорном слуге, оказались под ледяным дождем. Когда мы наконец попали на судно, я обнаружил, что все животные по-прежнему дрожат мелкой дрожью. Ох и задал мне этот ливень работы — каждую клетку пришлось заново вычистить, насыпать туда свежих опилок, а обезьян еще и самих посыпать опилками, чтобы скорее высохли и не подхватили насморк. После этого я выдал всем по чашке горячего молока, и, слава Богу, никто не заболел.

В первый же день морского путешествия у обезьян так разыгрывается аппетит, что они готовы съесть в четыре-пять раз больше обычного, только давай! Видимо, так благотворно влияет на них морской воздух. Это следует учесть, когда запасаясь провизией. Конечно, такие деликатесы, как кузнечики и термиты, на борт

не возьмешь, а вот тараканов для самых привередливых птиц и животных сколько угодно: спустись вечером в машинное отделение и лови. Они обычно прячутся за трубами — теплое местечко! Правда, вскоре и матросам пришлось по душе этот спорт, и нам уже не нужно было ловить тараканов самим: их в огромном количестве регулярно притаскивали матросы, обслуживающие машины.

Морское путешествие длительностью в две-три недели может быть очень приятным, если ты не везешь вместо багажа целую ораву вечно голодных животных. В этом случае нагрузка у тебя куда больше, чем у любого матроса. Я просил будить меня в полшестого, чтобы перед завтраком успевать вычистить клетки. Позавтракав, я принимался кормить животных. И так весь день — то одно, то другое; я не мог уделить себе ни мгновения, пока в обезьянью клетку не будет поставлена последняя чашка вечернего молока. По мере приближения к Англии становилось все холоднее и холоднее; требовалось принять дополнительные меры, чтобы мои звери не подхватили простуду. Я взял за правило выдавать им на ночь горячее молоко и тщательно укутывать клетки одеялами и брезентом. Если штормило, я проверял, надежно ли клетки прикручены к поручням, дабы не случилось неприятностей, как однажды, когда я тоже возвращался из Западной Африки. Поздно вечером, во время последнего в тот день кормления детенышей обезьян из бутылочки, я заметил, что корабль что-то уж чересчур резво скачет по волнам. Взглянув на ряд клеток, выстроившихся вдоль поручней, я решил, что, как только кончу кормить, прикручу их накрепко. Не успел я подумать об этом, как налетел девятый вал; судно дало страшный крен, и все полсотни клеток вверх тормашками полетели на палубу. Я бросился к ним, принялся ставить на место и наконец-то

прикручивать к поручням; к моему счастью, никто из зверей не пострадал, только обезьяны были крайне раздражены и еще долго на своем обезьяньем языке обсуждали происшедшее.

Во время морских перевозок нередко случаются разные конфузы и курьезы. Как-то довелось нам с другом везти зверей из Западной Африки на судне, капитан которого, как нам сообщили, не принадлежал к числу страстных любителей животных. Узнав об этом, мы решили вести себя тише воды, ниже травы. Минимум возни, минимум беспокойства! Ведь только дай такому капитану повод, и он сделает жизнь на борту невыносимой и для тебя, и для твоих питомцев. Но, как ни старайся, всегда что-нибудь да стрясется.

В первое же утро мой друг пошел вытряхивать за борт корзину с грязными опилками, которые мы только что вычистили из клеток. А куда ветер дует, не учел. Едва он вытряхнул содержимое, порыв ветра подхватил тучу опилок — и прямо на капитана, стоявшего на своем мостике. Хорошенькое начало, нечего сказать! А мы еще надеялись снискать его расположение... За завтраком он довольно прохладно поприветствовал нас, но быстро оттаял и уже к середине трапезы держался вполне дружелюбно. Я сидел за столом напротив него, а позади него была черед иллюминаторов, выходявших как раз на ту палубу, где стояли наши клетки.

— Бог с вами, делайте что хотите, — сказал мне капитан, — только не дайте ни одной из ваших тварей улизнуть.

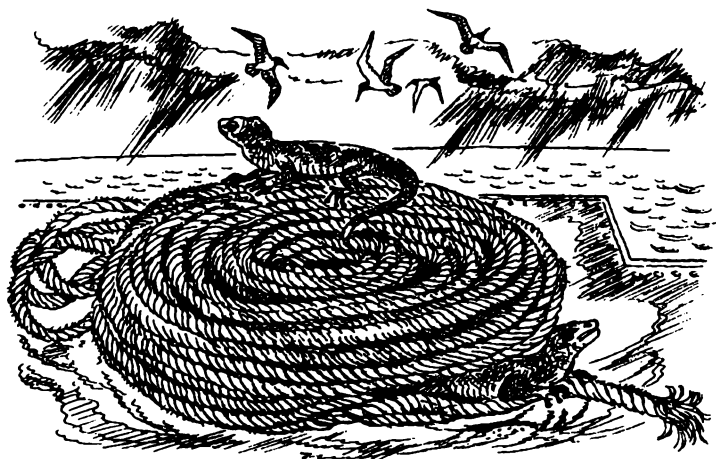
— Как можно! — воскликнул я и тут же заметил, что в открытом иллюминаторе за его спиной кто-то сидит. К моему ужасу, это оказалась крупная белка. Очень довольная собой, она осматривала кают-компанию. Затем принялась умывать усы. Между тем капитан продолжал свой завтрак, ни о чем не подозревая.

Окончив туалет, белка, очевидно, решила, что не плохо бы получить исследовать это место, где на столах столько вкусных вещей, и даже наметила самый удобный путь — на плечо капитану, а оттуда прямо на стол.

Пробормотав «извините», я встал и с бесстрастным лицом вышел из кают-компании, но, оказавшись вне поля зрения капитана, со всех ног помчался на палубу и подбежал к иллюминатору в тот самый момент, когда белка уже изготовилась к прыжку. Слава Богу, мне удалось схватить ее за огромный пушистый хвост. Ругаясь про себя, я водворил ее в клетку и лишь тогда вздохнул с облегчением. После этого я вернулся в кают-компанию. К счастью, капитан ничего не заметил и даже не подозревал, что его плечо едва не стало трамплином для огромной белки, вознамерившейся полакомиться его яичницей с беконом.

Как мы ни старались вести себя тихо, а может быть, именно поэтому, судьба вечно посылала нам неприятности. Через несколько дней после случая с белкой из ящика улизнули три огромные ящерицы и спрятались в огромных мотках каната, лежащих на палубе. Чтобы сдвинуть их с места, потребовалась бы помощь чуть не всего экипажа, и мы решили ловить беглянок поодиночке — пусть только высунутся! После трех дней охоты нам удалось отловить всех, но нервотрепка была страшная — я был убежден, что рано или поздно они доберутся до капитанского мостика и непременно попадутся на глаза капитану.

Только мы водворили рептилий на место, как сбегала мартышка. Это было совсем ручное существо, позови — и она придет. Но соблазн исследовать судно, видимо, был столь велик, что она совсем распоясалась и лишь изредка, когда мы пытались заманить ее в клетку большой гроздью золотых бананов, перед которыми

она обычно не могла устоять, бросала на нас снисходительные взгляды. В тот день судно здорово качало, и это нас спасло: на пассажирской палубе, куда обезьянка влезла по трапу, никого не было. Я хриплым шепотом позвал ее. Каждый раз, когда судно подбрасывало, она теряла равновесие, а так как я лучше владел ситуацией, мне удавалось приблизиться к ней на несколько футов. Тем не менее она добралась до трапа, ведущего в капитанскую каюту, и, поколебавшись с минуту, ринулась вверх к полуоткрытой двери. Почти не надеясь на успех, я бросился за ней, приготовившись к самому худшему — я уже видел, как она с шумом приземляется посреди кровати, на которой мирно отдыхает капитан... К счастью, когда она достигла верхней ступеньки, корабль качнуло, и беглянка свалилась на три ступеньки вниз, а мне только этого и надо было. Я цапнул ее за длинный пушистый хвост, пару раз крутанул в воздухе и со всех ног помчался на грузовую палубу, опасаясь, как бы ее яростные крики не разбу-

дили капитана и он не вышел посмотреть, что происходит...

В общем, поездка измотала нас вконец, и лишь когда в хмурое, промозглое утро корабль подошел к причалу Ливерпуля, мы почувствовали облегчение. Там, на набережной, нас уже поджидали фургоны. Разгрузка животных прошла без сучка без задоринки, я сдал их с рук на руки директорам зоопарков и со смешанным чувством наблюдал, как сквозь дождь мои питомцы разъезжались по разным уголкам Англии.

Часть вторая
КАК Я ЛОВИЛ ЖИВОТНЫХ
В БРИТАНСКОЙ ГВИАНЕ

Глава девятая,
В КОТОРОЙ МУРАВЬЕД ПО ИМЕНИ
ЭЙМОС ПРИГЛАШАЕТ НАС НА ТАНЕЦ

Британская Гвиана¹ лежит в северной части Южной Америки и по площади почти равняется Ирландии. Она находится на краю огромного лесного массива, простирающегося вдоль Амазонки по территории Бразилии. Название «Гвиана» — индейского происхождения и оз-

¹ В настоящее время — независимое государство Кооперативная Республика Гайана. Британской же Гвиане, помимо уникальной природы, стяжали славу легендарные почтовые марки. (*Примеч. пер.*)

начает «земля, изобилующая водой». В самом деле, более точное определение дать трудно. По ней из конца в конец текут три большие реки, сообщающиеся друг с другом огромным количеством мелких речек и притоков. В сезон дождей реки выходят из берегов и затопляют огромную территорию на несколько недель. Благодаря этому почти все животные, населяющие Британскую Гвиану, либо отличные пловцы, либо искусны в лазании. Животные, которые в других странах живут большей частью на земле, вытеснены здесь сходными созданиями, почти постоянно обитающими на деревьях. Например, в Британском Камеруне водится наш знакомый кистехвостый дикобраз, который устраивает себе жилища среди скал либо в пещерах и с трудом взбирается на дерево. В Гвиане же обитают цепкохвостые дикобразы, чьи лапы хорошо приспособлены для лазания по деревьям, а длинные, лишенные волосяного покрова хвосты, как у южноамериканских мартышек, обвиваются вокруг ветвей.

Мы пришли к выводу, что Британскую Гвиану можно условно разделить на две части. Огромную лесистую территорию сменяют обширные саванны, покрытые травой, небольшими рощицами и кустарником. В Британском Камеруне примерно та же картина, а это значит, что и там и здесь есть животные, населяющие леса, а есть — населяющие луга, и они сильно отличаются друг от друга.

Побережье Гвианы, где крупные реки впадают в море, изрезано тысячами речек и ручьев. Некоторые шириной в несколько футов, а иные гораздо шире обычной английской реки. Эта огромная водная сеть — самый прекрасный пейзаж Гвианы. Воды, полные мертвых листьев и бревен, окрашены в цвет перезрелой вишни, а их течение столь плавно, что поверхность похожа на темное зеркало. Над водой нависают огромные деревья;

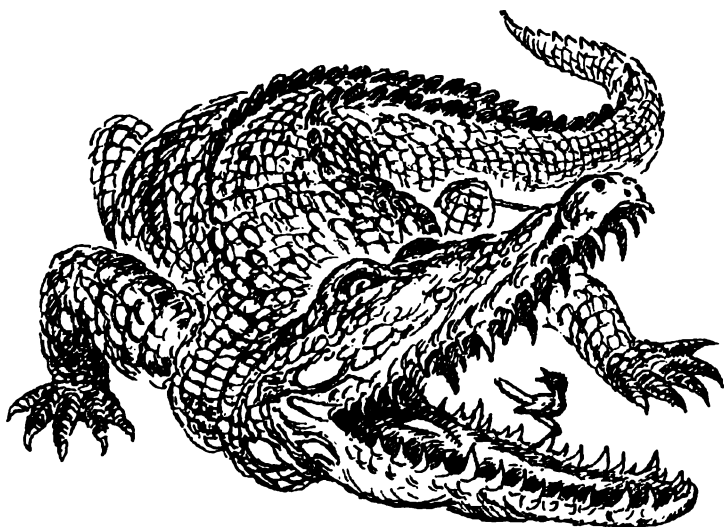

их ветви украшены длинными прядями испанского мха — серого, похожего на лишайник растения, свисающего тысячами нитей. Здесь и орхидеи самых разнообразных оттенков, растущие на стволах и ветвях; порой их столько, что кажется, будто дерево украшено самоцветами.

Обычно речки и ручьи подобны длинным темным зеркалам, но иногда на водной глади вдруг возникает зеленый растительный ковер с узором из розовато-лиловых и желтых цветов. Там, где сквозь кроны деревьев проглядывает солнце, на поверхности воды можно увидеть заросли водяных лилий, цветы которых крупнее чайника, а похожие на гигантские блюда листья достигают размера велосипедного колеса. Пробираешься на лодке по такому заросшему протоку, и кажется, будто скользишь по лужайке — нос лодки раздвигает растения, а за кормой они снова смыкаются, так что воды и не видно вовсе. Двигается лодка — и колыхается вверх-вниз ковер, точно зеленые волны.

Мы основали свой базовый лагерь в столице Гвианы — Джорджтауне. Там было легко достать все необходимое, и к тому же рядом был порт, откуда мы собирались отплыть на родину. Устроившись, мы начали поездки в глубь страны, стремясь побывать в разных ландшафтных зонах и добыть обитающих там животных.

Первую такую поездку мы совершили в заросшие густой травой луга в пойме реки Померун. Сначала мы плыли по речкам к небольшому индейскому поселку Санта-Мария, спрятанному в глубине этой странной болотистой страны. Чтобы добраться до пункта назначения, нам потребовался целый день. Это было незабываемое путешествие. Лодка медленно скользит по гладкой поверхности воды, осененной сверкающими на солнце деревьями; с резкими криками пролетают над головой крупные черные дятлы с красными макушками; время от времени они садятся на ствол мертвого дерева и начинают интенсивно работать клювами. В подлеске вдоль берега приютились стаи болотных птиц размером не больше воробья, с черными телами и блестящими, канареечного цвета головками. Порой за каким-нибудь поворотом взлетала пара пурпурных ибисов, махая розовыми и малиновыми крыльями; на коврах из водяных лилий нам попадалось множество диковинных птиц я к а н а, похожих на шотландских куропаток. Самое удивительное в них — длинные стройные ноги, заканчивающиеся тонкими пальцами, которые дают им возможность разгуливать по листьям водных растений не проваливаясь. Прежде чем сделать шаг, якана вытягивает пальцы, как паук свои ноги, и ее вес равномерно распределяется по поверхности листа. Когда они торжественно шествуют по коврику из водяных лилий, они просто тускло-коричневые; но когда они взлетают, под каждым крылом вспыхивает лимонно-желтое пятно.

Иногда нам случалось потревожить лежащих на берегу кайманов. Что для Египта нильский крокодил, то для Южной Америки кайман. Когда мы проплывали мимо, они на мгновение поднимали голову и наблюдали за нами с полуоткрытой пастью, а затем тяжело подползали к краю берега и плюхались в воду.

Мы добрались до Санта-Марии поздно вечером, а наутро, взяв себе в помощники аборигенов, отправились на поиски животных. Местные жители часто держат диких зверей в качестве домашних любимчиков, и многих из них они нам продали. Таким образом, за короткое время мы приобрели множество прекрасных макаков, от чьих воплей и криков едва не оглохли в нашей небольшой хижине; несколько молодых боа-констрикторов и двух-трех обезьян-капуцинов. Я был весьма удивлен, увидев боа в доме, — я-то думал, что индейцы так же боятся змей, как и африканцы. Оказалось, что эти рептилии обитают в хижинах на балках и занимают в

жизни индейцев примерно такое же место, как в жизни англичан — кошка; эти змеи, питающиеся крысами и мышами, легко приручаются и, пока в доме есть живой корм, так и сидят на своих балках и никуда не уходят. Индейцы уверяли, что боа-констрикторы не только дадут сто очков вперед любой кошке по ловле крыс и мышей, но и по своей окраске — розовая, серебряная, черная, белая — куда красивее этих животных. Они сворачиваются под крышами хижин точно пестрые шарфы.

В Британской Гвиане имеется три вида муравьедов: большой, с длинным волосатым хвостом, свыше шести футов длиной; таманду, примерно размером с пекинеса; и карликовый, не больше восьми дюймов. Все три вида живут в совершенно разных растительных зонах. Большой муравьед предпочитает луга в северной части Британской Гвианы, а два других, лазящих по деревьям, обитают в лесах. Правда, таманду можно найти даже в тех районах, где ведется сельское хозяйство, но за карликовым нужно отправляться в самые дебри.

Чтобы поймать большого муравьеда, мне пришлось пролететь приблизительно двести миль в глубь страны. Самолет высадил меня у ранчо на берегу реки Рупунун. Там я заручился помощью необыкновенно умного охотника-индейца по имени Фрэнсис. Я объяснил, что мне нужно, и после длительных раздумий он сказал, что лучше ему одному отправиться на поиски муравьеда, а уж ловить его мы будем вместе.

Я согласился. Три дня спустя Фрэнсис вернулся и с сияющим видом сообщил, что его поход закончился успешно. В одном месте он отыскал явные признаки муравьеда: все муравьиные гнезда разорены его могучими челюстями.

И вот рано поутру Фрэнсис, я и мой приятель сели на коней и отправились в поход за муравьедом. До самого горизонта, окаймленного бледными зеленовато-

синими горами, простирались золотые луга, сиявшие в лучах солнца. Мы ехали уже несколько часов, а все никаких признаков жизни, кроме пары крошечных коршунов, чертивших круг за кругом высоко над нами в толубом небе.

Я знал, что в лугах обитает немало животных, и был удивлен, почему никого не встретил. Но вскоре мы подъехали к огромной овальной котловине, на дне которой лежало тихое озеро, заросшее водяными лилиями и окруженное сочной растительностью и небольшими деревцами. Вот где жизнь была ключом! Воздух был наполнен звоном стрекоз, блестящие пестрые ящерицы шмыгали из-под копыт наших коней, зимородки сидели на мертвых сучьях, свисавших над водой, а в камышах и кустах, растущих вдоль берега, щебетало и порхало множество крохотных птиц. Мы проехали дальше, и я увидел на противоположном берегу десять аистов ябиру, каждый высотой примерно в четыре фута; опустив длинные клювы, они глядели на нас с неким торжест-

вом. Когда мы миновали озеро и поскакали дальше по лугам, все вокруг снова затихло — слышался только стук копыт.

Я понял, в чем тут дело. Этим лугам недоставало воды, и все животные и птицы концентрировались по берегам больших и малых озер, которые встречались тут не так уж часто. Можно было проскакать много миль, не встретив никакой живности, но у любой водной котловины кипел настоящий праздник жизни.

Наконец около полудня мы достигли цели — небольшого уголка саванны, где, по словам Фрэнсиса, и жил муравьед. Он посоветовал нам развернуться в линию и скакать, производя как можно больше шума, чтобы выгнать муравьеда из гнезда и загнать в более низкую траву, где его легче сцапать. Мы помчались среди травы, достававшей нашим коням до груди, шумя и крича насколько хватало сил.

Почва под травой спеклась, словно кирпич, в ней было множество трещин и щелей; кони часто спотыкались, и каждый рисковал перелететь через голову и угодить под копыта. Вдруг Фрэнсис издал победный клич, и, взглянув в его сторону, я увидел, как что-то темное прыгает в траве прямо перед его конем. Мы с напарником тут же подскочили к нему. Муравьед — а похоже, это был именно он — старался углубиться в высокую траву, но нам удалось отрезать ему путь к отступлению и выгнать на открытый участок. Толстые щетинистые ноги зверя топали по земле, длинная голова, похожая на сосульку, моталась из стороны в сторону, а огромный хвост развевался позади как знамя.

Мы пустили коней в галоп. Я свернул в одну сторону, чтобы помешать зверю удрать в высокую траву, Фрэнсис — в другую и, пришпоривая коня, достал лассо. Поравнявшись с муравьедом, скакавшим во все лопатки, он кинул лассо, но, к сожалению, не рассчитал

диаметра петли — он оказался слишком большим, и муравьед, благополучно проскочив через петлю, с шипеньем и фырканием продолжил бег. Фрэнсис придержал коня, смотал веревку и снова пустился в погоню. Вновь поравнявшись с животным, он опять кинул лассо, и — вот удача! — зверь оказался в петле!

Фрэнсис тут же соскочил с коня. Стиснув зубы, он с трудом удерживал конец веревки, тогда как разъяренный муравьед ринулся со всех ног по густой траве, увлекая за собой обидчика. Я спрыгнул с коня и тоже ухватился за веревку. Я поразился, какая же силища заключалась в неуклюжих волосатых ногах этого зверя — он таскал нас за собою туда-сюда по саванне, пока мы окончательно не выдохлись, а веревка не изрезала нам руки.

Вдруг Фрэнсис, глянув через плечо, вздохнул с облегчением. Я тоже оглянулся и увидел, что борьба довела нас до небольшого, около двенадцати футов высотой, дерева — единственного на много миль вокруг. Тяжко дыша и обливаясь потом, мы подтащили к нему упирающегося муравьеда и крепко привязали. Когда я уже затягивал последний узел, Фрэнсис взглянул наверх и вдруг издал душераздирающий вопль. Я глянул туда же — и увидел в двух футах у нас над головами шарообразное осиное гнездо размером с футбольный мяч. Муравьед изо всех сил рвался с веревки, трясся и качая деревце из стороны в сторону. Не следует думать, что осам это очень нравилось — вся колония вилась вокруг гнезда, рассерженно жужжа. Мы с Фрэнсисом со всех ног бросились наутек.

Уверенные, что привязали зверя накрепко, мы вернулись к коням захватить кое-какие принадлежности — веревки попрочнее и мешки побольше, чтобы упаковать нашу добычу. Когда я вернулся назад к дереву, муравьед уже развязывал последний узел. Освободившись

от пут, он встряхнулся, словно крупная собака, и медленным шагом двинулся в родную саванну, преисполненный достоинства. Оставив Фрэнсиса отвязывать лассо от дерева, я бросился в погоню за беглецом, на ходу завязывая петлю.

Догнав зверя, я кинул свое импровизированное лассо, но, не будучи искушен в этом деле так, как Фрэнсис, естественно, промахнулся. Муравьед продолжал улепетывать. Я повторил бросок — результат тот же. Я попробовал в третий раз, но зверь, раздраженный моим неотвязным преследованием, вдруг решил переменить тактику. Внезапно остановившись, он повернулся ко мне и поднялся на задние лапы, так что голова его оказалась на уровне моей груди, и я с опаской поглядывал на его шестидюймовые когти, которые он явно собирался пустить в ход.

Шипя и фыркая, он мотал своим длинным тонким рылом из стороны в сторону и махал передними лапами, как боксер. Мне не хотелось связываться с противником, который способен в два счета изувечить обидчика когтями, и я решил подождать Фрэнсиса — тогда один сможет отвлечь внимание зверя, а другой его поймает. Я принялся ходить вокруг муравьеда, раздумывая, нельзя ли подкрасться к нему сзади и захватить врасплох, но он, не отрываясь, следил за мной, постоянно держа когти наготове. Мне ничего не оставалось, как сесть на землю и дожидаться Фрэнсиса.

Поняв, что ему предложили перемирие, муравьед решил воспользоваться шансом и восстановить поправленное в борьбе достоинство. Пока он носился по саванне, слюна у него текла ручьями. Слюна у муравьеда тягучая и вязкая — именно благодаря ей добыча намертво приклеивается к языку. Теперь вместо добычи на морду налипла масса веточек и травинок. Сев на корточки, он принялся тщательно очищать ее с помощью когтей.

Потом глубоко вздохнул, встал на четыре лапы, отряхнулся и заковылял прочь.

Когда явился Фрэнсис с лассо в руках, мы снова бросились в погоню за муравьедом. Заслышав наше приближение, он остановился, обернулся и опять встал на задние лапы, но с двумя ему было не справиться. Пока я отвлекал его внимание, Фрэнсис подполз сзади и аккуратно набросил лассо. Как только зверь почувствовал, что вокруг него снова затянулась веревка, он бросился бежать что есть мочи, волоча за собой меня и Фрэнсиса. Он еще с полчаса протаскал нас, пока не удалось связать его так, что он не мог больше двигаться. После этого мы сунули его в большой мешок, откуда торчала только голова.

Мы уже бросились поздравлять друг друга с победой, и что же? Новая преграда внезапно встала на пути.

Когда мы собрались ехать обратно, наши кони, как один, заупрямились и отказались везти такой странный багаж, который свирепо фырчит и шипит. Битых четверть часа мы пытались успокоить их — какое там! Всякий раз, когда мы приближались к ним с муравьедом, они вскидывали головы и разъяренно смотрели на нас.

Фрэнсис решил, что единственный выход — если я, сидя верхом, поведу его коня, а сам он пойдет пешком с грузом на плечах. Я засомневался, что это увенчается успехом — ведь двигаться предстояло много миль под палящим солнцем, а вес у муравьеда был приличный. Однако ничего другого мы придумать не смогли и отправились в путь. Муравьед так извивался, что нести его было почти невозможно. За час мы покрыли какую-нибудь пару миль, ибо каждые две-три сотни ярдов Фрэнсису приходилось снимать мешок с плеч и отдыхать.

Так дело не пойдет, решили мы. Этак мы целую неделю будем добираться до ранчо. Фрэнсис предложил, чтобы я или мой друг остались посторожить муравьеда, а он с кем-нибудь из нас двоих поскачет на ранчо к своему приятелю, обитавшему тут неподалеку, — он показал темное пятнышко на горизонте. Там, заверил он, найдется выючный вол. Впрочем, его английский был настолько плох, что мне послышалось что-то вроде «волейбол». Я, понятно, удивился, но Фрэнсис настаивал, что это единственный выход из положения. Меня разобрало любопытство, и, оставив приятеля стеречь муравьеда, мы галопом поскакали в указанном направлении.

На ранчо пожилой симпатичный индеец предложил нам кофе, а затем Фрэнсис повел меня в стойло. Там действительно стоял, конечно, никакой не «волейбол», а обыкновенный вол, каких во всем мире впрягают в повозки или используют для выючных перевозок. Тут появилась жена Фрэнсиса и сказала, что она поедет на воле, а мы поскачем впереди. Крошечная индеанка сме-

ло вскочила на огромную спину и села как амазонка. Ее длинные черные волосы спускались до пояса, что делало ее похожей на леди Годиву. Всадница ударила вола длинной палкой, и мы тронулись в путь.

Когда мы с Фрэнсисом прибыли туда, где оставили друга с муравьедом, то обнаружили, что последний устроил ему веселую жизнь. Зверю удалось наполовину выбраться из мешка да еще прорвать мешковину когтями задних лап, так что казалось, будто на нем надеты неуклюжие мешковатые штаны; он бегал туда-сюда по траве, и мой приятель совершенно запарился, носясь за ним. Дружными усилиями мы изловили зверюгу, засадили в новый мешок, и, пока мы думали, как завязать его понадежнее, мой друг поведал нам все, что ему довелось пережить за время нашего отсутствия.

Началось с того, что его конь, который, как он думал, был накрепко привязан, отвязался и поскакал куда глаза глядят. Долго пришлось моему другу преследовать его, пока наконец удалось поймать. Тем временем муравьед частично выпутался из веревок, разорвал мешок когтями и наполовину выбрался оттуда. Мой приятель, насмерть перепугавшись, что он улизнет, бросился к пленнику, запихал его обратно в мешок и связал снова; оглянувшись, он обнаружил, что снова отвязался конь. Пока он ловил его, муравьед выпутался во второй раз — это случилось как раз к моменту нашего прибытия. Тут подъехала жена Фрэнсиса на своем воле и помогла погрузить муравьеда ему на спину. Как ни странно, вол весьма спокойно ко всему отнесся, — похоже, ему было все равно, мешок ли это с картошкой или с гремучими змеями. Хотя муравьед шипел и вырывался изо всех сил, вол спокойно двигался вперед.

Уже совсем стемнело, когда мы добрались до ранчо. Мы извлекли нашего пленника из мешка и развязали его. Я сделал из веревки прочную уздечку и привязал

муравьеда к могучему дереву. Поставив перед ним большую миску с водой, мы отправились отсыпаться. Ранним утром я пошел взглянуть на него и не нашел. «Сбежал», — мелькнула мысль. И вдруг вижу: оказывается, он лежит, свернувшись клубком между корней дерева и целиком накрывшись хвостом, точно серой шалью, так что издали походит скорее на кучу золы, чем на зверя. Теперь я понял, как полезен ему этот огромный хвост. Устраивая себе постель в густой траве, он сворачивается клубочком и накрывается хвостом, словно брезентом. Сквозь такую пушистую крышу под силу пробиться разве что очень сильному ливню.

Теперь встала проблема, как приучить Эймоса — так я его называл — к новой пище: в английском зоопарке его белыми муравьями не накормят. Я приготовил смесь из молока, сырого яйца и мелко накрошенной говядины, добавив в нее три капли рыбьего жира. К счастью, недалеко от ранчо имелось гнездо белых муравьев, и я, пробив в гнезде дырку и достав оттуда горсть этих лакомых существ, кинул их в миску с вязкой смесью.

Я боялся, что на приучение муравьеда к новой пище уйдет немало времени, но, к моему удивлению, зверь, заведя миску, встал и тут же устремился к ней. Он тщательно обнюхал предложенное кушанье, высунул длинный, похожий на змею язык и погрузил его в миску. Потом мгновение раздумывал, оценивая блюдо, и, как видно решив, что оно пришлось ему по вкусу, принялся с необыкновенной быстротой работать языком, выстреливая им в содержимое миски и втягивая назад, пока посудина совсем не опустела. У муравьедов нет зубов, и при принятии пищи они пользуются только языком и обволакивающей его слюной. Иногда в награду я давал ему полную миску термитов — естественно, перемешанных с обломками их глиняного гнезда. Было забавно наблюдать, как животное погружает

язык в миску и вынимает его, весь облепленный термитами и кусочками глины, приклеившимися к нему, как мухи к липучке. Но когда он втягивает язык внутрь, губы очищают его от кусочков глины, и муравьед съедает только термитов. Ничего не скажешь, умно придумано!

Вскоре после того, как мы вернулись в лагерь и Эймос справил новоселье, у него появилась подруга. Появилась в виде фыркающего узла, впихнутого в кузов грузового такси. Охотник, поймавший муравьедицу, видимо, был не слишком искусен в своем ремесле: на теле у нее оказалось несколько досадных шрамов и она была совершенно измучена голодом и жаждой. Когда я освободил ее от пут, она просто легла на землю на бок и так слабо дышала, что я сомневался, выживет ли она вообще. Я поставил ей миску с водой, и как только она ее высосала, сразу чудесным образом ожила, встала на ноги и приготовилась броситься на всякого, кто окажется в поле ее зрения.

Эймос, привыкший быть единственным муравьедом на своей территории, встретил подругу не очень ласково. Когда я открыл дверь клетки и попытался посадить туда самку, он поприветствовал ее так: дал лапой по носу, оцарапав когтями, и разгневанно зашипел. Тогда я решил посадить ее рядом, но отдельно, пока они не привыкнут друг к другу. Клетка Эймоса была очень просторной, так что я просто разгородил ее пополам: в одной половине остался Эймос, в другой поселилась муравьедица. Но тут возникло новое осложнение: если приучить Эймоса к новой пище не составило никаких проблем, то с его невестой пришлось куда труднее. Она наотрез отказалась даже попробовать кушанье, которое я подал ей в миске, и объявила голодовку.

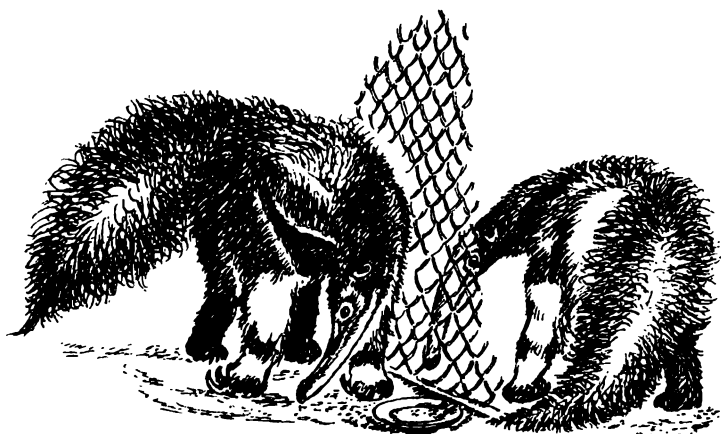
Но по прошествии суток меня вдруг осенило. Я поставил миску Эймоса рядом с деревянной перегородкой, отделявшей его от невесты. Эймос не отличался

изысканными манерами, и всякий, кто стоял в тридцати футах от него в то время, как он принимал пищу, мог слышать его чавканье и сопенье. Пока он наслаждался завтраком, муравьедица, привлеченная шумом, подошла посмотреть, что же он вкушает. Она просунула длинный нос между прутьев и принялась, а затем очень медленно и осторожно погрузила свой длинный язык в смесь. Через пару минут она уже поглощала ее с той же быстротой и энтузиазмом, что и Эймос. Следующие две недели она ела именно так, просовывая морду сквозь прутья и дотягиваясь до пищи языком.

В итоге, деля одну миску на двоих, они вполне привыкли друг к другу, и вскоре мы убрали перегородку. Теперь они даже спали бок о бок, тщательно укрывшись хвостами. Но для транспортировки в Англию мне не удалось достать клетку необходимых размеров, и пришлось везти их в разных ящиках. Я ставил ящики рядом, так что они могли протягивать друг к другу свои длинные носы и вволю фыркать.

Когда они наконец добрались до Англии и попали в зоопарк, то доставляли немало удовольствия посетителям, устраивая состязания по боксу. Стоя на задних лапах, они награждали друг друга увесистыми затрещинами и колотушками; при этом их носы раскачивались, как маятники, а хвосты со свистом рассекали воздух. Со стороны эти состязания выглядели напряженными и жестокими, на самом деле они ни разу не нанесли травмы друг другу.

Второй по величине муравьед, обитающий в Британской Гвиане, — лесной муравьед таманду. Внешне не очень похож на большого: та же длинная искривленная морда, те же маленькие глазки-бусины, те же могучие передние лапы с крупными крючковатыми когтями. У него были светло-коричневая короткошерстная шубка и изогнутый

хвост. Если большой муравьед пользуется хвостом как покрывалом, то таманду использует его для лазания по деревьям, подобно древесным дикобразам или обезьянам. Добавлю еще, что таманду оказались самыми глупыми животными из всех, кого я ловил в Британской Гвиане.

На воле они забираются на высокие деревья и прокладывают себе путь с ветки на ветку, пока не наткнутся на гнездо древесных муравьев. С помощью мощных когтей они взламывают муравьиную крепость и слизывают ее обитателей длинным липким языком. Отламывая от муравейника кусок за куском, они продолжают трапезы. И в неволе отучить их от этой привычки крайне трудно. Когда ставишь перед таманду горшок с мелко накрошенным мясом, замешенным на сыром яйце и молоке, они хватают его когтями, слизывают немного пищи и снова хватают. Кончают обычно тем, что переворачивают горшок, вываливая содержимое на пол клетки. Очевидно, горшок для них — что-то вроде муравьиного гнезда, которое надо непременно расколотить, чтобы добраться до пищи. Приходилось накрепко привязывать горшок.

Первых карликовых муравьедов я раздобыл в индейском селении, расположенном на островах, среди небольших речушек. Я целыми днями путешествовал на каноэ, посещая разные деревушки и покупая зверей, которых мне предлагали местные жители. В частности, в этом селении я нашел массу зверюшек, которых индейцы держали в домах, и часами торговался из-за каждой покупки: поскольку они не знали английского, а я не говорил на местных наречиях, объясняться приходилось на языке жестов.

Вдруг сквозь окружавшую меня толпу ко мне протиснулся мальчуган лет семи-восьми, неся в руке длинную палку. На конце палки было нечто напоминающее гигантскую куколку одной из крупных лесных бабочек. Однако при более тщательном рассмотрении это нечто оказалось карликовым муравьедом. Он повис на ветке и плотно закрыл глаза. Я купил его и обнаружил в этом крохотном существе, о котором не упоминалось ни в одной известной мне книге по естественной истории, много интересного.

Карликовые муравьеды достигают всего шести дюймов в длину, а плотная мягкая золотисто-коричневая шерстка делает их похожими на маленьких плюшевых медвежат. Их длинный цепкий хвост тоже покрыт густой шерстью. Ярко-розовые пятки задних лап имеют вогнутую форму, благодаря чему животное уверенно чувствует себя, когда лазает по деревьям. Вцепившегося в ветку задними лапами и хвостом карликового муравьеда оторвать невозможно, разве только серьезно покалечив его. У него, как и у других муравьедов, передние лапы короткие, но сильные; на каждой — по три крючкообразных когтя: два малых по бокам и большой посередине. Ладонь его передней лапы напоминает розовую подушечку, и при необходимости длинные когти

убираются в нее столь же молниеносно, как лезвия перочинного ножа.

Вдобавок ко всему, этим маленьким зверюшкам свойственна странная привычка, за которую аборигены прозвали их «Слава Те, Боже». Эти животные спят, цепляясь задними лапами и хвостом за ветки, с выпрямленной спиной, как у солдата на посту, и с задетыми кверху передними лапками, будто и правда воздают хвалу Господу. На самом же деле этот жест имеет чисто защитное значение — если кто-нибудь нападет на зверька во время сна, мощные когти передних лап тут же растерзают обидчика в клочки. Карликовый муравьед принимает такую странную позу и тогда, когда напуган; вот так, на корточках, с поднятыми кверху лапами и закрытыми глазами, он может просидеть хоть полчаса, ожидая атаки.

Мой же карликовый муравьед оказался таким лентяем и соней и, похоже, так быстро смирился со своим пленением, что его даже не надо было сажать в клетку — он так и спал стоя в носовой части каное, словно фигура на носу старинного корабля, до самого лагеря. Я не очень хорошо представлял, чем кормить малыша, — из книг я знал, что мелкие животные питаются нектаром лесных цветов. В первый же вечер я развел в воде мед и повесил горшочек в клетке карликового муравьеда.

Около восьми вечера он начал подавать признаки жизни. Выйдя из неподвижного состояния, он принялся медленно, с опаской, лазить по веткам — точно старик на скользкой дороге. Наконец он обнаружил горшочек с медом. Повиснув на прутьях клетки как раз под ним, он тщательно обнюхал его своим маленьким розовым носиком и решил, что там, должно быть, таится что-нибудь съестное. Прежде чем я успел остановить его, он уцепился когтем за край горшочка — и вот уже с

ног до головы оказался облит медовой водой; это его рассердило, но по-настоящему он разозлился, когда я вынул его из клетки и принялся чистить кусочком ваты. Остаток вечера он провел, сидя на ветке и слизывая последние липкие капли со своей шкурки. Вода с медом ему очень понравилась, но приходилось давать ему посудину с узким горлышком. Научил горький опыт: однажды он целиком засунул голову в горшок и провел так всю ночь, облитый медом, так что к утру, когда я обнаружил его, он походил на живой мячик, облепленный опилками.

Но, конечно, водой и медом не насытишь даже такую крошку, и я попробовал дать ему муравьиных яиц. К моему удивлению, он отказался от них; когда же я принес ему живых муравьев, он проявил еще меньше внимания. Только благодаря чистой случайности я открыл, что он любит кузнечиков и мотыльков; когда я каждый вечер выпускал насекомых к нему в клетку, он гонялся за ними с большим энтузиазмом.

Как видите, гвианские муравьеды — не самые удобные для содержания в неволе животные, но они полны такого очарования, что все хлопоты окупаются с лихвой.

Глава десятая
**ПРО ЖАБ С «КАРМАНАМИ»
И ПРОЧИХ РОКОВЫХ ЖИВОТНЫХ**

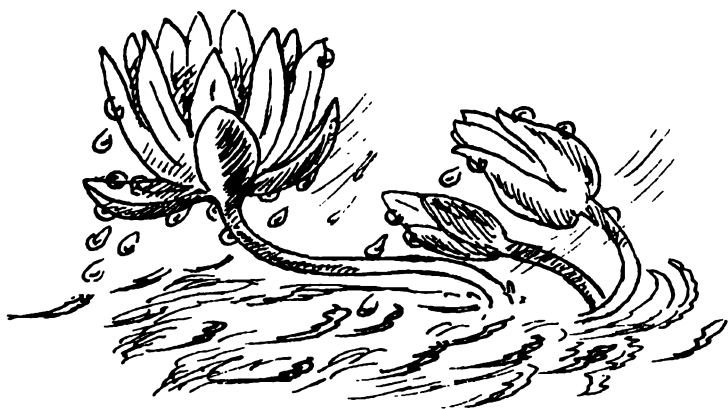
Речки и ручьи окружают селение Санта-Мария со всех сторон, так что, как ни крути, выходило, что мы живем на острове. Для меня явилось приятной неожиданностью, что эти водные протоки кишмя кишат кайманами, и я загорелся желанием наловить их побольше. Однако очень быстро выяснилось, что здешние крокодилы просто так в руки не дадутся — это тебе не Камерун, где ходи себе вдоль мелких речушек и хватай на песчаных отмелях сколько душе угодно. Речки вокруг Санта-Марии куда глубже и вдобавок, помимо кайманов, кишат такими малоприятными существами, как электрические скаты, не говоря уже о кровожадных рыбаках-пираньях — упадешь в воду, хрум-хрум — и конец. Поэтому, чтобы моя охота на кайманов возымела

успех, пришлось разрабатывать метод, применимый к местным условиям.

И вот мы плывем ночью на большом каноэ — я на носу, с факелом и длинной палкой, к которой привязана веревка со скользящей петлей на конце, а гребец на корме. Лодка медленно и плавно скользит по темной глади. Именно в тот раз я обнаружил, что молодых кайманов чаще всего можно встретить там, где выходит на поверхность густая водная растительность,— лежат себе, только носы да выпученные глаза видны над водой. Лодка медленно продвигалась вперед, а я водил вокруг фонарем, пока наконец его свет не отразился в глазах молодого каймана где-то в тридцати ярдах впереди. Свободной рукой я подал гребцу знак приблизиться к заросшему участку, а затем замедлить ход и остановиться.

Светя рептилии прямо в глаза, я наклонился и аккуратным движением накинул ей на шею петлю. Рывок — и вот уже она с громким недовольным фырканием бьется у меня в лодке! В ответ, словно в знак сочувствия пойманному собрату, раздалось фыркание множества молодых кайманов на много миль вокруг. Так-то я и узнал, где они скрываются, и вскоре у нас в лодке был уже целый мешок извивающихся рептилий.

Весьма странным обитателем здешних рек и ручьев является жаба под названием пипа. Возможно, жаба с «карманами» — одна из самых диковинных амфибий в мире. Я поймал несколько этих чудных созданий в заросшей водяными лилиями заводи на одной из больших по местным меркам речек. Жабы так сливались с грязными бесформенными листьями, что я не сразу признал их за что-то живое. Они имеют около пяти дюймов в длину и напоминают миниатюрные кожаные воздушные

змеи с лапкой в каждом углу. Когда я ловил их, они не брызгали слюной и не сопротивлялись, как большинство жаб и лягушек, а смиренхонько лежали, надеясь, что маскировочная окраска, имитирующая мертвые листья, уберезет их.

Одной из пойманных мною особей оказалась самка с икрой, что особенно обрадовало меня: появился удивительный шанс понаблюдать за появлением на свет детенышей. Когда самка мечет икру, самец втискивает ее в мягкую губчатую кожу своей подруги, специально сотворенную природой так, чтобы ее принять. Поэтому сначала икринки кажутся прозрачными бусинами, вделанными в коричневую кожную ткань. Затем та половина икринки, что торчит над уровнем кожи, затвердевает, образуя своеобразную выгнутую крышку. Другая же половина находится как бы в «кармане» на спине у самки. В защищенных таким образом икринках постепенно развиваются головастики, которые затем превращаются в миниатюрных жаб, столь крошечных, что шесть штук спокойно разместились бы на почтовой марке. Когда им приходит пора вылупляться, край воз-

вышающейся над кожей скорлупы размягчается, и, извиваясь и толкая друг друга, крошечные создания откидывают крышку, словно дверцу запасного выхода из самолета, и ценой значительных усилий выкарабкиваются из этого своеобразного «инкубатора» на материнской спине.

Пойманную крупную самку я поместил в большой жестяной бидон, где она неподвижно лежала на поверхности воды; создавалось впечатление, будто она уже несколько дней как сдохла. Но я видел, что у икринок на ее спине отвердевает крышка, и терпеливо ждал, когда настанет время вылупляться крошечным жабам. Случилось это лишь тогда, когда я с живым грузом пересекал на пароходе Атлантику и уже был на полпути к дому. Да, прямо скажем, не лучшее они выбрали время для появления на свет.

Было уже около полуночи, когда я кончил работу и собирался вернуться к себе в каюту; но перед тем как погасить свет в помещении, где находились звери, я еще разок взглянул на жабу и заметил, что на спине у нее вырос небольшой черный побег. Присмотревшись, я увидел, что одна из крышек, защищавших икринки, откинута, а черный побег — это лапка жабенка, которой он размахивал туда-сюда, пытаясь избавиться от материнской опеки. Я наблюдал, как ему удалось высвободить и вторую лапку, потом голову; после этого он на мгновение замер и оглянулся вокруг, как крошечный шахтер, выходящий на поверхность после длительного пребывания в забое.

Чтобы выбраться на свет Божий, ему понадобилось четыре-пять минут. После этого он, очевидно вконец измотанный борьбой за свободу, некоторое время лежал на спине у матери. Потом соскользнул в воду и принялся весело плавать вокруг своей родительницы. Я

продолжал наблюдать, и вот уже вторая крышка откинулась, и новый жабенок помахал мне лапкой.

Пока я, поглощенный и очарованный сим необычным зрелищем, сидел на корточках, ко мне присоединились два матроса, возвращавшиеся с вахты. Увидев свет, они забеспокоились, не случилось ли чего и не требуется ли помощь, и несказанно удивились, увидев меня сидящим на корточках над бидоном в такой поздний час. Вполне естественно, последовал вопрос, что я делаю. Я рассказал матросам, что представляет собой жаба пипа, как я поймал ее в таинственных, изрезанных ручьями и речками землях, и сообщил, что сейчас из находящихся у нее на спине икринок вылупляются детеныши. Оба матроса сели на корточки рядом со мною, и вскоре стало ясно, что зрелище зачаровало их так же, как и меня.

Позже к нам подошли еще матросы, удивленные, что приключилось с их товарищами. Я снова рассказал им про жабу с «карманами», и они тоже присоединились к нам, заинтригованные появлением на свет крошечных жаб. Когда один из детенышей, который был слабее других, никак не мог вылезти на волю Божию, матросы забеспокоились и спросили меня, нельзя ли помочь ему выбраться с помощью спички. Я объяснил, что для такой крошки спичка — все равно что для нас ствол дерева, и как бы аккуратно мы ни пытались действовать, мы скорее всего поломаем ему лапки, тоненькие, словно нитки.

Когда детеныш наконец высвободился и в изнеможении упал на материнскую спину, по толпе зрителей пронесся вздох облегчения. Уже занялась заря, когда последние детеныши попрыгали в воду; мы поднялись и отправились в камбуз попросить кока согреть нам чаю. И хотя в тот день все зевали на работе, никто не сомневался, что зрелище появления на свет крошечных жаб стоило того, чтобы ради него всю ночь просидеть на корточках.

Пипа была, конечно, не единственной редкой амфибией, с которой я столкнулся в этой изрезанной водными протоками земле. Природа щедро наделила Гвиану необычными жабами и лягушками. Наиболее диковинным после пипы созданием оказалась так называемая удивительная лягушка. Мы с другом наткнулись на нее как-то ночью, когда размышляли, что бы поймать. Подозвав меня, друг сказал, что ему попало очень странное существо: похоже на головастика, но длиной в шесть дюймов, а голова размером с куриное яйцо. Мы долго спорили, что бы это могло быть. Он настаивал, что это какая-то необычная рыба, потому что если головастик такой огромный, то каких же размеров должна быть лягушка, в которую он превратится?! Я же был уверен, что это именно головастик. Во время спора я вспомнил, что в свое время читал об этом диковинном животном,— существо, которое попало к нам в руки, было не чем иным, как головастиком удивительной лягушки.

Жизненный цикл удивительной лягушки противоположен тому, который мы наблюдаем у обычной. Обычная лягушка получается из маленького головастика, у которого на определенной стадии развиваются лапки и отваливается хвост и который выходит на сушу уже полноценным лягушонком. Головастик же удивительной лягушки крупнее, чем сама лягушка,— и в этом заключается самое удивительное в ней.

Еще одна необычная амфибия, встречающаяся в этой части Южной Америки,— сумчатая квакша. Это небольшое создание производит на свет потомство почти столь же необычно, как и пипа. У самки на спине есть большой разрез, похожий на карман; в него и помещается икра, о существовании которой самка практически забывает. Внутри кармана икринки развиваются в головастиков, у головастиков вырастают лапки и отделя-

ется хвост; когда же приходит время, кожа на спине самки лопается, и оттуда выпрыгивают детеныши, каждый не больше булавочной головки.

Одной из самых маленьких, но поистине роковых амфибий, которую мы поймали в Британской Гвиане, является древолаз. Это земноводные длиной примерно в полтора дюйма, раскрашенные яркими необычными узорами: красные и золотые полосы по белому фону, розовые и синие — по черному; есть и другие сочетания. С виду милейшие создания — если наполнить ими жестянку, кажется, что она полна монпансье, а не живых существ. Но для индейских племен от них особая польза. Наловив побольше древолазов, их ставят поближе к огню. От жары их тела выделяют особую слизь, которую индейцы соскребают и хранят. Приготовленная особым способом, она представляет собой сильнейший яд, которым аборигены смазывают свои послушные стрелы. Если такая стрела попадет в животное, даже крупное, вроде дикой свиньи, яд сразит его наповал. Таким образом, для индейцев каждое из этих милых созданий является миниатюрной фабрикой яда.

Глава одиннадцатая,
**В КОТОРОЙ МОЙ ПИТОМЕЦ
ПО ИМЕНИ КАТБЕРТ
УСТРАИВАЕТ МНЕ РАЗВЕСЕЛУЮ ЖИЗНЬ**

Одним из наиболее очаровательных, но утомительных созданий, что попали мне в руки в Британской Гвиане, был самец кюрассо. Как только я купил его, он почти сразу начал меня изводить. Кюрассо — это крупные птицы, размером с индюшку, с черным блестящим оперением, ярко-желтыми лапками и мощным желтым клювом; стоячие перья на голове, загибаясь, образуют невысокий хохолок. У них большие темные глаза с безумным выражением.

Его принес маленький толстый китаец. Когда я приобрел птицу, прежний хозяин посадил ее у моих ног. Гость постоял минуту-другую, сверкая глазами и выводя

жалобное «пет-пет-пет» — звук, который мне казалось странным слышать от столь крупной и грозной с виду птицы. Я наклонился и почесал его по кудрявому гребню, и тут же Катберт зажмурил глаза и растянулся на земле, от наслаждения махая крыльями и издавая мягкие гортанные звуки.

Китаец уверял меня, что он совсем ручной и никуда не удерет, так что нет нужды запира́ть его в клетку. Поскольку Катберт с самого начала продемонстрировал такую привязанность ко мне, я поверил, что так оно и есть. Когда я прекратил чесать ему хохолок, он встал и направился прямо к моим ногам, по-прежнему смешно пища. Медленными шажками подойдя вплотную, он улегся на моих ботинках, зажмурил глаза и снова начал издавать гортанные звуки. Его характер показался мне таким нежным и мягким, что я решил назвать его Катберт, и никак не иначе.

В первый же день, как эта птица оказалась у меня, я сидел за столиком в нашей хижине, собираясь сделать очередные записи в дневник. Тут Катберт, который до того спокойно расхаживал по комнате, решил, что пора пощекотать мне нервы. Громко хлопая крыльями, он вспорхнул на стол, прошелся по нему, все так же невинно пища, и попытался улечься на бумагу, на которой я писал. Я раздраженно оттолкнул его, а он с удивленным и возмущенным выражением ступил своей цыплячьей лапой в чернильницу — надо ли говорить, что ее содержимое пролилось как раз на мой дневник, две страницы которого пришлось переписать.

Пока я переписывал испорченный текст, Катберт предпринял ряд попыток бесцеремонно взобраться ко мне на колени, но все они решительно мною пресекались. Наконец он отошел в сторону и несколько минут простоял в глубоком раздумье. Поняв, что подкрасться ко мне медленным шагом не удастся, он решил взять

меня наскоком: улучив момент, когда я отвернулся, он вспорхнул и попытался сесть ко мне на плечо, но, промахнувшись, приземлился с распахнутыми крыльями на стол, издал душераздирающий вопль и вторично опрокинул чернильницу. Я как следует накрутил ему хвост, и он со скорбным видом ретировался в угол.

В это время в хижину вошел мой приятель, в обязанности которого входило развешивать на ночь гамаки для спанья. Вытащив их из угла, где они лежали днем, он принялся развязывать веревки; за этим занятием его и застал Катберт. Поняв, что надоел мне как горькая редька, он решил попробовать — а вдруг мой приятель окажется к нему благосклоннее? Осторожно выползая из своего убежища, он развалился позади ног моего напарника и блаженно закрыл глаза.

Борясь с веревками и гамаками, мой приятель неожиданно шагнул назад и, естественно, наступил на птицу. Та издала тревожный крик и снова ретировалась в угол. Подождав, пока мой друг снова весь уйдет в работу, она вновь выползла из своего убежища и улеглась у него в ногах. Потом раздался грохот — это мой приятель полетел на пол, увлекая за собой гамаки, москитные сетки, веревки и мешковину. Вскоре из всей этой кучи высунулась голова Катберта, страшно раздраженного таким бесцеремонным обращением. Сочтя, что Катберт достаточно нахулиганил за вечер, я отнес его к остальным питомцам, привязал за ногу длинной веревкой к массивному ящику, точно преступника, и оставил что-то попискивающим про себя.

Поздно ночью меня разбудил страшный крик, доносившийся со стороны клеток. Выпрыгнув из гамака и схватив ночник, который я на всякий случай всегда держал у постели, я бросился посмотреть, что же произошло, и обнаружил Катберта на полу, слегка попискивающим и с ошалелым взглядом.

А произошло вот что. Ознакомившись со всеми клетками, он решил, что лучше всего устроиться спать на клетке с беличьими обезьянами. Ну и залез, а того не учел, что его длинный хвост будет свисать как раз перед прутьями и в лунном свете обезьяны непременно заметят его. Так оно и вышло. Страшно заинтригованные, что же это такое висит у них под самым носом, они просунули лапы сквозь прутья клетки пощупать. Когда Катберт почувствовал, что его схватили за хвост, он решил, что на него напало какое-то чудище, и взмыл ввысь, словно ракета, оставив в лапах обезьян пару перьев из своего пышного хвоста. Мне потребовалось немало времени, чтобы успокоить его, а затем я привязал его на новом месте, где он мог спать спокойно, не опасаясь нападения из-за угла.

Перевезя Катберта в наш базовый лагерь, я выпустил его в большой сад, где держал животных. Он не оставил привычки путаться у всех под ногами и, когда кто-нибудь спотыкался-таки о него, с явным удовольствием издавал дикий крик — мол, надо под ноги смотреть! Сад был обнесен высоким забором из рифленого железа, перелететь который Катберт не мог. Тем не менее он пребывал в убеждении, что, если усердно тренироваться, можно достичь верхушки. Вот он и тренировался. Отходя на десять ярдов и поворачиваясь к забору, он разгонялся с разъяренным видом, так яростно хлопая крыльями, что его тяжелое тело и в самом деле с шумом отрывалось от земли.

Но набрать нужную высоту ему не удалось ни разу. Ему даже не приходило в голову попробовать взлететь с полпути — всякий раз он начинал вертикальный взлет у самого забора, и я боялся, что когда-нибудь он расшибется насмерть. Каждая попытка сопровождалась пронзительными криками, что-то вроде: «Сезам, откройся!» Затем следовал страшный удар, и Катберт в

туче перьев скатывался вниз по рифленому железу; стараясь удержаться, он ужасающе скрежетал по нему когтями. Но, как видно, эти упражнения не причиняли вреда ни ему, ни забору; больше того, он испытывал от этого наслаждение, так что я в конце концов оставил его в покое.

Но вот в один прекрасный день, подготовившись к очередному поединку с забором, Катберт, к своему удовольствию, обнаружил, что кто-то забыл возле него стремянку. Когда она попалась мне на глаза, Катберт уже успел забраться на верхнюю площадку и восседал там, безмерно гордясь собою. Пока я подскочил к стремянке, чтобы сцапать его, Катберт уже взмахнул крыльями, перелетел через забор и приземлился на дорогу. Осмотревшись, он быстренько почистил перья и поскакал к рынку. Я тут же кликнул всех своих помощников, и мы бросились ловить беглеца. Оглянувшись и увидев, что мы всей толпой догоняем его, он пустился бежать изо всех сил. Мы веселым хороводом гонялись за ним вокруг рынка; к нам присоединились половина торговцев и почти все покупатели, но только полчаса спустя наша погоня увенчалась успехом. Когда беглеца тащили обратно в сад, он оглушительно пищал.

Среди птиц, немало нас развлекавших, следует назвать еще крупных, ярко окрашенных попугаев ара. Я покупал их у разных людей в Гвиане уже совершенно ручными. Всех попугаев ара в Гвиане почему-то зовут Роберт, как в Англии — Полли, так что, когда покупаешь попугая, заведомо знаешь, что он сейчас заревет, как сирена, и выкрикнет свое имя. Таких птиц у нас набралось восемь, и они коротали время в длинных и забавных разговорах между собою, используя одно только слово — «Роберт». Один скажет вопросительно: «Ро-

берт?» Другой ответит: «Роберт, Роберт, Роберт». «Р-р-р-оберт!» — подтвердит третий и так далее. При этом они столь многозначительно покачивают головами, что я был почти готов поверить в значимость этих глупых бесед.

Одна пара попугаев совершенно не выносила неволю, ибо их прежние хозяева позволяли им летать по всему дому и за его пределами. Пока мы были в Джорджтауне, я тоже разрешал им летать по саду, но когда настало время отправляться в Англию, пришлось-таки посадить их в клетку. Это была прекрасно сделанная клетка, с передней стенкой из толстой проволоки, но я не учел, что эти птицы своими мощными клювами способны разнести в щепы любое дерево. Действительно, не прошло и трех дней пути, как эта пара раздолбила одну из стенок, и вся конструкция с треском рухнула. Трижды чинил я клетку, и трижды они разносили ее в щепы. В конце концов я сдался и позволил им летать где вздумается. Но чаще всего они просто спокойно гуляли по крышам клеток, переговариваясь со своими собратьями на странном «Роберт»-языке.

Глава двенадцатая,
**ГДЕ Я РАССКАЗЫВАЮ
О РАЗЛИЧНЫХ ЖИВОТНЫХ,
В ТОМ ЧИСЛЕ ОБ ОПОССУМЕ,
КОТОРОГО ЗДЕСЬ ЗОВУТ
«НЕОСТОРОЖНЫМ ЛУНАТИКОМ»**

Одним из самых забавных животных, встречающихся в Гвиане, является цепкохвостый дикобраз. Это небольшое толстенькое существо, покрытое черными и белыми иглами, с длинным голым хвостом, предназначенным для лазания по деревьям. У него толстые плоские задние ноги и два маленьких круглых глаза, похожих на пуговицы. Если бы они не были такими смешными, к ним можно было бы проникнуться сочувствием: всегда стараются сделать как лучше, а получается наоборот.

Если, например, такому зверю дать четыре банана, он сперва попытается все четыре взять в рот. Когда

после нескольких попыток он придет к заключению, что его рот недостаточно велик для этого, он будет долго сидеть, шевеля выпуклым носом и размышляя, что же делать. Подберет банан и держит в пасти, затем возьмет в каждую переднюю лапу по банану и вдруг с огорчением обнаружит, что на полу остается еще один. Тогда он выпустит из зубов один плод и подберет другой, но, увидев, что один банан по-прежнему лежит на полу, бросит все и опять погрузится в раздумья. Только через полчаса ему приходит в голову блестящая идея — сесть да съесть один банан, тогда оставшиеся три он сможет взять с триумфом — по одному в каждую лапу и один в зубы.

Эти дикобразы имеют своеобразную привычку устраивать состязания по боксу. Заберутся два таких зверя на верхние ветки в своей клетке, усядутся поудобнее на корточки, обмотав вокруг веток свои могучие хвосты для безопасности, а затем накидываются друг на друга, нанося немыслимые апперкоты и короткие тычки; все это время их носы двигаются из стороны в сторону, а маленькие круглые глаза, как ни странно, исполнены выражения покорности и даже беспокойства. Самое удивительное в этих состязаниях то, что они иной раз могут длиться до получаса, однако же не было случая, чтобы один дикобраз покалечил другого.

Иногда после очередной встречи соперникам хочется немножко пожонглировать. Найдут старую косточку манго или что-нибудь в этом роде, сядут опять же на корточки и начнут перебрасывать из лапы в лапу — с виду настолько неумело, что кажется, вот-вот выронят. Но этого никогда не случается. Наблюдая их, я всегда вспоминал клоунов, которых видел в цирке: в неуклюжих ботинках, со скорбным выражением на лице, они вечно попадают в какие-нибудь передраги или с самым серьезным видом смешат публику.

Кроме прочих диковинных созданий, Гвиана может похвастаться самым крупным в мире грызуном, который называется капибара, или водосвинка. Она и в самом деле напоминает гигантскую морскую свинку размером с крупную собаку и весом около пятидесяти килограммов. В длину она достигает четырех футов, а в высоту двух, так что, если сравнить ее с обычной английской полевой мышью, которая вместе с хвостом едва ли составляет четыре с половиной дюйма и весит одну шестую унции, никому и в голову не придет, что они родственники.

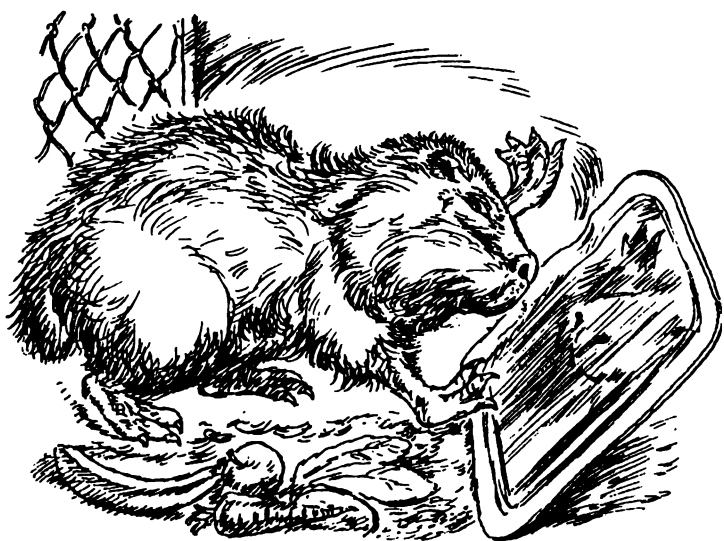
Первую капибару я получил вскоре после прибытия в Джорджтаун; я бы даже сказал, *слишком* скоро. Я еще не успел выбрать подходящее место для базового лагеря, и мы жили в небольшом пансионе на окраине города. Хозяйка любезно разрешила нам держать любых животных, которых мы приобретем, у нее в саду. Через несколько дней у меня уже были одна диковинная птица да пара-тройка обезьян, которых я разместил в клет-

ках, поставленных возле клумб. И вот однажды вечером вошел некто, ведя на поводке огромную взрослую капибару. Пока я торговался с хозяином, животное с весьма аристократическим видом отправилось расхаживать по саду, время от времени срывая цветок, очевидно считая, что я за ним не слежу.

Я поместил грызуна в новую длинную клетку в форме гробика, с передней стенкой из особо прочной проволоки, положил ему туда самых разнообразных деликатесов и оставил в покое. Комната, где мы с приятелем спали, выходила в сад. Около полуночи мы были разбужены каким-то странным звуком, будто кто-то играл на арфе под аккомпанемент жестянок. Я задумался, что бы это могло быть, и вдруг вспомнил о капибаре.

С диким криком: «Капибара удирает!» — я выскочил из постели и выбежал в сад прямо в пижаме. Тут же ко мне присоединился приятель. Однако в саду все было тихо-мирно, а наш грызун сидел себе на задних лапах, высокомерно задрав нос. Мы с другом заспорили, капибара ли издавала этот звук. По мнению друга, это никак не могла быть капибара — посмотри, с каким невинным видом она сидит! Я возражал, что это могла быть только она — потому и прикинулась овечкой. Поскольку звук больше не повторялся, мы решили снова отправиться на боковую, но не успели лечь, как та же зловещая музыка раздалась вновь и еще громче прежнего. Выглянув из окна, я при лунном свете увидел, что клетка капибары дрожит и трясется.

Тихо спустившись по лестнице и осторожно подкравшись, мы наконец разглядели, чем занимался наш грызун. Он с весьма презрительным выражением наклонял морду вперед и, схватив огромными кривыми зубами проволочную сетку, натягивал ее и отпускал, отчего вся клетка вибрировала, словно арфа. После того как звук затихал, он поднимал мясистый зад и принимался то-

пать по жестяному подносу, громыхая, словно весенняя гроза. Очевидно, это он так сам себе аплодировал. Да нет, никуда он убегать не собирался, просто демонстрировал свой талант музыканта.

Но о том, чтобы разрешить ему продолжать в том же духе, не могло быть и речи — хлопот не оберешься, когда посыплются жалобы со стороны других жильцов пансиона. Поэтому мы убрали из его клетки поднос, а переднюю стенку накрыли мешковиной в надежде, что он успокоится и ляжет спать, — да и нам пора было на покой. Не тут-то было! Стоило отойти на несколько шагов, как тот же жуткий дребезжащий звук вновь наполнил сад. Что же делать? Мне ничего не приходило в голову. Пока мы спорили, в дверь постучали несколько разбуженных постояльцев и сказали, что звери убегают и своим шумом всех перебудили. Я, конечно, при-

нес всем глубокие извинения, а сам думал, как бы остановить несчастного грызуна.

Наконец мой друг подал блестящую идею — отнести капибару вместе с клеткой в Музей естественной истории неподалеку отсюда, с хранителем которого он состоял в приятельских отношениях. Там животное можно оставить на попечение ночного сторожа, а на следующее утро забрать. Надев одежду поверх пижам, мы вышли в сад, подкрались к длинной, похожей на гроб, клетке, завернули ее в мешки и понесли. Капибара, недовольная тем, что мы так грубо прервали ее сольный концерт, носилась из угла в угол, от чего клетка раскачивалась, как качели. До музея было всего-то ничего, но из-за ее выкрутасов нам несколько раз приходилось останавливаться и отдыхать.

Мы свернули за угол на тропку, что вела к воротам музея, и тут же столкнулись с полицейским. Он смерил нас подозрительным взглядом — чего это мы тут шляемся в час ночи, в наспех наброшенной поверх пижам одежде, да еще с каким-то странным ящиком вроде гроба?! Может, это грабители, волокущие добычу после налета на один из ближайших домов? Или убийцы, несущие в гробу труп жертвы? Наш рассказ о том, что это всего-навсего грызун под названием капибара, мало удовлетворил его. Пришлось развернуть мешковину и продемонстрировать ему наше чудовище. Убедившись, что мы говорим правду, он сменил гнев на милость и даже помог дотащить клетку до ворот музея. Затем мы принялись хором звать ночного сторожа, а зверюга, очевидно, чтобы успокоить наши нервы, сыграл что-то из своего репертуара — должно быть, самое любимое — на толстой проволоке. На наши крики никто не вышел, и стало ясно, что ночной сторож, где бы он ни находился, явно отлынивает от своих обязанностей. Немного поломав голову, как нам быть, полицейский предложил

отнести грызуна на местную бойню — может, хоть там его покараулят до утра.

По дороге на бойню нам снова пришлось пройти мимо пансиона, и я предложил пока оставить клетку с животным в саду, а самим добежать до бойни и разведать, дадут ли ему там приют. Путь до бойни оказался неблизким, и я понял, что мы правильно поступили — не стоило тащить его в такую даль только затем, чтобы выяснить, что оставить его здесь нельзя.

Пристроив в саду нашего грызуна, который по-прежнему сочинял песенки, аккомпанируя себе на проволоке, мы, зевая от усталости, пустились в путь по спящим улицам и, сбившись раз или два с дороги, добрались-таки до бойни, где, к нашей радости, горел свет. Мы бросили в окно пару камушков, и тут же высунулся пожилой негр и спросил, что нам нужно. Когда мы объяснили, что нам нужно приютить на ночь капибару, он решил, что мы сбежали из сумасшедшего дома, и утвердился в своем мнении, узнав, что мы не принесли с собой животное. Спросив меня, кто такая капибара, и выслушав мои разъяснения, старик обеспокоенно покачал головой:

— Так это же бойня,— сказал он.— Это для коров. Здесь грызунам не положено.

В конце концов мне удалось убедить его, что капибара — это что-то вроде коровы, только чуть поменьше, и что не сгрызет же она за одну ночь бойню. Уладив это дело, мы отправились в пансион за зверем. Войдя в освещенный лунным светом сад, мы заглянули в клетку и обнаружили, что наш бандюга дрыхнет без задних ног, свернувшись в углу калачиком и слегка пофыркивая. Мы решили больше не трогать его и остаток ночи проспали как убитые. Спустившись на следующее утро проведать своего мучителя, мы увидели, что капибара вполне довольна жизнью и отнюдь не выглядит усталой.

В Гвиане обитает также несколько видов опоссумов, примечательных в первую очередь тем, что это — единственные за пределами Австралии животные, которые, подобно кенгуру, носят детей в кармане. У всех опоссумов в Южной Америке длинная лохматая шерсть, а голыми хвостами они похожи на крыс, одни размером с кошку, а другие меньше мыши. Впрочем, увидев, как они лазят по деревьям, убеждаешься, что зверьки не имеют ничего общего с крысами. А лазят они так же ловко, как обезьяны, используя для этого не только все четыре ноги, но и хвост, который обвивается вокруг веток, словно змея.

Самым привлекательным из гвианских опоссумов мне показался маленький «неосторожный лунатик», как называют его аборигены, потому что, по слухам, он выходит только в полнолуние. Эти зверюшки очаровательны: черная как уголь спинка, лимонно-желтое брюшко, розовый хвост, лапки и уши, а над темными глазками — густые белые брови, словно два белых банана. Размером они с обыкновенную крысу, хотя носы куда острее и хвосты значительно длиннее.

Первого «неосторожного лунатика» — он же пушистый опоссум — мне принес мальчик-индеец, поймавший его ночью у себя в саду. Я как раз собирался возвращаться в базовый лагерь, на берегу реки меня ждал паром, и нельзя было терять ни секунды. На полпути к причалу я вспомнил, что для этого маленького существа нужна клетка, а на пароме ее наверняка не окажется. Тогда я решил вернуться в деревенский магазинчик и раздобыть там коробку. Мой приятель ринулся вперед, чтобы задержать паром, а я вместе с обеспокоенным зверьком, повисшим на веревке, бросился как сумасшедший к магазинчику.

Выложив из большой коробки жестянки с разными припасами, торговец протянул ее мне. Схватив коробку

и на бегу поблагодарив его, я опрометью бросился назад, к набережной. Мальчик-индеец, провожавший меня, ловко ее нес остаток пути на голове. Бежать по пыльной дороге под палящим солнцем было невыносимо, но всякий раз, когда я останавливался перевести дыхание, с реки доносился рев парома — экипажу надоело меня ждать, и в тот самый момент, когда я добрался до набережной, их терпение иссякло и они уже хотели убирать сходни и отчаливать.

На борту судна, отдышавшись, я принялся мастерить из коробки клетку для зверька. Когда клетка была готова, настала очередь отвязывать зверька от веревки. Оппосум же был настроен далеко не дружелюбно, шипел на меня, как гадюка, и кусал за пальцы, но я сумел-таки развязать веревку.

Тут я заметил у него между задними ногами странную выпуклость, похожую на сосиску. Я испугался, что у зверька повреждены внутренности. Когда я аккуратно ощупал это место, шкурка неожиданно отошла, и моим глазам открылся длинный неглубокий карман, в котором прятались четыре дрожащих розовых детеныша.

Так вот, оказывается, что таилось в этой выпуклости! А я-то думал, не приключилась ли со зверьком какая беда... Мамаша, надо сказать, была очень раздражена тем, что я без спросу залез к ней в карман, больно цапала меня и громко кричала. Когда я водворил ее в клетку, первое, что она сделала, — села на задние лапы и открыла карман, чтобы убедиться, все ли детеныши на месте. Затем она причесала свою шкурку и принялась есть фрукты, которые я ей принес.

Когда детеныши подросли, им стало тесно в узком тайнике, а вскоре там уже помещался только один из них. Обычно малыши лежали на полу клетки неподалеку от матери, но если что-то пугало их, они опрометью бросались к спасительному кармашку, так как

знали: спрячется только тот, кто добежит первым, а остальные останутся снаружи один на один с опасностью. Мамаша-опоссумиха, гуляя по клетке, приглашала детенышей к себе на спину; так они и катались, цепко вцепившись в материнскую шкуру и обвив длинные розовые хвосты вокруг ее тела в объятии, исполненном любви.

Глава тринадцатая,
**В КОТОРОЙ МНЕ ПОПАДАЕТСЯ
ЧЕТЫРЕХГЛАЗАЯ РЫБА**

Когда я был в Британской Гвиане, я горел желанием раздобыть несколько видов красивых крохотных птичек — колибри. Мне посчастливилось встретиться с охотником, который был особенно искусен в их ловле, и недели через две он принес мне маленькую клетку, где порхали пять-шесть колибри, столь часто вибрируя крыльями, что создавалось впечатление, будто в клетке поселился целый пчелиный рой. Мне всегда говорили, что колибри очень трудно содержать, и поэтому я очень волновался о судьбе приобретенной мной первой партии.

Колибри питаются цветочным нектаром, запуская в цветок свой длинный тонкий клюв и вылизывая содержимое тонким язычком. В неволе, конечно, придется приучать их к смеси воды с медом с добавлением не-

большого количества специальных концентратов. В условиях тропической жары эта смесь быстро прокисает, так что трижды в день приходится готовить новую. К тому же предстояло научить их брать пищу из стеклянного стаканчика — они ведь привыкли есть из ярких пестрых цветов и поначалу могут не понять, что в стаканчике еда.

Когда они только поступили ко мне, я аккуратно вынимал каждую птичку из клетки и, держа в руке, погружал ее клюв в стаканчик, и так по нескольку раз, пока она не высовывала язычок попробовать содержимое на вкус; а уж раз попробовав, принималась с жадностью сосать. Убедившись, что птичка насосалась досыта, я пересаживал ее в новую клетку, где уже стояла посудина с едой, которую я накрывал алым цветком гибикуса.

Дальше события обычно разворачивались так. Колибри, сама не больше шмеля, восседает на жердочке, чистит перья и что-то тихо самовлюбленно чирикает. Потом срывается с жердочки и порхает по клетке, как вертолет, у которого вместо винта — крылья. Вполне естественно, что она замечает цветок гибикуса, спускается к нему и погружает туда свой клюв. Высосав из цветка весь его собственный нектар, она продолжает опускать клюв ниже и вскоре, просунув его между лепестками, добирается до меда и принимается быстро сосать его, постоянно порхая в воздухе. Не более чем через сутки птички поняли, что в стаканчике, подвешенном к прутьям клетки, имеется обильный запас сладкого меда, и мне уже не нужно было украшать его цветком для привлечения их внимания. Крохотные птицы чувствовали себя вполне счастливо и за какие-нибудь два дня сделались столь ручными, что принимались за свое медовое питье, не дожидаясь, пока я повешу стаканчик на стенку; порой они даже садились мне на руку отдохнуть и почистить перышки.

В нашем лагере в Джорджтауне постоянно случалось что-нибудь неожиданное. Никогда не знаешь, когда кто заявится и каких новых животных принесет. То придет старик с мартышкой на плече, то мальчик с проволочной клеткой, полной диковинных птиц, а то возвратится из недельного похода в глубь страны профессиональный охотник на конной повозке, уставленной клетками, полными необычных существ.

Однажды в лагерь пришел весьма почтенного возраста индеец и вежливо подал мне корзину из прутьев рафии. На мой вопрос, что там, старик ответил, что крысы. Если так, то можно спокойно открывать крышку — они обычно никогда не пытаются вылезти. Ничего не подозревая, я это и сделал, но вместо крыс в корзине оказались обезьянки-мармозетки (они же игрушки обыкновенные), которые тут же повыскакивали наружу и разбежались в разных направлениях. После бешеной охоты, длившейся более получаса, нам удалось отловить и водворить в клетку всех. Я же получил хороший урок: надо осторожнее открывать корзинки, принесенные посетителями, — ведь никогда не знаешь, как поведут себя те, что внутри.

Мармозетки — одни из самых маленьких обезьян, размером с крысу; у них длинный пушистый хвост и умные рожицы. Оранжево-красные лапы ярко контрастируют с черной-пречерной шерсткой на остальных частях тела. Мы предоставили им просторную клетку, где они могли лазать и прыгать сколько душе угодно, а для сна служила коробка с прорезанными в ней дырками. Каждый вечер они садились у двери клетки, визжа и болтая о чем-то в ожидании ужина. На ужин каждой выдавался горшочек молока и пяток кузнечиков на закуску; все словав, они выстраивались в шеренгу и во главе со старшей торжественным шагом уходили к себе в коробку, где сворачивались в один большой

клубок. Как они умудрялись так спать и не задыхаться, для меня осталось загадкой; но очевидно, что и на воле эти обезьянки спят все вместе.

Однажды ко мне в сад пришел высокий негр, ведя на поводке очень странное животное. Оно было похоже на гигантскую морскую свинку, покрытую крупными белыми пятнами. У него были темные глаза и пушистые белые усы. Это оказалась не кто иная, как пака — ближайшая родственница морской свинки и упоминавшейся выше капибары. Когда мы сошлись в цене, я спросил негра, где и в каком возрасте он подобрал ее и удалось ли ему ее приручить. Погладив паку, тот принялся уверять меня, что взял ее детенышем и что более нежное создание трудно себе вообразить. К тому времени у меня уже накопилось много животных и не хватало клеток. Что ж, подумал я, раз пака ручная, то я просто привяжу ее к ближайшему колышку. Сказано — сделано. Выдав ей овощей, я совершенно забыл о ней.

Несколько позже, идя от клетки к клетке и вынимая миски с водой, чтобы помыть их, я неожиданно услышал странное ворчание. «Уж не тигр ли забрел сюда?!» — подумал я. Тут кто-то как схватит меня за ногу! Я подскочил и уронил миски, которые так тщательно собирал. А цапнула-то меня пака, собственной персоной, только вот непонятно почему: она казалась такой ручной, когда появилась в лагере! Брюки были разорваны, нога кровоточила. Я, конечно, страшно рассердился, но что толку? Всю следующую неделю к ней невозможно было приблизиться — если кто-то осмеливался пройти мимо, она кидалась на него, скрежеща зубами и злобно рыча. Но по истечении недели так же внезапно сменила гнев на милость и снова стала ручной — позволяла чесать себя за ушами и гладить

брюшко, когда лежала на боку. Поведение ее менялось все время, пока она была со мною, — подходя к ее клетке, никогда не знаешь, встретит ли она тебя дружелюбно или опять вцепится в ногу своими острыми зубами.

Одним из самых необычных созданий, которых мы приобрели в Джорджтауне, оказалась маленькая рыбка длиной четыре-пять дюймов. Несколько таких рыбок нам принесла в старом жестяном чайнике милая старушка-негритянка. Заплатив за них и пересадив в большую миску, я сразу понял, что в них есть что-то необычное, но не сразу смог сообразить что. И вдруг я заметил, что глаза у этих рыбешек какие-то странные. Тогда я бросил одну в стеклянный кувшин, пригляделся и обомлел: у этой рыбешки было четыре глаза!

Большие и выпуклые, они выдавались над поверхностью головы, как у бегемота. Каждое глазное яблоко четко делилось пополам — на верхнюю и нижнюю половины. Я узнал, что «нижние» глаза смотрят под воду, наблюдая за тем, не собирается ли атаковать какая-ни-

будь крупная рыба, а «верхние» ищут пищу и следят за опасными птицами. Это одно из самых удивительных средств защиты, которые я наблюдал у братьев наших меньших, да и сама рыбка не менее удивительна.

В Гвиане обитает также одна из самых редких на свете птиц — гоацин, прозванная аборигенами «Анна-вонючка» за сильный мускусный запах¹. У этой птицы такая особенность: у птенцов на каждом крыле имеются два хорошо развитых когтя (у взрослых птиц когтей нет). Вылупившись из яйца, птенец уже через несколько часов вылезает из гнезда, построенного в колючем кустарнике над рекой, и принимается, как обезьяна, лазать по тонким веткам, цепляясь своими коготками. В случае опасности он, не раздумывая, ныряет в воду на глубину десять футов, поскольку плавает, как рыба, а затем с помощью когтей опять взбирается на куст и залезает в свое гнездо. Гоацин — единственная на свете птица, способная на такое.

¹ Название «гоацин» ацтекского происхождения. (Примеч. пер.)

Глава четырнадцатая
**О ГИГАНТСКИХ КАЙМАНАХ
И УЖАСНЫХ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ УГРЯХ**

Содержать моих питомцев непосредственно в Джорджтауне было выгодно со многих точек зрения. Во-первых, там не было недостатка в пище для всей огромной оравы, а во-вторых, отправляясь на рынок за провизией, можно было приобрести еще каких-нибудь редких животных, которых приносили на продажу из глубинки. Большим преимуществом была также близость аэропорта, и я регулярно отправлял в Англию заказанных животных самолетом. Лучше всего переносят воздушное путешествие рептилии, так что приблизительно каждые две недели я, набив несколько больших ящиков жабами, лягушками, черепахами, ящерицами и змеями, отсылал их в аэропорт.

Перевозка рептилий по воздуху существенно отличается от перевозки морским путем. Во-первых, отправка самолетом требует иной упаковки. Например, для крупной партии змей нужен просторный легкий деревянный ящик. Каждую змею нужно посадить в небольшой хлопчатобумажный мешок, тщательно завязанный веревкой, а каждый мешок повесить на гвоздь — тогда можно не беспокоиться, что змеи съедят друг друга. Воздушное путешествие из Британской Гвианы в Англию во времена, когда писалась эта книга, продолжалось три дня, и единственное, что требовалось змеям в пути, — это вода, так как они могут долго обходиться без пищи. Я плотно кормил их накануне отправки, и в воздухе они лежали свернувшись в своих мешочках и переваривали пищу. К тому времени, когда этот процесс заканчивался, рептилии как раз достигали Англии.

Лягушек, жаб и мелких ящериц следует пересылать также в мешочках и примерно по тем же правилам, что и змей. Но для крупных ящериц, таких, как зеленая игуана, требуются специальные клетки. В каждой такой клетке, куда помещается пять-шесть штук, должно быть много веток, чтобы им было за что цепляться. В отношении кайманов я убедился в том, что если молодые отлично чувствуют себя во время воздушного путешествия, то взрослые его на дух не переносят; вдобавок их приходится перевозить в тяжелых деревянных клетках, что делает «неподъемной» стоимость транспортировки. В итоге большая часть взрослых кайманов поехала со мной в Англию на корабле.

Самый маленький кайман, которого я поймал в Британской Гвиане, был чуть более шести дюймов в длину — должно быть, он только что вылупился из яйца. Самый же крупный превышал двенадцать футов, и с ним пришлось изрядно повозиться. Мы поймали его в большой реке, протекавшей по северным саваннам; та-

ких рептилий там можно ловить хоть сотнями, и, кроме того, река кишела огромными электрическими угрями. Поскольку у меня был заказ от одного английского зоопарка именно на крупного каймана, мы решили, что лучшего места для ловли не найти. Мы выбрали небольшую заводь, напротив которой, примерно в ста пятидесяти ярдах, находился остров, облюбованный этими рептилиями.

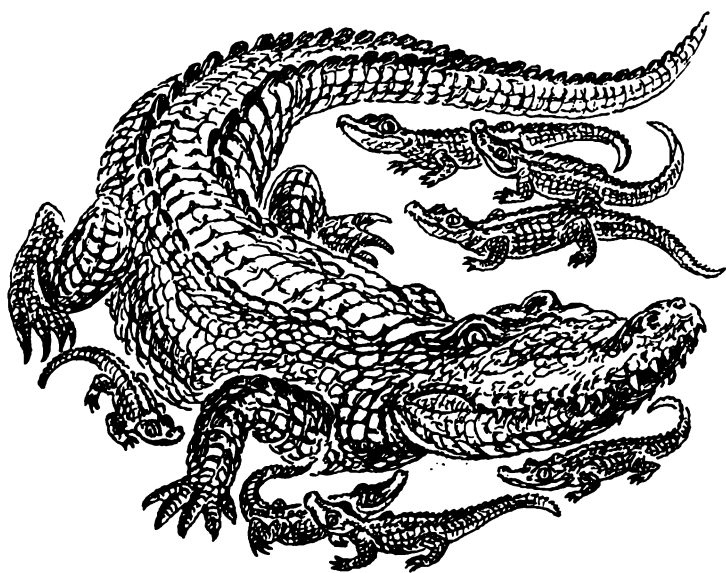
Снасть, которую я поставил на кайманов, была гениально простой, но весьма эффективной. Мы вытащили носами на берег два тяжелых каноэ, чтобы они наполовину оставались в воде, и расположили их на расстоянии примерно ярда друг от друга, так что между ними образовался небольшой канал. Сюда я и поставил удилище, к концу которого привязал веревку со скользящей петлей; в качестве приманки была выбрана дохлая и жутко смердящая рыбина. Чтобы добраться до нее, кайману придется сунуть голову в петлю, которая тут же туго затянется. Другой конец веревки я накрепко привязал к толстому стволу дерева, росшего примерно в шести футах от берега. Снасть я поставил поздно вечером, но не был уверен, что до утра что-нибудь попадется.

Ночью, перед отходом ко сну, мне пришла в голову счастливая мысль еще раз проверить готовность и надежность снасти. Когда мы с другом подошли к тому месту, где поставили ловушку, до нас донесся странный глухой звук. Размышляя, что бы это могло быть, мы ринулись вперед, и вот какое зрелище предстало нашим глазам: в пространство между двумя каноэ заполз огромный кайман и, как я и рассчитывал, сунул голову в петлю, потянувшись за приманкой. Снасть моментально сработала, и веревка туго затянулась вокруг его шеи. Светя фонарями, мы видели, как гигантская рептилия извивается и бьется, да так, что в борьбе

растолкала обе лодки далеко в стороны; ее огромная пасть раскрывалась и закрывалась, верхняя челюсть опускалась вниз, как топор мясника на колоду, а могучий хвост, вспенивая воду, колотился о борта обеих лодок, так что мы даже удивились, как это он не разнес их в щепы. Дерево, к которому была привязана веревка, шаталось при каждом рывке, и, когда кайман, очевидно выдохшись, неожиданно прекратил борьбу и смиренно улегся во вспененной воде, оно еще продолжало трястись.

Тут я допустил непростительную глупость. Наклонившись, я взялся обеими руками за веревку и потянул на себя. Почувствовав натяжение, кайман возобновил борьбу с удесятеренной силой. Он рванул веревку, и я оказался на самом краю обрыва, упираясь только пальцами ног, но не выпуская из рук веревки. Я сознавал, что еще один такой рывок, и я грохнусь прямо на открытую чешуей спину крокодила и даже если избегну его могучих челюстей, то одного удара мускулистого хвоста окажется достаточно, чтобы от меня осталось мокрое место. К счастью, ко мне присоединился приятель, и теперь мы оба держались за веревку, что дало мне возможность отползти на более безопасное место и обрести надежную точку опоры. Неожиданно кайман снова успокоился, и мы решили, что самое лучшее — сбегать домой и взять там веревки попрочнее, поскольку, если оставить его на ночь, он точно порвет веревку и уплывет. Так мы и поступили. Вооружившись, кроме всего прочего, еще несколькими фонарями, мы поспешили назад, к реке. Кайман по-прежнему лежал смиренно, тараща на нас огромные глаза, каждый размером с грецкий орех.

Первое, что следовало сделать, — обезвредить его зубастую пасть. Для этого мы аккуратно надели ему на морду петлю, тщательно завязали и привязали к дереву.

Пока мой приятель светил фонарем, я подполз к лодке и, дрожа от страха, набросил другую петлю ему на хвост и протащил ее до самых задних лап. Эту петлю я тоже надежно завязал и накрепко привязал веревку к дереву. Теперь, когда кайман был с ног до головы опутан веревками, можно было со спокойной душой оставлять его на ночь и отправляться спать.

На следующее утро, прихватив с собой аборигенов, мы снова отправились на берег реки и стали разрабатывать план, как извлечь гигантскую рептилию из воды и втащить ее наверх по крутому обрыву, чтобы потом погрузить на машину. Индейцы принесли с собой длинную толстую доску, к которой можно было привязать чудовище, но в такой мелкой воде это невозможно было проделать: пузо каймана наполовину зарылось в грязь. Единственный выход — ослабить веревки и оттащить рептилию на более глубокое место, где привязать его

к доске не составит труда. Операция прошла успешно, но следовало еще вытащить каймана на берег и поднять наверх. Наша команда в двенадцать человек провозилась с ним битых полтора часа — ноги вязли в жидкой глине и после каждых нескольких дюймов, на которые нам удавалось подвинуть объемистую тушу, приходилось останавливаться и отдыхать; за это время он не раз соскальзывал вниз, и все начиналось сначала. Наконец после долгой возни нам удалось втащить его на берег. Там мы положили нашего мучителя на невысокую зеленую траву и сгрудились вокруг — мокрые, с ног до головы в глине, но довольные собой!

Другим обитателем здешних вод, доставившим нам много хлопот, был электрический угорь. Мы с приятелем целыми днями странствовали в большом каноэ по глухим ручьям и речкам, добираясь до самых отдаленных индейских деревушек и покупая там прирученных обитателей здешних лесов. Мы в один день приобрели, кроме всего прочего, ручного цепкохвостого дикобраза, а в последней деревне, что мы посетили, нам принесли плетеную корзинку с молодым электрическим угрем. Я был особенно рад этой покупке, потому что электрический угорь попадал ко мне впервые. Мы сели в каноэ и пустились в обратный путь. Я сидел на носу, а в ногах у меня, свернувшись, спал дикобраз. Тут же стояла корзинка, в которой извивался угорь с надеждой вырваться. Позади меня сидел приятель, а за ним — два гребца, заставлявшие двигаться нашу утлую посудину.

Первым, кто поднял панику, когда угорь выбрался-таки из корзинки, был дикобраз, который, с ума сойдя от страха, полез ко мне на колени; он влез бы и на голову, если бы ему это позволили. Не понимая, в чем

дело, я передал его приятелю и нагнулся посмотреть, что же нагнало на зверька такой страх. Оказывается, угорь выбрался на волю и скользил по направлению к моим ногам. Я так испугался, что подпрыгнул на месте, а когда приземлился, то угорь уже благополучно уполз дальше, и я на него не наступил.

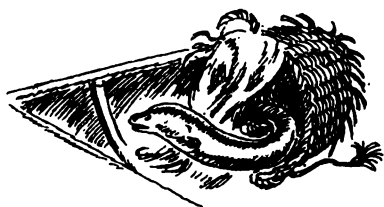
Между тем он полз к моему приятелю. Я крикнул ему: «Берегись!» Он, держа дикобраза в руках, сделал попытку отскочить в сторону, но не удержался и рухнул спиной на дно каноэ. Проскользнув мимо распростертого тела, угорь двинулся к первому из гребцов. Тот, будучи таким же храбрецом, как и мы двое, бросил весло и уже собирался сигануть за борт.

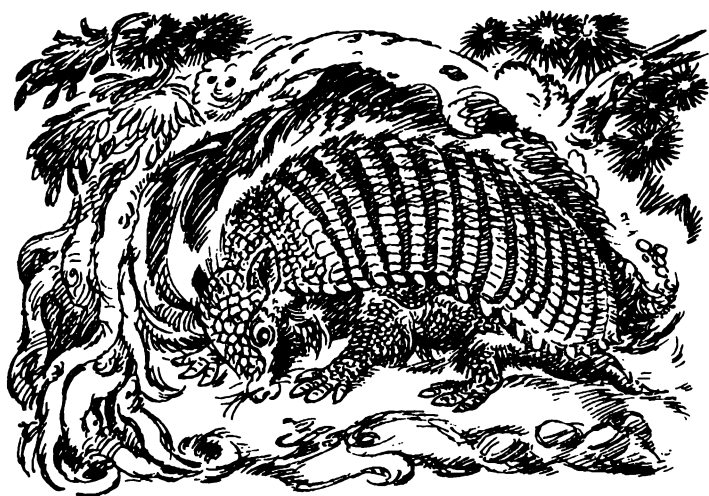
Ситуацию спас единственный не струсивший член команды — второй гребец, которому, очевидно, было не впервой выбрасывать из лодок электрических угрей во время плавания по гвианским рекам. Он просто нагнулся и подцепил тварь веслом. Я бросил ему корзинку, и несколькими ловкими движениями он водворил угря на место. У нас словно гора с плеч свалилась, и мы даже пытались шутить по поводу пережитого.

Как потом оказалось, смеяться было рано. Наш избавитель передал корзинку с угрем своему партнеру, тот — моему приятелю, и, когда очередь дошла до меня, дно у корзинки отвалилось, и угорь снова оказался в нашей компании. К счастью, на сей раз он повис на борту каноэ, словно крокетные ворота. Один резкий конвульсивный рывок — и наш пленник с плеском исчез в темной воде.

Таков был удручающий итог пятнадцати волнующих минут! Впрочем, впоследствии нам удалось приобрести несколько подобных тварей, так что о потере этого угря мы больше не жалели. А нервы он нам потрепал здорово: ведь мощности заряда, который способен накопить крупный электрический угорь, хватит, чтобы убить ко-

ня вместе со всадником. Так порою и случается в разных частях Латинской Америки, когда люди и лошади переплывают реки. Органы, генерирующие ток, находятся по обе стороны тела этого создания, так что фактически электрический угорь представляет собой гигантскую аккумуляторную батарею. Когда угорь плавает, он похож на крупную толстую змею; сталкиваясь на пути с рыбиной, он внезапно останавливается, вздрагивает всем телом — и вот уже жертва бьется в конвульсиях и, парализованная или убитая, тихо идет ко дну; тут-то угорь бросается на нее и захватывает ртом, обязательно с головы. Опустившись на дно, он в течение нескольких минут усваивает пищу, затем всплывает, высовывает на поверхность нос, делает глубокий вдох и снова устремляется на поиски очередной жертвы.

Часть третья
МОИ СТРАНСТВИЯ ПО АРГЕНТИНЕ
И ПАРАГВАЮ

Глава пятнадцатая,
В КОТОРОЙ Я ВЫХОЖУ НА ОХОТУ С ГАУЧО¹

Теперь я расскажу о своей поездке за редкостными животными. Это была шестимесячная экспедиция в Аргентину и Парагвай. По своему животному миру Аргентина совершенно не похожа ни на одну южноамериканскую страну. Поскольку почти вся территория

¹ Гаучо — этническая группа, сложившаяся в XVI—XVII вв. от браков испанцев с индейскими женщинами. (*Примеч. пер.*)

страны покрыта заросшими травой степями, которые называются пампа, животные, естественно, приспособлены к обитанию на огромных открытых пространствах. Аргентинская пампа, на удивление, плоская — стоишь в одной точке, и, сколько видит глаз, всюду трава, словно тянущееся до самого горизонта сукно бильярдного стола. В этой высокой траве произрастает гигантский чертополох, отличающийся от нашего, английского, только размерами. Здесь он достигает в высоту шести и даже семи футов, и глаз радуется, когда взору предстают огромные пространства, покрытые цветущим чертополохом, — кажется, что зеленая трава подернута лиловой дымкой.

Ловля диких животных в этих травяных зарослях — не такое простое занятие, как может сначала показаться. Во-первых, большинство из них живут в норах и выходят промысливать только ночью. Во-вторых, здесь почти отсутствуют деревья и кустарники, так что зверь может обнаружить присутствие человека издалека. Если даже животное само не заметит охотника, его не замедлит предупредить об опасности птица зук — самая надоедливая, с точки зрения ловца животных, птица в пампасах. Эти пернатые очень изящны и несколько напоминают английских зуйков — у них черное с белым оперение и держатся они всегда парами. Они отличаются чрезвычайно острым зрением и повышенной чуткостью — как только замечают что-нибудь необычное, сразу поднимаются с земли и издают резкий предупреждающий крик «Теро... теро... теро... теро...», услышав который животные на много миль вокруг настораживаются.

Одним из типичных созданий, населяющих эти территории, является волосатый броненосец. Эти животные обитают в норах, которые они выкапывают себе сами и которые достигают в длину тридцати — сорока фу-

тов. Они выходят на промысел только ночью и, если что-то их беспокоит или тревожит, бегут напрямик к своим жилищам и зарываются в них. Разумеется, и охотиться на них предпочтительнее ночью, притом безлунной, в крайнем случае — когда светит только что народившийся месяц. И вот мы выезжаем с нашего ранчо и скачем в какое-нибудь подходящее место. Там мы спешиваемся, берем фонари и двух охотничьих собак, особо искусных в поиске этих маленьких животных. Если хочешь, чтобы ловля броненосцев увенчалась успехом, ты должен уметь быстро бегать. Собаки уходят вперед, вода носами по земле; обнаружив броненосца, они поднимают лай, и добыча бросается в направлении своей норы. Если укрытие близко, то шансы изловить броненосца невелики. Правда, в первую же ночь, когда мы вышли их ловить, нам удалось добыть и некоторых других представителей местной фауны.

...Мы прошагали уже около двух миль, осторожно прокладывая себе путь сквозь заросли чертополоха, — ведь при неосторожном обращении шипы этого растения могут исколоть не хуже, чем иглы дикобраза. Внезапно впереди залаяли собаки, и мы ринулись туда, то спотыкаясь о торчащие из земли пучки травы, то перескакивая через них и постоянно лавируя между кустами чертополоха. Но темень была такая, что я то и дело врезался в них и, пока добежал до места, был с ног до головы исколот.

Засветив фонари, мы увидели, что же привлекло внимание собак. Перед нами в вызывающей позе стояло полосатое черно-белое существо величиной с кошку с торчащим трубой роскошным пушистым черно-белым же хвостом. Это был не кто иной, как полосатый скунс.

Он смотрел на нас без тени тревоги, явно убежденный, что без труда справится и с нами, и с псами. Он то и дело слегка пофыркивал и, подпрыгивая на передних лапах, приближался к нам на два-три коротеньких шажка. Если бы мы осмелились подойти поближе, он повернулся бы к нам задом. Собаки, прекрасно знавшие, какое коварное оружие этот зверек может пустить в ход, держались от него на почтительном расстоянии, но одна имела неосторожность подскокнуть к нему в попытке схватить.

Сделав в воздухе сальто, скунс приземлился к собакам спиной — и вот уже псина катается по земле, визжа и царапая морду когтями, а прохлада ночного воздуха сменяется самой жуткой вонью, какую только можно себе вообразить. Даже мы, стоявшие значительно дальше, с чиханьем и кашлем отскочили назад; по нашим щекам струились слезы, будто кто-то бросил в нас гранату со слезоточивым газом. Продемонстрировав таким образом свою волю к победе, скунс повернулся к собакам мордой и сделал навстречу один-два прыжка, как бы намекая, что лучше им убираться туда, откуда пожаловали. Намек был понят. После этого он повернулся к нам с таким же точно намеком, и нам ничего не оставалось, как ретироваться, и чем скорее, тем лучше. Прорвав окружение, зверек пару раз победно махнул пушистым хвостом и, явно упоенный победой, скрылся в траве.

Мы решили, что больше не стоит иметь с ним дело, отозвали собак и продолжили путь. Собака, атакованная скунсом, смердела после этого еще три-четыре дня; нечего и говорить, что жуткий запах, исходивший от ее шкуры, преследовал нас всю ночь. Ловля скунсов с целью содержания их в неволе — нелегкая задача: если оставлять им анальные железы, то каждый раз при малейшем испуге они будут нещадно орошать своим «оде-

колоном» всех, кто окажется рядом. Эти железы легко удаляются посредством несложной операции, но только у молодых особей.

Прошло еще немного времени, и лай собак раздался снова. Опять бешеная скачка через траву и чертополох, и вот мы видим, что на сей раз наши собаки выследили броненосца. Животное неслось со всех своих коротеньких ног к безопасному месту, а собаки, таякая от возбуждения, наступали ему на пятки, безуспешно пытаясь схватить за бронированную спину. Зато мы легко поймали его — за хвост, и вот он уже у нас в мешке. Воодушевленные первой за эту ночь удачей, мы пустились в путь в надежде поймать еще одного броненосца; но следующей добычей оказался совсем другой зверь.

Мы продирались через небольшой кустарник, догоняя собак, как вдруг из-под ног у нас выскочило и

кинулось в заросли чертополоха небольшое существо, похожее на крысу. Псы бросились в погоню, и вскоре мы увидели, как преследуемое ими существо упало замертво. Мы отозвали собак и приблизились; это оказался крупный опоссум, размером с небольшую кошку. У него была пятнистая — местами шоколадная, местами белая — шкурка, длинный нос, похожий на крысиный, и голые, как у миниатюрного мула, уши.

Я принялся было жаловаться охотникам, что собаки погубили такого ценного зверя, но те в ответ только расхохотались и сказали, чтобы я посмотрел хорошенько. Будучи уверенным, что зверь издох, я посветил фонариком и обнаружил, что он хоть и едва заметно, но дышит. Я потрогал его, затем перевернул на другой бок, но, что бы я ни делал, никакой реакции. Это своеобразная форма защиты — он думал, что, приняв его за мертвого, мы оставим его в покое и уйдем. Но когда мы сажали его в мешок, он сделался очень даже бойким — поняв, что фокус не удался, он извивался, плевался, шипел, словно кошка, и больно кусался. Впоследствии мы наловили еще немало таких существ, и всех — за исключением самых юных, которые, очевидно, еще не успели усвоить уловок взрослых, — вышешепсанным способом.

На обратном пути к ранчо собаки выследили еще одного броненосца. На сей раз я получил хороший урок — понял, какой силой может обладать небольшое по размеру животное. Собаки обнаружили его неподалеку от норы, к счастью, мы были рядом, но, пока добрались, он уже успел сунуть морду в отверстие. Тут один из охотников фантастическим прыжком скакнул вперед и схватил его за хвост как раз в тот момент, когда броненосец уже почти ушел под землю. Тут подскочили мы с другим охотником — он

вцепился в правую, я — в левую заднюю ногу; таким образом, в нору ушли только морда и передние конечности, но зверь успел-таки вгрызться в землю зубами и, главное, выгнул спину так, что она уперлась в верхний свод. И вот мы трое тянем-потянем, а вытянуть не можем! Тут, слава Богу, явился четвертый член команды; с помощью перочинного ножа он подрезал дерн, и, навалившись, мы дружными усилиями вытащили броненосца, как пробку из бутылки; от неожиданности мы все повалились на спины и чуть не выпустили его из рук, а уж он свой шанс не упустил бы, это точно.

Впрочем, оба пойманных нами броненосца вскоре привыкли к неволе и сделались совершенно ручными; я содержал их в особой клетке, и у каждого было свое место для спанья. Целый день они лежали на спине бок о бок, щелкая челюстями и издавая сдавленные хрипы; хоть ори на них, хоть стучи по клетке, хоть щекочи их розовые складчатые животы — ни в какую, будут спать как убитые! Единственным способом разбудить их было погремать миской для еды — стоит ее чуть-чуть задеть, и оба, как по команде, проснутся и побегут к тебе, сверкая глазами.

Все виды броненосцев употребляются аборигенами Южной Америки в пищу. Я сам не пробовал, но меня уверяли, что вкус у зажаренного прямо в панцире броненосца такой же, как у молочного поросенка. Многие гаучо (гаучо в Южной Америке то же, что ковбои в Северной) ловят этих животных и содержат в бочках с землей, как в кладовых, а по особым случаям достают и жарят.

...Мы собрались в обратный путь с нашими первыми пленниками, как вдруг в неподвижном ночном воздухе до меня донесся топот копыт по дерну. Звук все приближался и приближался, но в нескольких шагах от

нас внезапно стих. Я подумал, не потусторонние ли это силы,— вдруг это дух какого-нибудь предка нынешних гаучо, вечно скачущий по пампе? На мой вопрос, откуда стук копыт и где же в таком случае конь, мои спутники-аборигены в унисон пожали плечами и хором ответили:

— Туко-туко.

Вот теперь я понял, кто издавал такой странный звук. Туко-туко — это маленький зверек, размером с крысу, с круглой пухлой мордочкой и коротким пушистым хвостом. Он выкапывает себе для жилья просторные галереи как раз под слоем дерна и по ночам выходит на поиски съедобных корней и растений. У этого зверька очень чуткий слух, и когда он улавливает звук шагов по дерну над своим жилищем, то издает предупреждающий звук, чтобы все собратья вокруг знали об опасности. Каким образом он производит этот звук, прекрасно имитирующий стук копыт скачущей лошади, для меня осталось загадкой,— может быть, крик его, резонирующий в длинных коридорах, на расстоянии и похож на этот стук. Как видите, туко-туко очень осторожное животное, и сколько я ни испробовал методов, мне ни разу не удалось поймать это существо, столь обычное для фауны пампы.

Во время странствий по Аргентине мне больше всего хотелось снять фильм о старомодном, полузабытом способе охоты гаучо. Этот стиль ныне практически исчез, хотя многие гаучо и теперь помнят его. Охотник преследует зверя или птицу верхом; а оружие знаете какое? Смертоносный «болеадорас», представляющий собой связку из трех шаров на длинных веревках. Охотник раскручивает этот нехитрый снаряд у себя над головой и бросает в преследуемого зверя. Когда

«болеадорас» настигает ноги жертвы, шары разлетаются в разные стороны, и животное оказывается на земле, опутанное веревками.

В Южной Америке обитает разновидность страуса — нанду. Он не такой крупный, как его африканский собрат, и оперение у него не черно-белое, а пепельно-серое, но общая черта, которая их роднит, — умение фантастически быстро бегать. На эту птицу в основном и охотились с «болеадорас» в те благословенные времена, когда нанду бродили по пампе огромными стадами. На ранчо, принадлежащем моему другу, до сих пор обитает немало этих птиц, и он был столь любезен, что уговорил гаучо устроить охоту на них, чтобы я мог ее заснять.

Мы выехали ранним утром: я с кинокамерой и различными принадлежностями — на небольшой повозке, гаучо — на своих великолепных конях. Мы проехали несколько миль, продираясь сквозь заросли гигантского чертополоха. Вдруг мы спугнули пару зуйков, которые взмыли в воздух и, к нашему неудовольствию, принялись кружить над нами с тревожными криками, предупреждая о нашем появлении все живое на много миль вокруг. Вдруг мы услышали пронзительные крики гаучо, сообщавшего о том, что добыча рядом. Я встал в своей повозке и увидел, как нечто серое быстро лавирует в зарослях чертополоха, и вдруг первый нанду выскочил на открытое пространство. Он выпрыгнул, словно танцовщик, на секунду остановился, поглядел на нас и, вытянув голову и шею, рванулся вперед; когда он бежал, ноги его почти касались подбородка. Тут один гаучо выскочил из чертополоха ему наперерез. Страус резко затормозил, развернулся и помчался в обратном направлении огромными шагами, как будто у него ноги были на пружинах. Вскоре он и преследовавшие его гаучо скрылись из виду. Прежде

чем я успел повернуть за ними, из кустарника выскочила страусиха — она меньше, чем самец, и оперение у нее куда светлее. К моему удивлению, она не бросилась вслед за самцом, а просто стояла в траве, встревоженно переминаясь с ноги на ногу. В зарослях послышалось шуршание, и тут я понял, почему страусиха не обратилась в бегство — из чертополоха вышли десять страусят; их круглые тела,

размером вдвое меньше футбольного мяча, покрытые мягким пухом в желтовато-коричневую и белую полосу, неуклюже балансировали на тонких ножках. Страусята сгруппировались у мамашиных ног, и она с любовью взглянула на них; потом она легкой трусцой побежала по пампе, а птенцы, выстроившись в линию, последовали за нею. Разумеется, у нас не было никакого желания ни пугать, ни преследовать ее и потомство, так что мы развернули повозку в противоположном направлении.

Вскоре к нам на всем скаку подлетел гаучо и с сияющими глазами сообщил, что видел невдалеке крупное стадо нанду, спрятавшихся в кустах чертополоха. Он объяснил, что, если бы мы поехали туда, он с другими гаучо окружил бы страусов и погнал на меня, чтобы я мог их заснять. Я хлестнул коня, повозка затряслась по травянистым кочкам, и вскоре мы оказались возле огромных колючих зарослей, где притаились птицы. Рядом расстилалось огромное, похожее на зеленую скатерть пространство, очень удобное для съемок. Пока

я готовил осветительные приборы и прочие принадлежности, мой аргентинский друг держал надо мной японский зонтик, иначе солнце в несколько минут раскалило бы камеру и испортило цветную пленку.

Когда все было подготовлено, я дал сигнал и услышал вдали громкие крики гаучо, гнавших лошадей на колючие заросли; вот уже слышно, как ломается и хрустит под их копытами чертополох. Тут раздался дикий вопль — это был знак, что страусы выскакивают из своего убежища, и через несколько секунд пятеро из них вырвались из зарослей и понеслись по траве. Они бежали, как и тот первый, почти доставая ногами до подбородков; я думал, что они бегут на предельной скорости, но вскоре понял, что ошибался. Как только гаучо с шумом выскочили на открытое пространство, со свистом раскручивая над головами свои снаряды, все страусы, словно наскипидаренные, понеслись с вдвое-втрое большей скоростью. Вскоре они скрылись за горизонтом, где растаяли и крики охотников, и топот копыт, и щелканье кнутов.

Я знал, что в конце концов гаучо настигнут птиц и погонят их на меня, и через какие-нибудь четверть часа в поле моего зрения снова оказались бегущие страусы, топающие ногами по иссушенной почве; за ними галопом скакали охотники, чьи резкие крики смешивались со свистом «болеадорас». Страусы, прежде бежавшие кучно, теперь развернулись клином; когда они были примерно в сотне ярдов от меня, один понесся прямо в направлении повозки, где я стоял с камерой. Гаучо погнался за ним, чтобы вернуть назад, в стадо. С каждой секундой дистанция между скачущим конем и бегущей птицей сокращалась; чем быстрее приближался ко мне преследуемый, тем сильнее вскипал во мне страх, что страус не заметит тележки и меня с кинокамерой. Сцена была столь захватывающей, что я не выпускал из рук кинокамеры, но все же перспектива быть сбитым с ног птицей весом в несколько сот фунтов, несущейся на тебя со скоростью двадцать миль в час, не внушала оптимизма. В последнюю секунду, когда уже казалось, что вот-вот страус, кинокамера, треножник и ваш покорный слуга смешаются в кучу в высокой густой траве, птица вдруг заметила меня, и в глазах ее сверкнул ужас. Она повернулась под углом девяносто градусов и бросилась наутек.

Когда чуть позже я замерил дистанцию, то обнаружил, что страус был всего в каких-нибудь шести футах от меня, и то мгновение, которое понадобилось ему, чтобы сделать поворот, помогло гаучо настичь его. Свистнул в воздухе меткий «болеадорас» — и вот уже страус, поверженный и опутанный прочными веревками, извивается и бьется в траве. Гаучо тут же спешился и ловко схватил птицу за ноги. Для этого требовались большой опыт и сноровка — ведь одного удара ноги страуса достаточно, чтобы от ловца оста-

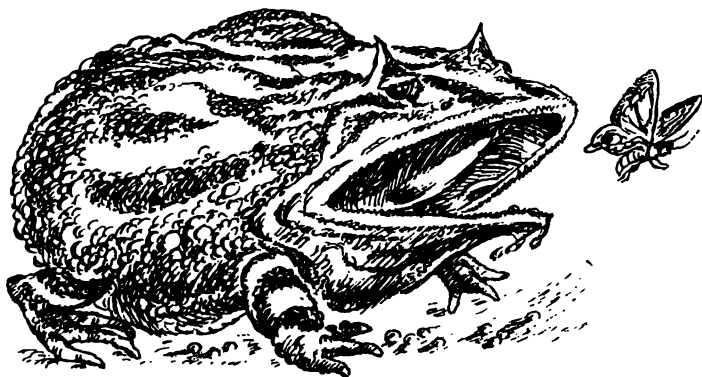
лось мокрое место. Сняв несколько раз птицу крупным планом, мы развязали веревки. Страус еще несколько секунд смирно лежал на траве, потом встал на ноги и медленным шагом поплелся в чертополох к своим собратьям.

На обратном пути мы наткнулись на гнездо нанду — простое углубление в земле, и в нем десять крупных бело-голубых яиц. Они были еще теплые — значит, самец, который их насиживал, только что сошел с гнезда, может быть заслышав наше приближение, хотя вообще-то в период насиживания они бывают очень злы и опасны. Гаучо сообщили мне, что порою две-три самки откладывают яйца в одно и то же гнездо, и там собирается двадцать — двадцать пять яиц. Все заботы о насиживании лежат на нанду-самце¹, так что самке остается только отложить яйца

¹ Подробнее об этом уникальном феномене см.: Жизнь животных. Т. 5. Птицы. М.: Просвещение, 1970. С. 54. (Примеч. пер.)

и возложить на самца заботы по их высиживанию. Когда птенцы вылупляются, заботу о них снова берет на себя мать, готовя потомство к жизни в большом, открытом мире.

Глава шестнадцатая,
**В КОТОРОЙ У МЕНЯ МАССА ХЛОПОТ
С ЖАБАМИ, ЗМЕЯМИ И ПАРАГВАЙЦАМИ**

Парагвайское Чако — обширная плоская равнина, простирающаяся от реки Парагвай до подножия Анд. Эта земля почти такая же плоская, как бильярдный стол; в течение одной половины года она твердая, как кость, под лучами безжалостного солнца, а в течение другой половины из-за зимних дождей на три или четыре фута покрыта водой. Поскольку она лежит между тропическими лесами Бразилии и травянистой пампой Аргентины, то представляет собой причудливую смесь того и другого. Тут и огромные луга, на которых растут пальмы, и колючие кустарники, увитые растениями с диковинными тропическими цветами. Пальмы перемежаются с деревьями, похожими на те, что встречаются

в английских лесах, с той только разницей, что с их ветвей свисают длинные нити серого испанского мха, бесшумно развевающиеся на ветру.

Мы устроили наш базовый лагерь в небольшом городке на берегу реки Парагвай. Отсюда далеко в глубь страны убегает узкоколейка, пересекающая Чако. По расшатанной, местами прогнувшейся опасной колее шириной каких-нибудь два фута ходит фордовский паровозик. Этим далеким от комфорта способом передвижения мы и пользовались, забираясь в самые глухие уголки страны в поисках редких животных. Высокая насыпь, по которой бежит узкоколейка, является, возможно, единственной возвышенностью на огромной территории, и кажется, что вокруг нее собираются все представители парагвайской фауны. Путешествуя в крошечном вагончике, я видел сотни диковинных птиц, населяющих подлесок по обеим сторонам узкоколейки: туканы с огромными смешными клювами, прыгающие и перелетающие с ветки на ветку; сериемы, похожие на крупных серых индюшек, и повсюду — милые черно-белые мухоловки и колибри. Пороку, когда поезд делает поворот, можно увидеть животных, бесстрашно лежащих у самых рельсов. Это бывает и броненосец, и агути, похожий на гигантскую красную морскую свинку, а если посчастливится, встретится гривастый волк — крупное животное со стройными ногами, одетое в неопрятную, но свободную рыжую шкуру.

Первые экземпляры для нашей коллекции мы получили вскоре после того, как основали лагерь. Слух о том, что мы покупаем животных, быстро распространился среди местных жителей, и они часто ловили для нас всякое зверье. Одним из тех, кто легко дался в руки, был трехпоясный, или, как его здесь называют, оранжевый шаровой, броненосец. Это название было дано ему из-за привычки сворачиваться в оранжевый шар. Действительно, это единственный броненосец, способ-

ный, подобно ежу, сворачиваться клубком, и, более того, единственный из всего семейства, который регулярно выходит на поверхность в дневное время. Бродя в поисках пищи — съедобных корней и насекомых, — это маленькое животное, лишь только заподозрит опасность, превращается в неподвижный шар в надежде, что потенциальный противник примет его за камень, на который он и в самом деле очень похож. Но если обнаружишь такого вот свернувшегося клубком броненосца, его очень легко поймать. Ловцы, проезжающие подлеском и натыкающиеся на него, просто спешиваются и кладут его в мешок.

Кроме того, все виды броненосцев очень легко содержать в неволе. Их кормят фруктами, овощами и порченным мясом. Несколько труднее было как раз с шаровыми броненосцами — они поначалу наотрез отказывались от пищи, которой питались на воле, и даже пугались, когда им предлагали насекомых. После многочисленных проб я наконец приучил их к смеси из сырого мяса, яиц и молока с добавлением витаминов. Они как будто привыкли к ней, но вскоре возникла новая проблема. Оказывается, их задние лапы не переносят деревянного пола клетки, и вскоре кожа на них была изодрана в клочья. Приходилось каждый день вынимать их из клетки и смазывать ноги мазью, содержащей пенициллин; но чем же заменить пол? Попробовал грязью, но поскольку они проливали в нее свое молоко, а затем еще и утаптывали, то, застывая, она превращалась в своеобразный цемент, который ранил броненосцам лапы не хуже деревянного пола. Наконец придумал идеальный вариант — толстый слой опилок, по которому они могли топтать сколько душе угодно без всякого вреда для себя.

Парагвайцы, как и аргентинские гаучо, ловят и употребляют этих животных в пищу; но у парагвайских трехпоясных броненосцев мощный роговой панцирь то-

же идет в дело. Иногда его сворачивают, скрепляют проволокой — и готова небольшая корзинка, а иногда пустой панцирь внутри обтягивают кожей, прикрепляя к нему ручку и натягивают струны — и вот вам своеобразная маленькая гитара. Таким образом, аборигены Чако активно охотятся за трехпоясными броненосцами не только ради изысканного блюда.

Поскольку огромные равнинные территории регулярно затопляются, то здесь можно встретить самые диковинные виды амфибий и рептилий. Одно из обычных для этих мест создание, наводящее ужас на аборигенов, — жаба-рогатка. Она достигает огромных размеров — самый крупный из пойманных нами экземпляров с трудом поместился на небольшой тарелке. У этих амфибий великолепная изумрудно-зеленая, серебряная и черная окраска по кремовому фону. Вдобавок у них, наверное, самый широкий в жабьем мире рот. Когда жаба-рогатка раскрывает его, она как бы раскалывается пополам, словно неизвестный Шалтай-Болтай. Кожа над каждым глазом складывается в небольшую пирамидку, отчего создается впечатление, будто это два рога. Надо сказать, что эта жаба, очевидно, самое невоспитанное и злобное земноводное из всех существующих на земле. Большую часть времени они проводят, зарывшись в мягкую грязь, так что на поверхности видны только рога и глаза. Если попытаться вытащить ее оттуда, она страшно раздражается и принимает агрессивный вид. Встав на толстенькие неуклюжие лапки, она мелкими прыжками двигается тебе навстречу, раздуваясь и открывая рот так широко, что видишь ее бледно-желтое нутро; при этом она громко, визгливо тявкает, будто рассерженный пекинес.

Аборигены Чако твердо убеждены, что рогатки смертельно ядовиты. Я-то знаю, что ядовитых жаб вообще не существует, и, поймав первую жабу-рогатку, решил продемонстрировать местному населению, что эти зем-

новодные в действительности абсолютно безобидны. Я вынул жабу из коробки, и она тут же забилась у меня в руке, громко твякая и широко разеваая рот. Я засунул ей туда палец, желая показать, что укус ее совершенно безопасен, — и через секунду пожалел об этом. Ее челюсти сомкнулись как тиски, а маленькие, но острые зубы глубоко впились в живую ткань. Было до того больно, как будто я прищемил палец дверью; прошло не менее минуты, прежде чем я смог разжать ей челюсти и выдернуть свой несчастный палец, который опоясала глубокая кровотоющая бороздка. Она зажила только на следующий день, а темная отметина от жабьих зубов сохранялась еще долго. Это послужило мне хорошим уроком — теперь я обращаюсь с ними куда почтительнее, когда ловил.

В этих же краях мне попалась еще одна примечательная амфибия, во многом схожая с жабой-рогаткой, только выпуклости у нее над глазами не заостренные, а закругленные. У этих лягушек шоколадно-коричневая спинка и белое, с желтоватым оттенком, брюшко. В отличие от жабы-рогатки, они всю жизнь проводят в воде, распростершись по поверхности, над которой видны только глаза. Как и жаба-рогатка, эта лягушка не отличается добрым нравом, и, если ее рассердить, она тоже будет твякать, только на более высокой и продолжительной ноте. Особенно красиво выглядит шкурка этих лягушек, когда, рассердившись, они раздуваются, словно воздушный шар. Местные жители рассказывали, что она может даже лопнуть. Я, правда, никогда не был свидетелем этого, но готов поверить, что такое бывает.

Разумеется, там, где водятся жабы и лягушки, неизбежно отыщутся и змеи, для которых эти земноводные — излюбленное лакомство. Не является исключением и Чако — здесь множество самых диковинных змей. Есть, например, гремучие змеи; есть копьеголовые — пожалуй, наиболее опасные в Южной Америке;

есть любопытные виды водяных и древесных змей — одни яркой окраски, другие — блеклой.

Ядовитые змеи всего мира делятся на три группы. Из них смертельно ядовиты те, у кого ядовитые зубы находятся на переднем конце верхнечелюстной кости. Обычно такие змеи выделяют значительное количество яда. У другой группы смертоносные зубы находятся на заднем конце верхнечелюстной кости, и обычно они не столь длинные. Такие змеи используют яд не столько при самозащите, сколько при поимке добычи; яд у них не так опасен, и очень часто от их укуса даже такое маленькое существо, как ящерица, не гибнет, а лишь оказывается на время парализованным; впрочем, яд такой змеи тоже может проникнуть в кровь, так что этого опыта следует избегать.

Одной из милейших представительниц змеиноного племени, пойманных нами, оказалась змея с капюшоном. Кажется, будто эта змейка вылита из темной бронзы, украшенной еще более темными крапинками. У этой рептилии странная привычка — рассердившись, она расширяется в области шеи, примерно так же, как разъяренная кобра. Эта слабоядовитая змея питается лягушками и мелкими грызунами, иногда может поймать и птицу. На эту добычу не нужно много яда, так что, несмотря на столь угрожающий внешний вид, ее укус хоть и чрезвычайно болезнен, но не смертелен.

Пожалуй, самая красивая змея в Чако — коралловый аспид. Это весьма опасные небольшие рептилии, но их окраска заранее предупреждает вас об их местонахождении. Они достигают в длину от восемнадцати дюймов до двух футов; их тело с головы до кончика хвоста опоясано кремовыми, черными и розовыми или красными кольцами.

Назовем также гигантскую анаконду — огромную водяную змею, родственницу африканского питона, которая точно так же хватает и душит добычу. Об этих змеях написано множество историй, большая часть ко-

торых — чистейшей воды вымысел. Самая крупная зарегистрированная особь достигала в длину двадцати пяти футов, тогда как малайский питон может достигать тридцати и более. Как и все гигантские змеи такого рода, анаконда не отличается подлым нравом и не свернет с пути с целью напасть на вас, если, конечно, вы не будете ее трогать. В противном случае эта рептилия может вцепиться в вас зубами да еще и обвить вокруг пару колец, а если она крупная, то неприятностей не оберешься.

Разумеется, на затопляемых землях Чако немало подобных рептилий. Однажды местный фермер пришел ко мне и сказал, что предыдущей ночью одна из них совершила налет на его курятник и стащила двух кур. Он показал след от анаконды, тянущийся по смятой траве в сторону болота, располагавшегося позади фермы. Сообщив, что знает место, где залегла эта змея, переваривая пищу, он обещал отвести меня туда, если у меня возникнет желание поймать воровку.

И вот мы скачем по болоту к тому месту, где, по словам фермера, залегла анаконда. Но как бы мы ни были осторожны, анаконда заметила нас первой, и когда мы приблизились, увидели только рябь на поверхности воды. При такой глубине преследовать змею верхом было затруднительно, и нам осталось только спешиться. Я соскочил с коня, схватил мешок и помчался со всех ног в том направлении, куда уплыла анаконда. Я видел, как она, извиваясь, плывет в направлении края болота, рассчитывая скрыться в густом подлеске; но с набитым брюхом она не могла быстро ползти, так что я сцапал ее в невысокой траве задолго до того, как она смогла достичь кустов.

Поймать такую крупную змею оказалось довольно просто — бери за хвост и тяни к себе, пока не схватишь позади головы. Так я и сделал — вытащил разъяренную анаконду из подлеска и схватил позади головы, прежде чем она смогла повернуться и укусить. Она была всего девяти футов длиной, так что я великолепно справился с ней в одиночку — чтобы совладать с более крупным экземпляром, мне потребовался бы помощник. Схватив анаконду за шею, я просто прижал ее к земле; тут подоспел мой приятель, и мы вместе засунули извивающуюся и шипящую добычу в мешок.

При ловле змей любых видов, даже таких, как анаконда, необходимо соблюдать следующее правило: по возвращении в лагерь непременно осматривать их. Для этого существует несколько причин. Во-первых, как бы осторожно ты ни поймал ее, есть опасность, что у змеи оказалось поврежденным одно из ее тонких ребер, а это причинит немало хлопот. Во-вторых, нужно убедиться, нет ли на ней клещей, а если таковые имеются, удалить их — ведь змее весьма затруднительно сделать это самой. Клещи прицепляются между чешуйками, иногда в таком количестве, что чешуйки отваливаются и из-под них проглядывают проплешины. Поэтому, если

хочешь, чтобы с внешностью рептилии ничего не случилось, необходимо избавить ее от клещей.

Хуже всего то, что просто так оторвать клеща нельзя: если под поверхностью кожи останется его ротовая часть, то на этом месте появится небольшая ранка, которая рискует превратиться в долго заживающую язву. Лучше всего удалять клещей с помощью небольшого количества парафина, а если такового нет, то просто прижигать их сигаретой. Тогда они разожмут челюсти и отвалятся сами.

Кроме того, нужно выяснить, нет ли на рептилии старых ран: вдруг она нуждается в помощи! Когда змея регулярно по нескольку раз в год меняет кожу, старая кожа остается лежать блестящим прозрачным слепком самой хозяйки. Но при этом должны еще отвалиться две похожие на часовые стекла чешуйки, покрывающие глаза. Нередко змея, пытаясь скорее избавиться от старой кожи, рвет ее, ползая через колючие растения и по острым скалам, и хотя кожа неизбежно слезает, чешуйки на глазах могут и остаться. Это приводит к частичной слепоте змеи, а если они остаются надолго, то и к полной. Поэтому у вновь пойманной змеи нужно непременно осмотреть глаза.

Глава семнадцатая

**ИСТОРИЯ ОБЕЗЬЯНКИ ПО ИМЕНИ КАЙ,
ЕНОТА ПО ИМЕНИ ПУХ
И ЕДИНСТВЕННОЙ МУРАВЬЕДИЦЫ-КИНОЗВЕЗДЫ,
КОТОРУЮ ЗВАЛИ САРА ХАГГЕРЗАК**

Чако не отличается разнообразием, но в ходе экспедиции нам все же посчастливилось приобрести экземпляр одного из самых редких видов. Он называется дуркули, или обыкновенная ночная обезьяна, — единственный вид ночных обезьян. У нее огромные глаза, похожие на совиные; спинка серебристо-серая, а брюшко и грудка лимонно-желтые. Днем эти обезьянки спят в дуплах деревьев и в других темных местах, а вечером, как только спускается тьма, вылезают из укрытий и большими компаниями странствуют по лесу в поисках

пищи — фруктов, насекомых, древесных лягушек и птичьих яиц.

Когда мы поймали Кай — так мы ее назвали, она была очень худой и выглядела весьма несчастной, но несколько недель хорошей кормежки (а молока и рыбьего жира ей давали вдоволь) сделали свое дело: она стала очаровательным и совершенно ручным существом. Правда, она очень нервничала, так что к ней требовался несколько иной подход, чем к другим обезьянам. Я сделал ей изящную клетку, в верхней части которой находилась квадратная спаленка. Кай была, как и все обезьянки, очень любознательной и не могла оставаться равнодушной к тому, что происходило вокруг. Поэтому даже днем, когда она, как и положено, дремала, она всегда наполовину высовывалась из спаленки, и головка ее забавно покачивалась во сне. Но если в лагере что-то происходило, она тут же просыпалась и, преисполненная любопытства, принималась что-то щебетать.

Она не признавала никакой пищи, кроме молока, крутых яиц и бананов; иногда оказывала нам великую милость и съедала ящерицу. Насекомых она, судя по всему, очень боялась, а когда я предложил ей древесную лягушку, она взяла ее в лапу, понюхала и с отвращением отбросила, а затем резким движением вытерла лапу о стенку клетки. К вечеру она оживлялась и была готова к игре: скакала туда-сюда по своей клетке с сияющими глазами, напоминая мне лемурув-галаго, которых я собирал в Западной Африке. Она ревновала нас к другим животным, особенно к еноту-ракоеду по имени Пух.

Пух был странным существом с большими плоскими ступнями и черными кругами вокруг глаз, что делало его похожим на куда более крупного зверя — большую панду. Надо сказать, у нашего Пуха было

явно пессимистическое отношение к жизни, и ходил он с таким видом, будто его раздражает абсолютно все, что, однако, не мешало ему безобразничать. Нам приходилось особенно внимательно следить за его большими руками с длинными тонкими пальцами, поскольку он легко мог просунуть их сквозь прутья клетки и утянуть все, что находилось в пределах досягаемости. Он был даже любопытнее, чем обезьянка Кай,— ему непременно нужно было до всего дотянуться. Еще он любил часами лежать в углу клетки и задумчиво выщипывать волосы у себя на брюшке. Когда он сделался ручным, мы стали просовывать ему в клетку руки и играть с ним. А играть он любил так: легонько покусывал нам пальцы, переворачивался на спину и сучил в воздухе своими большими лапами. Когда же он окончательно приручился, мы сделали ему ошейник и привязывали на длинной веревке к колышку, воткнутому на полянке посреди лагеря; поодаль на такой же веревке мы привязывали Кай.

Каждое утро, когда Пух замечал корзинку с едой, он принимался дико и жалобно орать, и нам с отчаяния приходилось давать ему что-нибудь, чтобы он заткнулся. Заметив это, Кай начинала выказывать свою ревность, и когда наставляла ее очередь получать еду, она делала кислую мину, поворачивалась к нам спиной и демонстративно отказывалась от пищи. Как это ни странно, Кай несколько побаивалась Пуха, зато совсем не боялась двух молодых олешков, чей загончик находился неподалеку от того места, где был вбит ее колышек. Она часто подходила к самым прутьям клетки, и олениа с удивлением обнюхивали ее. Чего она боялась больше всего на свете, так это змей. Когда я принес в лагерь анаконду, о поимке которой рассказывал в предыдущей главе, и вы-

нул из мешка для осмотра, Кай, сидевшая на полу своей клетки, тут же убралась к себе в спаленку, боязливо выглядывала оттуда через дверцу и испуганно фыркала.

Однажды утром, когда мы занимались чисткой клеток, к нам в лагерь пришел молодой индеец и предложил купить у него животное, — как он нам объяснил, это был лисенок. Подумав, что хорошо бы сперва взглянуть на него, мы попросили индейца принести его сегодня же, но чуть позже. День уже клонился к закату, а индейца все не было. Мы решили, что он обо всем забыл и что мы так и не получим этого лисенка. Каково же было наше удивление, когда на следующий день перед обедом он явился в лагерь, ведя за собой на поводке какого-то маленького зверька. Это и был долгожданный лисенок. С виду он напоминал щенка восточноевропейской овчарки и был так напуган, что готов был всех нас перекусать.

Мы поместили его в клетку, поставили полную миску мяса и такую же миску молока и, отойдя на несколько шагов, стали внимательно наблюдать за ним. Судя по всему, нашего Фокси — так мы называли лисенка — больше всего волновало, как бы войти в контакт с ручными животными, которые подходили к его клетке. Хотя мы кормили его до отвала, он так и норовил поохотиться на кого-нибудь посущественнее...

У нас было множество ручных птиц, которым дозволялось свободно летать по всему лагерю, но когда у нас появился лисенок, пришлось положить этому конец: нам надоело каждый раз, заслышав у лисей клетки дикие крики, бросать все и кидаться на выручку ка-

кой-нибудь птицы-бедолаги, имевшей неосторожность подойти слишком близко. Позже, когда он сделался ручным, мы тоже стали привязывать его на веревке к колышку, хотя и на значительном расстоянии от Кай и Пуха.

К нашему удивлению, у Фокси откуда-то взялись собачьи привычки — стоило нам появиться, как он принимался надоедливо скулить, пока мы не уделяли ему внимания. А уж тогда он начинал с радостью плясать вокруг наших ног и вилять хвостом совсем не по-лисьи.

Результатом одной из наших поездок по деревушкам Парагвая явилось приобретение трех крупных зеленых попугаев, которые оказались страшными говорунами и проказниками. Сначала мы посадили всех троих в одну клетку, думая, что они там прекрасно уживутся. Как бы не так! Попугаи почти сразу же затеяли драку, да с таким страшным шумом, что мы вынуждены были пересадить зачинщика в отдельную клетку, думая, что это разрядит атмосферу. Но мы просчитались, поскольку один из оставшихся оказался еще большим хулиганом. Попугай все время пытался перегрызть сетку, и вот однажды ему это удалось, и он с диким криком вылетел наружу. Конечно, оказался куда ловчее и быстрее нас, и сколько мы ни старались, он все-таки улетел по направлению к лесу, радостно крича и громко хлопая крыльями. Ну все, удрал, голубчик, подумали мы. Каково же было наше удивление, когда на следующее утро мы обнаружили его сидящим на крыше своей клетки и разговаривающим через проволоку со своим компаньоном. Когда мы открыли дверцу, попугай спеш-

но влетел внутрь. Очевидно, он решил, что лучше уж неволя, где его кормят до отвала всякими разностями, чем вольная жизнь в лесу, где пищу еще надо добыть.

Незадолго до возвращения в Англию очередной индеец принес нам животное, которое оказалось самым восхитительным из всех, с кем мы имели дело. Это была самка большого муравьеда нескольких дней от роду. Мы окрестили ее Сара Хаггерзак, или Сара-мешочница, — она была в том возрасте, когда детеныши муравьеды повисают на спине у мамы, а поскольку мамы рядом не было, она любила повисеть на ком-нибудь из нас или, на худой конец, на мешке. Саре необходимо было ощущение того, что она за что-то

держится. Стоило ссадить ее на землю, как она тут же начинала хватать вас за ноги, громко крича в знак протеста голосом дикого гуся, и при первой же возможности норовила вскарабкаться к вам на плечи и улечься воротником — ее излюбленная поза. А надо сказать, что коготки у нее весьма острые, и хватается она ими достаточно цепко, так что судите сами, сколь приятна эта процедура.

Сару мы кормили из бутылочки. В день она выпивала четыре бутылочки молока, но вскоре сама научилась пить из нее, всовывая в горлышко свой длинный, похожий на змею язычок и тут же втягивая обратно с каплями молока. Она росла не по дням, а по часам, вскоре признала в нас приемных родителей и после каждой еды затевала продолжительные игры. Она любила, чтобы мы переворачивали ее на спину и щекотали ей брюшко. Если же поставить ее на задние лапы и пощекотать под мышками, она поднимет передние и сложит их над головой, точно одержавший победу боксер. А если подергать ее за хвост или слегка потыкать в ребра, она сама встанет на задние лапы и потом упадет вам на плечи, фыркая от удовольствия.

Когда я наконец вернулся в Англию, Сару, наряду с Кай и Пухом, определили в Пейннгтонский зоопарк, где она сделалась всеобщей любимицей. Последний раз я видел ее несколько недель назад. Я читал в Фестивал-Холле лекцию о собирании животных с показом цветного фильма о путешествии по Парагваю и Аргентине. Поскольку Сара была одной из звезд этого фильма, я попросил дирекцию зоопарка ненадолго отпустить ее со мной, чтобы зрители могли увидеть ее воочию. Дирекция дала любезное согласие, и вот в одно прекрасное утро Сара в сопровождении ухаживавшего за ней служителя зоопарка села в по-

езд. Когда она прибыла в Фестивал-Холл, ей предоставили заранее приготовленную гримуборную, словно великой артистке. Надо сказать, она очень хорошо себя вела, и к концу лекции моя супруга вывела ее на сцену. С большим успехом она проделала на сцене все свои фокусы, а в конце приковыляла к столу и почесалась об него. После этого к ней в гримуборную пришли многочисленные поклонники, и, судя по всему, успех вскружил ей голову — я получил из зоопарка сообщение, что в течение нескольких дней после триумфа она постоянно мучила служителя, не отпуская его от себя и категорически отказываясь оставаться одна в клетке. Я думаю, с полным правом можно сказать, что Сара — единственная в мире муравьедица-кинозвезда. Конечно, Сара Хагтерзак — не Сара Бернар, есть куда более красивые звезды, но в чем ей действительно не откажешь, так это в глубоко личном начале.

Наша экспедиция по Парагваю и Аргентине подошла к концу. Но стоит собирателю животных возвратиться из одной поездки, как он тут же замышляет другую. Так и я — пишу эти строки, а сам вынашиваю планы новой экспедиции. На этот раз я стремлюсь на Дальний Восток. Знаете ли, это так трудно — выбрать место, где собирать коллекцию. В мире столько чудесных уголков, населенных необыкновенными животными, что порою размышляешь несколько недель, прежде чем выберешь точку на карте.

Куда бы собиратель ни направил свои стопы, он должен помнить следующее. Многие из тех диковинных живых существ, что встретятся у него на пути, так просто в руки не дадутся. Но поймать редкое животное — это еще полдела: надо обеспечить ему надлежащие условия, чтобы оно выжило и хорошо себя чув-

ствовало. Многие из них причиняют собирателю массу хлопот, а порою и огорчений, но с ними будет так интересно и забавно, что по возвращении на родину они станут для него не просто коллекцией, а самой настоящей семьей.

ДЖЕКИ ДАРРЕЛЛ

Звери в моей постели

Перевод с английского
Л. ЖДАНОВА

Jacquie Durrell
BEASTS IN MY BED
First published 1967

*Дарреллу,
моему любимому зверю*

Глава первая

До чего же мне надоели вечные разговоры о том, какую «замечательную жизнь» я веду и как мне повезло заполучить такого знаменитого мужа.

— Чего еще, — восторженно восклицают люди, — может пожелать себе женщина!

Так вот, по правде говоря, я веду отнюдь не замечательную жизнь, и с любым супругом — знаменитым или заурядным — нужно, увы, как-то уживаться.

Хотя наше знакомство и последующее бегство отвечали лучшим традициям женского романа, ни в том, ни в другом не было абсолютно ничего романтического. Больше того, помню, как я потрясла одного человека,

сказав, что вышла замуж за Даррелла лишь затем, чтобы получить обратно одолженные ему пятнадцать фунтов стерлингов¹.

Вторжение Джерри Даррелла в мою жизнь принесло одни тревоги и беспокойства моим родным и близким. Будучи по природе человеком склонным к уединению и критически относясь к людям, которые казались мне ограниченными, избалованными и лишенными духовных интересов², поначалу я смотрела на мистера Даррелла весьма подозрительно.

Один коварный приятель моего бедного недалекого отца убедил его обзавестись в качестве «доходного побочного занятия» какой-то убогой гостиницей. Я пришла в ужас, увидев это мрачное логово, и мой ужас только возрос, когда я познакомилась с населяющей его ватагой говорливых женщин. Оказалось, что они входят в состав оперной труппы «Садлерз-Уэллз», прибывшей в Манчестер на двухнедельные гастроли. При других обстоятельствах я отнеслась бы с сочувствием к бедняжкам, вынужденным переносить капризы здешнего климата, но мне быстро надоело слушать, как они без конца расписывают достоинства какого-то восхитительного двуногого, наделенного всем, чего только могла пожелать себе женщина³.

И вот в один дождливый воскресный день покой нашей гостиной был нарушен хлынувшим в нее каскадом женских фигур, который увлекал за собой довольно хрупкого на вид молодого мужчину, чем-то похожего на поэта Руперта Брука. Судя по нелепым выходкам эскорта, это мог быть только сам Чудо-бой. Так оно и

¹ Беспардонная клевета. Дж. Д.

² Я в ту пору был застенчивый, скромный, непритязательный молодой человек, чьей робости позавидовала бы даже газель. Дж. Д.

³ Сам факт написания этой книги говорит о том, что в конце концов она сама прониклась этим убеждением. Дж. Д.

было. Присмотревшись к этому созданию, я посчитала его манеру рисоваться довольно забавной¹. Однако, заметив, что я разглядываю его, он уставился на меня взглядом василиска, и я поспешно обратилась в бегство.

В ближайшие дни недели наши пути, слава Богу, почти не пересекались, пока однажды утром встревоженная мачеха не попросила меня проводить мистера Даррелла до железнодорожной станции, ибо этот молодой человек, бедняжка, совершенно не представлял себе, где она находится — чему мне трудно было поверить. Поскольку все поклонницы были заняты на какой-то репетиции, больше некому было его выручить, однако я дала ясно понять, что соглашаюсь без особой охоты.

Убедившись, что я далеко не в восторге от его компании, мистер Даррелл постарался пустить в ход все свое многогранное обаяние, которое так восхищало женский пол. Обнаружив, что трудится зря, обратился к юмору и — надо же! — развеселил меня, да так, что мне даже было жаль расставаться с ним². Я корила себя за то, что была к нему малость несправедлива, но поскольку не ожидала больше с ним увидеться, легкое чувство сожаления недолго мучило меня.

Наконец наш большой дом опустел, и отец решил заняться ремонтом. Вскоре все помещения заполнили штукатуры, водопроводчики, плотники и обойщики, так что самим нам приходилось ютиться там, где позволяли рабочие. В разгар этого организованного хаоса вновь появился Даррелл. Нельзя ли ему пожить у нас несколько дней, пока он соберет в окрестных зоопарках заказы для своей звероловной экспедиции в Британскую Гвиану?

¹ Никогда в жизни не рисовался. И если мои утонченные манеры казались странными автору с его провинциальным мышлением, я в этом не виноват. *Дж. Д.*

² Клюет, клюет! *Дж. Д.*

Моя мачеха, добрая (и простая) душа, не возражала, если он согласен терпеть шум и всякие неудобства и питаться вместе с нами. Его это вполне устроило, и он быстро освоился, перебрасываясь игривыми шутками с хозяйкой и затевая с моим отцом долгие сложные дискуссии о текущих событиях.

Вскоре он уже подружился со всеми. Кроме меня. Зная, как я к нему отношусь, он тем не менее набрался нахальства и попросил у моего отца разрешения пригласить меня в ресторан, и, что самое удивительное,— я была вовсе не против, мне даже было приятно его внимание. У меня как раз была пересменка в ряду ухажеров, и я подумала, что будет интересно провести вечер с таким «светским человеком». Как ни странно, мне было очень весело, и мы отлично ладили друг с другом¹. Даррелл рассказывал мне о своей работе звено-ролова, я поведала, как готовлюсь стать оперной певицей. Затем он повел речь о своей семье, и в его описании она выглядела удивительно интересной, совсем не похожей на моих родичей. Мои родители развелись, когда мне было два года, и я переходила, как говорится, из рук в руки, живя когда с бабушками-дедушками, когда с различными чудаковатыми тетусшками и дядюшками. Словом, у меня не было настоящей семьи, а потому я завидовала счастливому устроенному детству Джерри и позволила себе откровенничать с ним, как ни с кем прежде. И когда пришла пора возвращаться домой, я уже совершенно освободилась от чувства недоверия и враждебности, говоря себе, что наконец-то обрела друга, с которым могу свободно разговаривать и отдыхать душой.

¹ К этому времени я уже приобрел основательный опыт обращения с робкими животными, а потому безропотно соглашался со всем, что она изрекала. Вообще же мы отлично ладили. Дж. Д.

Однако это меня порядком беспокоило — занятия музыкой требовали слишком много времени, чтобы я могла отвлекаться на такие вещи. Так что для меня явилось немалым облегчением, что Джерри на полгода исчез с моего горизонта, отправившись ловить зверей в Британскую Гвиану; правда, мы поклялись, что будем писать друг другу.

На самом деле я была настолько занята своей певческой практикой, что мне было просто некогда думать, чем там занимается Джерри. Какой же шок я испытала, увидев его в один майский день в нашей гостиной, причем он выглядел великолепно и (даже на мой предубежденный взгляд) весьма привлекательно. Джерри поспешил объяснить, почему вновь оказался в Манчестере. Дескать, в местном зоопарке размещено большинство отловленных им зверей, и теперь нужно возможно скорее сбыть их и отправить вырученные деньги его партнеру, оставшемуся в Гвиане, чтобы тот мог привезти остальных животных. Естественно, он снова убедил мою мамеху позволить ему остановиться у нас. Вполне разумное решение, поскольку он почти не бывал дома, днем и ночью занимался кормлением и уходом за своими подопечными, так что мы были избавлены от необходимости заботиться о госте.

Мысль об угрозе подвергнуться новым отвлекающим маневрам ужасала меня, и я пуще прежнего настроилась держаться отчужденно. Однако он не отступил и задумал планомерной осадой сломить мое сопротивление. Началось все очень просто. Не соглашусь ли я помочь составить список наличных животных, чтобы он мог разослать его в различные зоопарки? Списки следует напечатать, и, поскольку я могу свободно пользоваться пишущей машинкой отца, желательно, чтобы это сделала я, тогда ему не придется просить разрешения поработать на этом драгоценном механизме. Сказав се-

бе, что это может ускорить отъезд Джерри и позволит мне сосредоточиться на собственных занятиях, я взвалила на свои плечи исполинский труд. В жизни не подозревала, что на свете существует столько самых различных птиц и зверей. Что такое — макао и как это обезьяна может быть беличьей? Гигантский муравьед — что это за тварь? Я засыпала Джерри вопросами, и он терпеливо меня просвещал.

— Знаешь что, — заявил он наконец, — чем заниматься этой ерундой, лучше сходи-ка ты со мной в зоопарк и посмотри сама на моих зверей.

Мне эта мысль совсем не понравилась, ибо я считала крайне неэтичным держать в неволе диких животных, не говоря уже о том, что большинство зоопарков, какие мне доводилось посещать, производили на меня самое удручающее впечатление. Грязь, зловоние — да я не стала бы и дохлую кошку держать в таком заведении. Как ни странно, Джерри на другой день не стал меня уламывать и уговаривать, не стал и защищать идею зоопарков, как таковую. Вместо этого он попытался объяснить, какие цели должен преследовать хороший зоопарк, как важно, учитывая распространение цивилизации и демографический взрыв, сохранить дикую фауну для будущих поколений.

По мере того, говорил он, как растет численность человечества и люди наступают на среду обитания животных, зоопарки окажутся последним прибежищем птиц и зверей. Он рассказал, как в Центральной Африке неправильные методы борьбы с мухой цеце привели к истреблению полчищ крупной дичи. В других местах сооружали плотины и затопляли огромные площади естественных пастбищ. Где бы интересы человека ни вступали в противоречие с потребностями животных, последние были обречены на поражение. А потому его самая заветная мечта — учредить специальный зоо-

парк, где он мог бы держать и размножать некоторые виды, чтобы спасти от полного уничтожения. Еще он страстно желал, чтобы все зоопарки служили не только для показа животных, а стали подлинно научными учреждениями, где главное внимание уделялось бы заботе об их благополучии.

Он продолжал толковать в этом духе всю дорогу до зоопарка, и не успела я опомниться, как мы очутились в просторном деревянном строении, где стоял гул от птичьих и звериных голосов. Прежде всего я обратила внимание на отсутствие зловония, какое у меня обычно связывалось с посещением зоопарков. Вместо этого здесь приятно пахло соломой, кормами и теплыми телами зверей. Но больше всего поразили меня взаимоотношения Джерри с его подопечными. Легковесный, как мне казалось, молодой человек вдруг совершенно преобразился. Куда подевалась его беспечность — с сосредоточенным видом он обходил все клетки, потчует своих питомцев лакомыми кусочками и разговаривая с ними. Он по-настоящему заботился о них, и они по-своему отвечали на его заботу и любовь¹. словно маленькие дети, старались криками привлечь его внимание или нетерпеливо подпрыгивали, чтобы он посмотрел на них. Медленно следуя за ним по проходам, я не без робости заглядывала в клетки, восхищаясь чудесными созданиями. Гигантский муравьед с обтекаемыми формами, напоминающими какой-то суперсовременный автомобиль, осторожно приблизился к прутьям клетки, чтобы его погладили... Красный макао кричал «Роберт!» на разные голоса... Очаровательные беличьи обезьянки сидели, наклонив голову набок, чем-то похожие на клоунов... Вне всякого сомнения они чувствовали, что стали предме-

¹ Ей еще предстояло узнать, что животные склонны отвечать на ласку укусами, что придает им сходство с друзьями и женами. Дж. Д.

тами особенного внимания, однако у меня не было чувства, что они недовольны моим появлением, напротив, мне казалось, что я пришлась им по душе.

Мы довольно долго пробыли в зоопарке. Джерри задал животным корм и менял солому, где это требовалось, а я сидела на ящике, наблюдая за ним. Он работал неторопливо и эффективно, с явным удовольствием, и разговаривал с каждым из своих подопечных. Забыв о моем присутствии, он сосредоточил все внимание на животных. Замечательная картина, и я с великой неохотой нарушила молчание, чтобы задать интересовавшие меня вопросы.

— Что ж, — сказала я, когда мы вернулись домой, — теперь я хоть знаю, о ком пишу. И должна сознаться, это очаровательные создания.

После этого случая наша дружба заметно укрепилась. В то время я работала в конторе отца, и Джерри без конца звонил туда. Как насчет того, чтобы вместе перекусить днем, или выпить кофе утром, или встретиться за чаем вечером? Может, сходим в театр или я предпочитаю посмотреть хороший фильм? Отец язвительно справлялся, не забыла ли я, кто платит мне жалованье — меня почти никогда нет на месте.

— Не волнуйся, папуля, — успокаивала я его, — мы просто хорошие друзья, к тому же он скоро уедет.

Отец только крикнул в ответ, но он явно опасался, что мне вскружат голову знаки внимания мужчины, столь разительно отличающегося от обычного круга моих приятелей.

К великому облегчению моего родителя, однажды утром мистер Даррелл спокойно возвестил, что вскоре покинет нас, поскольку все животные уже пристроены и больше ничто не удерживает его на севере. К тому же он еще не повидал свою матушку и просто обязан

возвратиться в Борнмут. На этот раз я с особым нетерпением проводила его на вокзал.

Только я вернулась в контору, как зазвонил телефон. Мой отец желал удостовериться, что Джерри благополучно уехал.

— Все в порядке, — заверила я его.

— Надеюсь, мы наконец-то сможем заняться делами, — ответил он и перечислил целый ряд поручений.

Положив трубку, я повернулась к своему рабочему столу. В ту же минуту дверь конторы распахнулась — на пороге стоял Джерри Даррелл, прижимая к груди огромный букет увядших хризантем. Протянув мне цветы, он выпалил:

— Это тебе!

Помешкал и, поворачиваясь, чтобы уйти, добавил:

— Ты ведь не согласишься выйти замуж за меня, верно?

Пожал плечами, криво усмехнулся и заключил:

— Я так и знал.

С этими словами он удалился.

Облегчение моего отца длилось недолго, потому что с каждой почтой мне приходило письмо или открытка, а несколько раз — длинные телеграммы. Затем наступил ужасный день, когда почта доставила посылку на мое имя. Отцовское терпение лопнуло, и он вызвал меня к себе в кабинет.

— Послушай, Джеки, у вас с этим Дарреллом что-то происходит. Какой мужчина станет тратить время и деньги на то, чтобы писать письма девушке и посылать ей дорогие подарки, если не рассчитывает получить что-то взамен. Выкладывай правду, пусть даже она будет неприятной¹.

¹ К сожалению, до той поры правда, как он ее понимал, была отнюдь не неприятной. Дж. Д.

С трудом удерживаясь от смеха над такой реакцией моего обычно вполне рассудительного отца, я безуспешно попыталась убедить его, что между мной и Джерри ровным счетом ничего не происходит. Мне пришлось выслушать длинную тираду о ловкачах, морочащих голову бедным невинным особам женского пола, и я почувствовала себя действующим лицом мелодрамы пуританского века. От веселого настроения не осталось и следа, я основательно разозлилась и на отца, и на Даррелла. Внезапно мне пришла в голову ужасная мысль: неужели Джерри всерьез полагает, что я хочу выйти за него замуж? Оставалось одно, послать телеграмму: «Срочно позвони оплачу разговор если необходимо». Я надеялась, что такое условие поощрит его¹. Ответ последовал почти немедленно: «Позвоню сегодня вечером». Я часами, как мне казалось, слонялась вокруг телефона, так что когда наконец раздался звонок, ярость моя достигла предела, и я обрушила на Даррелла град упреков. Как он смеет ставить меня в такое дурацкое положение! Чтобы не было больше никаких писем, открыток и телеграмм, не говоря уже о посылках! Конечно, я ценю его доброе отношение ко мне, но то, что происходит теперь, выходит далеко за пределы обычной дружбы, а потому отныне всякая переписка должна быть прекращена! Я не давала бедняге слова вставить.

— Да что там у вас такое произошло? — твердил он, когда я останавливалась, чтобы перевести дух.

Я попыталась объяснить, как неодобрительно отец смотрит на наше общение, и, к моей досаде, Джерри реагировал весьма разумно, сказал, что вполне понимает озабоченность моего отца, и заявил, что лучше всего будет, если он при

¹ Затрудняюсь по достоинству ответить на вечные намеки о моей скупости. Скажу лишь, что влюбленный молодой романтик готов был посылать еще более длинные телеграммы, знай я, что они будут оплачены адресатом. Что значит любовь! Дж. Д.

первой возможности выберется к нам, чтобы все уладить. Напрасно я уговаривала его не выбрасывать на ветер деньги, Джерри настаивал, что просто обязан восстановить мир и гармонию в нашей семье. Только я положила трубку, как вошел отец. Я рассказала ему, что произошло, что Джерри собирается приехать, чтобы повидаться с ним и лично все объяснить.

— Отлично, отлично, — ответил отец. — Уж я растолкую этому молодому человеку, что не одобряю его ухаживание за тобой. В самом деле, кто он такой? Что собой представляет? Что мы знаем о нем? Судя по его же словам, он вращается в каком-то сомнительном окружении, и, уж конечно, у него нет состояния и никогда не будет, если я не ошибаюсь в оценке его моральных качеств¹.

Я снова заверила отца, что Джерри и его планы меня ни капли не интересуют, так что нечего волноваться по пустякам.

Два дня спустя кузнец моих проблем явился к нам самолично. К тому времени вся эта история перестала меня забавлять, и я мечтала только о том, чтобы восстановить мир и спокойствие в доме. Отец и Даррелл уединились для беседы, и я с нетерпением ожидала, чем это кончится. Однако вопреки моим ожиданиям разговор явно протекал спокойно, иногда до моего слуха доносился даже громкий смех, и когда собеседование закончилось, я была настроена весьма воинственно.

— Что ты ему сказал? — твердо осведомилась я.

— Ну, я прямо спросил твоего отца, почему он возражает против нашей дружбы, и он заверил меня, что отнюдь не настроен против меня лично и не против

¹ Под сомнительным окружением подразумевались, видимо, мои родные. Обязанный выступить на их защиту, должен признать, что большую часть жизни я стараюсь загладить свою вину перед ними.
Дж. Д.

того, чтобы ты куда-то ходила вместе со мной. Просто ему, как и всякому нормальному родителю, нежелательно, чтобы весьма талантливая дочь, которую ждет блестящее будущее, тратила время на пустяки.

Я взорвалась. Это что же — родной отец предпочитает верить не мне, а, по сути, незнакомому человеку¹! До сих пор я слышала от него совсем другие слова. Я ринулась было в его кабинет, но Джерри схватил меня за руку.

— Постой, остынь, бедняга искренне волнуется за тебя, но мне кажется, я сумел его убедить, что, хотя и мечтаю жениться на тебе, не стану навязываться, коли я не мил.

— Большое спасибо,— ответила я.— А как же мне теперь быть?

— А уж это ты сама решай.

— Когда ты собираешься возвращаться в Борнмут?

— Дня через два. И раз уж твой отец не возражает против того, чтобы мы с тобой ходили куда-то вместе, почему бы не воспользоваться этим?

Поведение отца возмутило меня. Так шумел, так бушевал, а тут вдруг дал задний ход. Ладно, постараюсь, чтобы у него и впрямь был повод для беспокойства... Он полагает, что у меня с Джерри серьезные отношения, что я способна бежать из дома и выйти замуж за него — ладно, пусть полюбуется.

Уговорить Джерри задержаться у нас на несколько дней не стоило большого труда, и я постаралась почаще проводить время вместе с ним, задерживаясь где-нибудь допоздна, чтобы любоваться выражением лица родите-

¹ Интересное выражение — «по сути, незнакомому человеку»! Она ведь сама признает, что у нас уже некоторое время были достаточно интимные отношения (насколько допускали довольно скучные влажные окрестности Манчестера). Дж. Д.

ля, который явно бесился, однако не мог ничего поделать после той беседы с Джерри.

Случилось, однако, то, чего никто из нас не предвидел. Я затеяла эту игру в отместку отцу за его дурацкое вмешательство, однако вскоре обнаружила, что наши отношения с Джерри изменились. Проводя вместе каждую свободную минуту, мы начали привязываться друг к другу и поняли, что нам не так-то просто будет расстаться. В то же время было очевидно, что сложилась невозможная ситуация. О женитьбе нечего было говорить — во-первых, я не достигла совершеннолетия, во-вторых, у Джерри было плохо с деньгами, он располагал всего двумястами фунтами и нигде не служил. В довершение всего его здоровье внушало тревогу, и так как два года назад его чуть не свела в могилу малярия, даже мой отец начал беспокоиться за него. Мы с Джерри часами обсуждали наши проблемы и в конце концов решили, что ему необходимо найти себе работу. Это было не так-то просто, поскольку он умел только ухаживать за животными, а устроиться в зоопарк всегда было затруднительно. Так или иначе, он сел писать письма в различные зоопарки и людям, которые могли как-то помочь.

Началась мучительная для обоих пора, и чтобы не осложнять ситуацию, Джерри вернулся в Борнмут — ждать, когда наше будущее как-то определится. Все наше общение теперь свелось к переписке и редким телефонным разговорам.

Тем временем мне исполнился двадцать один год, и я уже не нуждалась в разрешении отца выходить замуж, однако Джерри твердо стоял на том, что обязан найти какую-то работу¹. Отношения дома заметно ос-

¹ Типично для кандидатки в жены. На самом деле, в мои планы вовсе не входило искать работу. Дж. Д.

ложнились, и я с радостью приняла приглашение навестить сестру Джерри в Борнмуте. У нее намечалась новая свадьба, и она решила, что недурно было бы всем собраться вместе, тем более что нас с Джерри явно ожидало такое же событие. После долгих уговоров отец разрешил мне отбыть на уик-энд в Борнмут, и Даррелл сам приехал за мной. Это было дивное путешествие.

Мы прибыли на место поздно вечером, и я никогда не забуду свои первые впечатления. Мне в жизни не доводилось бывать в помещении, где камин был набит огромными корнями фруктовых деревьев. По мере того как дрова сгорали, кто-нибудь подталкивал их в глубь топки. Недурной способ согреться, и сидящий рядом с Маргарет крупный молодой человек явно не желал тратить драгоценную энергию на то, чтобы мелко порубить дрова. Белые стены были украшены яркими восточными ковриками и открытками с изображениями разных мест, где побывали семья Дарреллов и их друзья. Царила весьма богемная атмосфера. Сестра Джерри восседала на диване, одетая в длинный клетчатый халат. Приветствуя нас улыбкой, она сообщила, что матушка устала ждать нас и отправилась спать. Еда — в кладовке, постели для нас приготовлены.

Мы расположились перед камином, болтая и закусывая. Маргарет интересовалась, что мы теперь думаем делать, коль скоро Джерри никак не может найти работу. Как и положено полным надежд молодым особам, мы оптимистически заверили ее, что непременно что-нибудь найдется.

— Понятно, но на случай, если ничего не выйдет, — небрежно заметила Маргарет, — у меня есть предложение. Боюсь, Джерри, я не могу вернуть деньги, которые должна тебе, но вы могли бы поселиться в моем доме и жить с нами одной семьей. Все равно мама собирается скоро переехать к Лесли тут по соседству, так что для вас освобо-

дится место, и мы как-нибудь перебьемся. Я не требую, чтобы вы решили что-то прямо сейчас. Подумайте. Захотите — комната ваша.

— Как скажет Джеки,— отозвался Джерри.— Не всякий захочет начинать супружескую жизнь, разделяя кров с чудаковатыми родичами.

Меня не устраивали скоропалительные решения, и я была против того, чтобы ускорять ход событий.

— Можно, я отвечу позже? — спросила я.

— Конечно, я могу ждать сколько угодно,— ответила Марго, зевая широко раскрытым ртом.— А сейчас вы, наверно, устали, и я предлагаю всем нам ложиться спать.

Я долго не могла уснуть, перебирая в уме все «за» и «против». Мне не хотелось показаться неблагодарной, но я совсем не знала своих будущих родичей, к тому же еще не решила окончательно — стоит ли выходить замуж за Джерри¹.

Проснувшись я оттого, что Джерри дергал меня за плечо, предлагая выпить чашку чая.

— Ты не спеши вставать. Горячей воды в доме хватит, и я буду ждать тебя внизу, когда ты будешь готова спуститься.

Я нарочно повалялась еще в постели, а потом в ванне, размышляя о том, какими окажутся остальные члены семьи. Я знала, что мать Джерри — вдова, что у нее четверо детей, из которых Джерри — младший. До сих пор мои представления складывались из того, что рассказывал Джерри, и предстоящее знакомство страшило меня. Больше всего пугала меня встреча со старшим братом — Ларри, но он жил за границей, так что знакомство с ним, видимо, откладывалось. Зато дом

¹ Надо же так кривить душой! Решение было принято с первой минуты нашего знакомства, после чего я был всего лишь пешкой в ее руках. Дж. Д.

Лесли находился где-то поблизости. Как-то он воспримет меня?..

— Члены нашего семейства не вмешиваются в дела друг друга за исключением тех случаев, когда убеждены, что тот или иной делает что-нибудь не так, а это случается постоянно,— заверил меня Джерри.

Да, несладко мне придется, если меня не признают... Собравшись с духом, я спустилась вниз. Из гостиной доносились голоса, но когда я вошла, разговор прекратился. Джерри живо подошел ко мне и подвел меня к маленькой пожилой леди, стоящей перед камином.

— Это моя мама,— сказал он.

Я была поражена. Она была совсем не похожа на образ, который я рисовала себе, вместо высокой суровой особы я увидела крохотную милую женщину с веселыми голубыми глазами и серебристыми волосами. Улыбаясь, она пожала мне руку.

— Слава Богу, дорогая, что ты не блондинка,— молвила она лукаво.

В это время в гостиную вошла Маргарет, и все дружно расхохотались. Осмелев, я спросила:

— А что бы вы сделали, будь я блондинкой?

— Ничего,— ответила миссис Даррелл,— но все равно я рада.

Позднее я узнала, что все предыдущие подружки ее любимого сына были блондинки с кроткими (как у коровы, считала миссис Даррелл) голубыми глазами, и она с ужасом думала о том, что какая-то из них может стать ее невесткой¹.

¹ Моя мать (причина была известна только ей самой) довольно подозрительно относилась к приводимым мною в дом утонченным эфирным созданиям. По тому, как развивались дальнейшие события, ей следовало с еще большим подозрением смотреть на брюнеток.
Дж. Д.

Знакомство с Лесли состоялось позже в тот же день. Он ворвался в гостиную — темноволосый, невысокого роста (в этой семье только Джерри был заметно выше меня) — поздоровался с матерью, скользнул по мне пронзительным хмурым взглядом своих синих глаз, повернулся кругом и исчез на кухню. Джерри сходил за ним и представил нас друг другу. Лесли тоже произвел на меня приятное впечатление — при беглом знакомстве.

Уик-энд пролетел быстро, и я с великой неохотой собралась в обратный путь; на сей раз я ехала одна, мы решили, что для всех будет лучше, если Джерри не станет появляться в Манчестере, пока я попытаюсь убедить отца смириться с тем, что выхожу замуж, поскольку я более не нуждалась в его согласии.

Потянулись мучительные дни, я скоро убедилась, что отец не желает смягчаться, кончилось тем, что он вообще отказался обсуждать этот вопрос. А тут еще Джерри начал терять терпение, требовал, чтобы я наконец что-то решала. Пришло письмо от Маргарет — она повторила свое обещание помочь нам и заверила, что миссис Даррелл готова оказать Джерри материальную поддержку, пока его дела не устроятся. Я чувствовала себя ужасно, мне не хотелось ссориться с отцом, поступая против его воли, и в то же время я чувствовала, что мне представляется возможность раз и навсегда освободиться от опеки и зажить самостоятельно.

Неожиданно все разрешилось само собой. Отец на несколько дней уехал по делам, и тут же в Манчестере появился Джерри. Откладывать больше было нельзя.

Не один час мы с ним обсуждали нашу проблему, искали способ решить ее, никому не причиняя боли, и конечно же не находили толкового выхода. Я пыталась рассуждать логично, говорила, что нам нельзя сейчас жениться, мы не сможем прожить на те деньги, которыми

располагал Джерри. В отчаянии я попросила отсрочки, пообещала дать ему окончательный ответ через сорок восемь часов. Мне очень хотелось сказать «да», но меня многое беспокоило. Не говоря уже об отсутствии денег — а я знала, что отец не даст ничего, если я выйду замуж против его воли,— как насчет темперамента? У нас было так мало общего, надолго ли хватит брачных уз после того, как схлынет первая волна радости от совместного бытия¹? Меня ожидала многообещающая карьера, от которой я должна была отказаться, выйдя за Джерри. Он конечно же нуждался в человеке, разделяющем его стремления, готовом путешествовать вместе с ним, участвовать во всех его делах, к чему я вовсе не была готова². В то же время он был веселый, обаятельный товарищ, я чувствовала, что могу всецело положиться на него, и все больше склонялась к мысли, что мы придумаем какой-нибудь компромиссный вариант.

Даррелл честно соблюдал наш уговор и два дня не заговаривал о женитьбе. Когда кончилась отсрочка, мы решили сходить в кино, а затем поужинать вместе. Вернулись домой в приподнятом настроении, было поздно, все уже легли спать, и мы сидели вдвоем в теплой гостиной, говоря о чем угодно, кроме женитьбы. Вдруг я почувствовала сильную усталость и с ужасом обнаружила, что уже пять часов утра. Устремившись к выходу из гостиной, мы столкнулись в дверях, и пока уступали друг другу дорогу, Джерри тихо спросил:

— Ну так как, ты хочешь выйти замуж за меня³?

¹ В жизни не понимал все эти разговоры о необходимости общих интересов для прочных брачных уз. А убирать постель, готовить пищу, поддерживать ровное течение жизни — этого мало? Чего еще может пожелать себе девушка? *Дж. Д.*

² Ха-ха! *Дж. Д.*

³ Поразительно холодное описание весьма пикантной, на мой взгляд, сцены. Однако поскольку моя супруга не желает, чтобы эта книга подверглась запрету, тактично опускаю занавес и ограничиваюсь тем, что выражаю свое несогласие петитом. *Дж. Д.*

Поскольку моя способность к сопротивлению всегда ниже всего в это время суток, я ответила:

— Конечно, хочу.

И все.

Приняв наконец решение, я уже не позволяла закрадываться в душу никаким сомнениям. В предвидении на редкость удачной женитьбы мы не сомневались, что все препятствия будут преодолены. Тот факт, что наше состояние для начала ограничивалось какими-нибудь сотнями фунтами, меня несколько не смущал. Мы тщательно все рассчитали. Брачная лицензия обойдется примерно в три фунта; далее — железнодорожные билеты до Борнмута, такси, стоимость перевозки багажа, обручальное кольцо... Вполне уложимся, еще останутся деньги. Конечно, о медовом месяце нечего было и помышлять, но нас это не заботило, главное — женитьба.

Поскольку отец вот-вот должен был вернуться, мы решили не мешкая бежать в Борнмут и оформить там брачные узы. Жить в Борнмуте, говорила я себе, чем не свадебное путешествие¹!

Деятельность наших профсоюзов никогда особенно не интересовала меня, но угроза забастовки железнодорожников побудила нас ускорить отъезд. Следующие сутки мы были по горло заняты упаковкой в ящики из-под чая и прочую тару моего личного имущества — книг, нот, патефонных пластинок, а также всякого хлама, которым успел обзавестись Джерри². В разгар сборов мне вдруг показалось, что мы никогда не уедем.

¹ Из чего видно, что я в последний момент спас ее от прелестей убогой провинциальной жизни, на кои обречен всякий, обитающий к северу от линии, соединяющей Бристоль и Лондон. Уже то, что переезд в Борнмут рисовался ей как свадебное путешествие, говорит само за себя. Дж. Д.

² Решительно возражаю против слова «хлам». Ни один разумный человек не назовет «хламом» череп мандрила, куклы-фетиши и пивную кружку, играющую мотив «Боже, спаси короля». Дж. Д.

На утро следующего дня были заказаны два такси, и мы лихорадочно соображали, как разместить в них наш багаж. Но, несмотря на обилие чемоданов, сундуков и ящиков, тары явно не доставало, и я пустила в ход оберточную бумагу. Последний сверток был готов к трем часам утра.

По ходу всей этой бурной активности возрастало волнение моей мачехи, которой предстояло встретить моего разгневанного отца, когда тот вернется домой.

— Не беспокойся, я оставила ему письмо и настоятельно рекомендую вручить его прежде, чем отец хватится меня. Глядишь, может, все и обойдется.

Естественно, мои слова не очень ее успокоили.

— Ты вали все на меня,— продолжала я, зная, что шторм до меня не дойдет.— Скажи ему, что я уперлась и не желала ничего слушать. Опиши, как ты умоляла меня образумиться и уважить отцовское мнение, подчеркни, как уговаривала дождаться его возвращения и самой объясниться с ним.

Мне было все равно, что бы она ни наговорила про меня. Так и так я впаду в немилость, пусть не скупится на выражения.

До сих пор не представляю себе, как я смогла покинуть постель после всего трех часов сна, но в конце концов мы погрузились в ожидающие машины и началось наше путешествие. Утро было паскудное, хмурое, дождливое, совсем не подходящая атмосфера для веселого побега, но я была слишком измотана, чтобы думать о чем-либо сверх желания возможно скорее очутиться в вагоне проклятого поезда.

Пометавшись без толку по вокзалу, Джерри наконец ухитрился поймать одного из неуловимых зверей, именуемых носильщиками. Этот деятель был отнюдь не в расцвете лет и не в самом лучшем настроении, однако явился все же с тележкой, погрузил на нее наши вещи

и, милостиво минуя весы, затрусил к платформе лондонского поезда, сопровождаемый двумя пассажирами, которые несли кучу бумажных свертков и настольную лампу. Наверно, мы смотрелись довольно странно в столь ранний час, судя по тому, какими взглядами нас провожали, расступаясь, степенные представители делового мира.

Пожилой кондуктор издалека приметил нас и показал носильщику, где разместить багаж. Когда мы поравнялись с ним, он мрачно поглядел на нас.

— Что — жениться собрались? — спросил он.

Сияясь не выронить свою объемистую ношу, я ответила:

— Да.

— Помогай вам Бог, — сказал он и махнул машинисту флажком¹.

¹ Уместное пожелание... К счастью, Бог и впрямь нам помогает.
Дж. Д.

Глава вторая

Прибытие в тот же день в Борнмут явилось ослепительным контрастом всему, что мы оставили в Манчестере, и для меня было великим облегчением очутиться в кругу людей, всецело симпатизирующих нам и предстоящей женитьбе. Вся семья собралась встретить нас, энтузиазм бил через край, каждый жаждал, чтобы мы выслушали его. Миссис Даррелл рассказала, что получила письмо от Ларри — он в это время находился на дипломатической службе в Югославии — который, как ни странно, тоже одобрял наши планы, что могло считаться окончательной санкцией, хотя Маргарет возражала, что мнение Ларри не играет никакой роли. Тем не менее приятно было сознавать, что глава семейства на нашей стороне.

— Ну так, дорогой,— обратилась миссис Даррелл к Джерри,— как ты представляешь себе ваше бракосочетание?

— Понимаешь, мы с Джекки хотели бы обвенчаться возможно скорее на случай, если сюда вдруг явится ее родитель с дробовиком,— ответил он.

А потому уже на следующий день началась Операция Бракосочетания. Все члены семьи рассыпались по Борнмуту с различными заданиями. Мы с Джерри отыскали отдел записей актов гражданского состояния, где очаровательная сотрудница упорно не желала поверить, что мне исполнился двадцать один год, хотя я предъявила свидетельство о рождении. Все же дата обряда была назначена — 26 февраля. Маргарет назначила себя начальником отдела снабжения и обещала поставить съестное, включая свадебный торт, а миссис Даррелл и Лесли взялись позаботиться о том, чтобы не было недостатка в напитках, но когда мы сообщили, что венчание состоится через три дня, женщины — чего мы никак не ожидали — пришли в ужас. Разве смогут они уложиться в срок с приготовлениями!

— Да не волнуйтесь вы,— сказал Джерри.— Все будет в порядке.

Бедняжка Марго в отчаянии помчалась в город, распорядившись, чтобы мы в половине четвертого встретились с ней в ресторане, поскольку ей необходимо будет подкрепиться после битвы в кондитерской, где пекут свадебные торты. Разумеется, в половине четвертого мы не застали ее в ресторане, однако вскоре она появилась и опустилась на стул, сияющая и весьма довольная собой.

— Ну как дела, Марго? — спросил Джерри.

— Ох, если бы ты знал, чего мне стоило договориться с этими несносными кондитерами, чтобы через сутки был готов свадебный торт!

— Так давай, рассказывай.

Итак, Марго вошла, улыбаясь, в кондитерскую и попросила принять заказ на одноярусный свадебный торт.

— Конечно, мадам, сделаем, назначайте срок.

— Понедельник, — сказала Марго.

— Что! — ахнул помощник заведующего. — Но это невозможно!

— Я знаю, что времени мало, но и случай совершенно необычный, чрезвычайно романтическая история. Понимаете, они тайно сбежали.

Этот факт сыграл свою роль, и вот уже вся кондитерская была в курсе и счастлива участвовать в таком романтическом событии. «Как прекрасно...» «Как необычно...» «В газетах пишут про такие случаи, но кто бы подумал, что такое может случиться в нашем городе и с нашим участием!»

— Так или иначе, — заключила Марго, смеясь, — они поклялись уложиться в срок и заставили меня обещать, что я передам вам их поздравления.

В награду за усилия Марго мы заказали для нее большие пирожные с кремом, и она живо управилась с ними.

— А теперь, Джерри, — заговорила она деловито, — как насчет обручального кольца? Пошли, присмотрим что-нибудь подходящее.

В конце концов мы остановили выбор на скромном тонком золотом колечке, которого, предупредил практичный продавец ювелирного магазина, могло не хватить надолго, если мадам будет заниматься домашним хозяйством. Но мне оно понравилось, и кто знает — может быть, со временем мы сможем позволить себе купить новое¹? Расставшись с еще несколькими нашими немногочисленными фунтами, мы в приступе расточительства втиснулись в такси и по пути домой заказали в цветочном магазине свадебный букет для меня и цве-

¹ Снова тот же мотив бережливости, а ведь мы тогда еще не обвенчались. Дж. Д.

точные подношения для дома. Царила совершенно абсурдная атмосфера. Все кругом были страшно возбуждены, тогда как мы с Джерри вели себя словно почтенная супружеская чета, воспринимающая знаки внимания как должное.

Следующие два дня мы были заняты приведением в порядок нашего скромного жилья. Это была всего лишь маленькая комнатка в задней части дома, но такая очаровательная! Окно смотрело на большой сад, а вдаль были видны поросшие вереском холмы Сент-Катеринз-Хед. Среди сосен парили вяхири и другие дикие птицы, вызывая у меня такое чувство, будто я поселилась в сельской местности. Марго обставила комнату очень скромно, но нам здесь было уютно, особенно когда мы развели огонь в маленьком камине. Двухспальная кровать, маленький рабочий стол, гардероб, комод и кресло — вот и вся мебель. Мы радостно принялись размещать наше имущество, вот только Джерри волновался из-за места для своих книг, но Марго живо решила эту проблему, принесла полку и поставив ее на комод. Она же примостила у кровати тумбочку и лампу. О посуде нам сейчас не надо было беспокоиться, поскольку мы собирались столоваться вместе со всеми внизу.

В разгар всей этой суматохи заглянул первый муж Маргарет — Джек Бриз.

— Вот ты-то нам и нужен, — объявил Джерри. — Завтра у нас свадьба, почему бы тебе не быть нашим шафером или что там положено для регистрации? Да, кстати, вот та особа, на которой я женюсь.

С этими словами он подтолкнул меня вперед.

— Бедняжка, — сказал Джек. — Как это тебя угораздило связаться с этими Дарреллами?

И, подняв косматую бровь, он с хохотом добавил:

— Или у тебя уже не осталось выхода?

Продолжая смеяться, Джек заверил:

— Разумеется, Джерри, я буду присутствовать. Ни за что на свете не упустил бы такой случай, только не жди от меня свадебного подарка. У меня столько всяких обязательств, детей и жен,— я не могу себе позволить тратить заработанное горбом на разную мишуру.

Мне предстояло быстро убедиться, что хотя Джек обожал прикидываться бедняком и давно стал предметом постоянных шуток, на самом деле, как и все люди, изображающие из себя дядюшку Скруджа, он был добрейший человек.

Воскресный день завершился вечеринкой в семейном кругу, и мы, как положено, основательно отметили прощание с холостяцкой жизнью, так что на другой день на регистрацию явилась довольно смирная компания. Не припомню более мрачного и тоскливого дня.

Должно быть, мы являли собой диковинное зрелище, ведь ни у Джерри, ни у меня, естественно, не было подходящей к случаю новой одежды. Лишних денег у нас не было, пришлось обойтись тем, чем мы уже располагали. Тем не менее я постаралась соблюсти давнее правило: что-то старое (мое пальто), что-то новое, подаренное подругой (нейлоновые чулки), что-то одолженное (блузка Маргарет), что-то синее (мой шарф). Даррелл выглядел вполне опрятно, он даже — поистине потрясающий случай — начистил до блеска свои ботинки¹.

Обряд длился недолго. Помню, я спрашивала себя, что меня угораздило ввязываться в эту затею, однако я вовремя взяла себя в руки и выразила согласие сочетаться законным браком с Джеральдом Малькольмом,

¹ Одно из тех ехидных замечаний, кои так омрачают всякое супружество. Намек, будто я никогда не чищу свои ботинки, чистая ложь. В моей записной книжке помечены все дни в том году, когда я их чистил. Вы видите, что вам сулит супружеская жизнь, видите камешки, за которыми последует лавина критики и порицания. *Дж. Д.*

и вот уже процедура закончена и мы едем домой. Джерри улыбнулся и крепко сжал мою руку.

— Поздно, — сказал он, — теперь я заполучил тебя¹.

Хотя гостей собралось немного, ритуал был выдержан во всех подробностях. Звучали речи и тосты, был разрезан торт, прибывший утром, как и намечалось. Не было недостатка в шутках и подначках, все от души веселились.

О каком-либо медовом месяце не заходила речь, на это у нас не было денег, но я была только рада, меня вполне устраивало бытие в нашей маленькой комнатке и в кругу семьи. О каких-то особых развлечениях не приходилось говорить, но мы не скучали и не чувствовали себя в чем-то обделенными. У нас была куча интересных книг, кругом — чудесные места для прогулок, и дружище Джек Бриз подарил нам старый радиоприемник.

Наши деньги были на исходе, и пришло время мне оценить ситуацию, обдумать вместе с Джерри, как быть дальше, и главное, следить за нашими скромными расходами. У Джерри были пока что всего два пристрастия — сигареты и чай, и я твердо настроилась не лишать его этих удовольствий. Прежде всего требовалось найти для Джерри какую-то работу. Все его попытки устроиться куда-нибудь в Англии оказались тщетными, и мы решили поискать что-нибудь за пределами страны, например в Африке, в каком-нибудь из тамошних охотничьих хозяйств, а то и вовсе эмигрировать в Австралию. Поскольку нам было не по карману покупать газеты, где обычно печатаются официальные объявления, мы ежедневно совершали паломничество в читальный зал Центральной библиотеки. Выбор мест для человека вроде Джерри — без высшего образования, без опыта в

¹ Не хочу показаться недобрым и готов, на худой конец, признать, что меня, возможно, подводит память, однако я твердо убежден, что на самом деле мною было сказано следующее: «Поздно. Теперь ты заполучила меня». Дж. Д.

коммерции — был весьма невелик, но мы надеялись, что в конце концов найдется что-то связанное с животными. В частности, записывали названия и адреса всех зоопарков Австралии, Америки и Канады и разослали кучу писем с изложением немалых для столь молодого человека заслуг в данной области. Потянулись недели томительного ожидания ответов. Как ни странно, далеко не все зоопарки удосужились подтвердить получение наших писем, а те немногие, что все-таки ответили, ничего не могли предложить. Словом, почтовые расходы пришлось списать в убыток. Однако я не пала духом, только злилась, и мы продолжали штудировать газеты.

В это время один из прежних партнеров Джерри спросил нас, не возьмемся ли мы присматривать за его зверинцем в Маргейте. Платить нам жалованье он не мог, однако взялся обеспечить кров и стол и покрыть расходы на проезд. Даррелл был только рад возможности снова работать с животными.

— Кстати,— сказал он,— это и для тебя будет полезной практикой.

— Но я ровным счетом ничего не смыслю в содержании животных,— возразила я.

— Ничего, быстро научишься.

Зверинец составлял одну из частей приморской ярмарки, кроме собственно зверей он включал в себя аквариум. И вот уже я по горло занята чисткой бананов и апельсинов, извлечением косточек из вишни, кормлением детенышей. Словом, я на собственном опыте познавала, как это непросто — ухаживать за животными. Теперь-то я понимаю всю справедливость слов о том, что нет хуже пребывать в учении у собственного мужа. Он ни в чем не давал мне спуску¹.

¹ На самом деле кое-какую школу она уже прошла, но женщины склонны к преувеличениям. Дж. Д.

— Никак не могу очистить дно этой клетки от навоза,— жаловалась я.

— А ты поработай руками,— следовал совет.

И хотя работа была утомительная и нудная, эти три недели много дали мне, я даже вошла во вкус ухода за дикими животными. Впрочем, я не стала горевать, когда пришло время возвращаться в Борнмут.

В свободные минуты между резкой фруктов и чистой клеткой я могла сосредоточиться на размышлениях о нашем будущем, и постепенно у меня начала созревать одна идея. Ларри Даррелл преуспевал на литературном поприще и всячески поощрял Джерри взяться за перо. Если один брат мог зарабатывать деньги писательством, почему бы другому не попытаться сделать то же? И началась операция «Пила». Бедный Джерри, я принялась изо дня в день уговаривать его написать что-нибудь для кого-нибудь.

— Я не умею писать, во всяком случае так, как пишет Ларри.

— Откуда ты можешь знать, что не умеешь, пока не попробовал?

И, доведенный до отчаяния, Джерри Даррелл стал делать какие-то наброски.

— Нет, в самом деле, о чем мне писать?

— Пиши о твоих путешествиях.

— Полно, кому это интересно?

— Мне интересно, так что валяй, пиши.

Вскоре в Англию должен был приехать Ларри со своей женой Евой. Она ждала ребенка и предпочитала рожать в Англии, а не в Югославии. Сама мысль о встрече с семейным гением внушала мне благоговение, должна, однако, признать, что он оказался куда симпатичнее, чем я предполагала. Маленького роста, коренастый, типичный Даррелл с даррелловским юмором и обаянием, но с более изысканными манерами. Он и Ева

отнеслись ко мне весьма радушно, и Ларри был очень озабочен тем, что Джерри никак не может найти работу.

— Почему бы тебе не написать книгу про эти твои ужасные путешествия и не заработать на этом? Англичане обожают истории про пушистых зверьков и про джунгли. Нет ничего проще — ты располагаешь подходящим материалом и возможностями.

Джерри явно не был настроен обсуждать этот вопрос, однако он чувствовал, как я сверлю его взглядом.

— Может быть, я и впрямь мог бы написать книгу о моих трех путешествиях, но мне страшно подумать, что из этого выйдет.

— Дружище, ты что — серьезно говоришь о том, чтобы посвятить трем путешествиям одну книгу? — ужаснулся Ларри. — Ты с ума сошел. Уверен, каждого путешествия хватит на отдельную книгу.

— Прости, Ларри, но я не могу с тобой согласиться. Ты забываешь, у меня в этом деле нет никакого опыта. Одно дело — ты, тебе нравится это занятие, и ты уже не один год пишешь книги, а для меня даже письма писать великий труд. Спроси маму — много ли писем я писал ей, когда путешествовал?

— Это совсем разные вещи. Как бы то ни было, почему бы тебе не попробовать? Я готов прочесть несколько первых глав и сказать свое мнение, хотя я не очень-то разбираюсь в книгах про животных. А еще я охотно свяжу тебя с моим издательством «Фейбер энд Фейбер». И послушай мой совет, не связывайся с литературными агентами, они только обманут тебя, наживутся на тебе и присвоят себе все заслуги, когда твои книги станут пользоваться успехом.

Было совершенно очевидно, что Джерри не спешит воспользоваться разумными благими советами брата, но я продолжала настаивать, чтобы он сделал хотя бы по-

пытку. Несколько дней спустя мы услышали по радио чей-то нудный рассказ о жизни в Западной Африке. Глядя на стонущего от негодования Даррелла, я сказала:

— Если тебе кажется, что ты мог бы сделать это лучше, почему бы не предложить Би-би-си свой рассказ о Западной Африке?

— Так ведь это не то, о чем говорит Ларри.

— Конечно, но пусть это будет стартом, и ты хоть что-то заработаешь,— не сдавалась я.

— И вообще, что я такого могу написать для радио? Я разозлилась.

— Знаешь, Джерри, не будь таким малодушным, сделай хотя бы одну попытку. С каким удовольствием я часами слушаю твои рассказы про африканцев и про зверей, которых ты ловил, попробуй поделиться своими наблюдениями с радиослушателями. Ну, обещай мне. Все лучше, чем просто сидеть тут и тухнуть.

Несколько дней мы не возвращались к этой теме, потом я услышала, как Джерри спрашивает Марго — не может ли кто-нибудь из ее друзей одолжить ему пишущую машинку.

— У Джека, помню, есть старая машинка. Спроси его, когда появится,— ответила она.— Если он поймет, что ты надеешься что-то заработать с ее помощью, наверно, не откажет.

На Даррелла вдруг что-то нашло, он решительно не мог ждать, когда появится Джек, машинка требовалась ему немедленно. Прокат обошелся бы в 30 шиллингов за неделю, у нас не было таких денег, и пришлось расстаться с некоторыми книгами из библиотеки Джерри, среди которых были довольно ценные экземпляры. Эта операция подстегнула Даррелла, и он принялся делать кое-какие заметки о своих африканских путешествиях, выбирая эпизоды, могущие пригодиться для радио.

— Нашел,— важно объявил он однажды утром.— Напишу про волосатую лягушку, как я поймал ее. Остается только узнать, сколько слов входит в пятнадцатиминутный текст.

— Наверно, это можно как-то выяснить.

Мы знали, что где-то в доме должен быть принадлежавший в прошлом Ларри «Ежегодник писателя и художника», и в конце концов миссис Даррелл обнаружила его среди книг, которые она взяла с собой, перебираясь к Лесли. Заклучив себя в стенах нашей комнатухи, Даррелл принялся творить на пробу, и по мере того, как была готова очередная страница «Охоты на волосатую лягушку», она поступала ко мне на предмет одобрения и исправления многочисленных орфографических ошибок. Просто удивительно, как скверно было у членов семейства Дарреллов с правописанием, несмотря на то что они обучались в привилегированных частных школах. И миссис Даррелл по праву хвасталась, что пишет правильнее своих получивших дорогое образование чад, хотя сама она училась в маленькой американской школе в Индии.

История странной амфибии с длинными волосовидными сосочками на бедрах, которую Джерри нашел, поймал и привез в Лондонский зоопарк, настолько увлекла меня, что я с нетерпением ждала каждую новую страницу. Сберегая время и щадя пальцы Джерри, я разработала простой метод правки — печатала исправленные слова на липкой ленте и наклеивала на рукопись. Естественно, работенка была утомительная, но в конце концов это чертово сочинение было готово, оставалось только отправить его в Лондон, в Би-би-си, и надеяться. Обычное наше внимание к поступающей почте приобрело особую остроту. Во всяком случае, для меня; Даррелл изображал полное равнодушие.

Однажды утром, невесть почему, Даррелл вдруг заявил:

— Почему бы тебе не постричься? Хватит тебе выглядеть наподобие беженки из Центральной Европы.

Не успела я оглянуться, как они с Марго затащили меня в ванную, вооружились ножницами и принялись кромсать мои роскошные волосы, не слушая возражения и не давая мне смотреться в зеркало. Они так беспощадно орудовали ножницами, что я почувствовала себя лысой. Наконец они остались довольны своим творением и позволили мне поглядеть на себя в зеркало. Я с удивлением обнаружила, что получилось совсем неплохо; позднее моя короткая стрижка стала популярной благодаря тому, что такую же прическу носила в одном из своих фильмов Одри Хэпберн. После многие уговаривали меня отрастить волосы, но Даррелл не желал и слышать об этом, и, глядя на свои старые фотографии, я вполне его понимаю.

А Лондон все молчал.

— Будто ты не знаешь, сколько раз Ларри возвращали его рукописи, — утешал меня мой дорогой супруг. — Так стоит ли связывать все свои надежды с какой-то маленькой вещицей.

В конце концов пришел ответ, и не сухой отказ, а весьма милое письмо от некоего мистера Рэдли, который

просил Джерри позвонить по поводу его рукописи. Мы помчались в дом Лесли, чтобы всем показать письмо и воспользоваться телефоном. И не поверили своим ушам: мало того, что сочинение Джерри очень понравилось, они собирались в ближайшее время дать его в эфир и хотели, чтобы автор сам прочитал свой текст.

Выступление Джерри прошло с большим успехом, его заверили, что он рожден для работы на радио, сказали, что готовы и впредь брать такие хорошие тексты. Но меня еще больше обрадовал чек на пятнадцать гиней, убедивший Даррелла, что в предложении Ларри и впрямь был известный смысл, стоит попробовать написать книгу о первом африканском путешествии. У Джерри было уже готово подходящее название — «Перегруженный ковчег», оставалось только сесть и творить.

И потянулись мучительные для нас обоих дни и ночи. Найдя, что сподручнее писать ночью, когда его никто не отвлекает, Даррелл перешел на ночной образ жизни. Это сильно осложнило наши взаимоотношения. Мы были заточены на ограниченном пространстве, я с моим чутким сном просыпалась от малейшего шума, но мы нуждались в деньгах, а потому надо было как-то приспособливаться. Когда последние наши шиллинги были на исходе и пришлось вернуть прокатную пишущую машинку, явился дружище Джек и предоставил нам свою портативку, на которой и был завершен эпос Джерри. Поскольку эта машинка работала куда тише прокатной, я была вдвойне благодарна Джеку.

Даррелл корпел над книгой с усердием, какого я прежде за ним не замечала, каждое утро меня ожидала кипа листов для чтения и правки, и постепенно книга обретала законченный вид. Нас охватила лихорадка, и я снова поймала себя на том, что читаю с огромным увлечением — весьма удивительно, так как обычно сочинения про животных и путешествия вызывали во мне

отвращение. Но тут передо мной было нечто совсем непохожее на все читанное прежде, и в мою душу стало закрадываться чувство, что мы можем неплохо заработать. А Джерри продолжал выдавать страницу за страницей, и стало похоже, что он задумал сравниться с «Унесенными ветром».

— Сколько слов должно быть в твоей книге, Джерри? — спросила я однажды утром.

— Ну, что-нибудь около шестидесяти тысяч.

— Так, может быть, мне стоит начать подсчитывать?

— Валяй, если тебе так хочется.

— Джерри, — обратилась я к нему несколько позже, — пора бы тебе закругляться, ты уже написал шестьдесят пять тысяч.

— Отлично, — ответил он. — Завтра утром получишь последнюю главу.

После чего оставалось прошить всю рукопись вместе с двумя листами картона, напечатать наклейку с названием книги, именем автора, адресом и количеством слов и аккуратно завернуть в бандерольную бумагу. По совету Ларри мы адресовали бандероль Элану Принглю в «Фейбер энд Фейбер», приложив записку, поясняющую — кто отправитель, и доверили ее почтовому ведомству Ее Величества. К этому времени оба мы настолько устали от всех трудов, что мечтали только выспаться и забыть обо всем, тем более что Ларри предупредил нас — пройдет не одна неделя, прежде чем издатели пришлют какой-то ответ.

В это время Дарреллу были предложены на выбор два места работы — в Управлении охотничьего хозяйства Уганды и в Хартумском музее в Судане. Книга — книгой, а Джерри на всякий случай побывал на собеседованиях и сразу отверг второе предложение, так как не мог выезжать вместе со мной в Судан на два года, а то и больше. Угандийское предложение выглядело куда заманчивее, и он настроился принять его. Однако

тут к власти вернулись консерваторы, настроенные всячески сокращать расходы, и должность в Уганде мигом упразднили. Джерри был в ярости, но я весело возразила — неужели он согласится стать егерем в дебрях Уганды, если преуспеет на писательском поприще?

— Не в этом дело, — заявил он. — Еще неизвестно, возьмут ли мою книгу, и даже если возьмут — много ли заплатят.

— Ну что ж, посмотрим, — бодро отозвалась я.

Ответ пришел через месяц, издательство сообщало, что рукопись очень понравилась, и приглашало Джерри в Лондон для переговоров. Непростой вопрос — у нас по-прежнему было худо с деньгами. Джерри не располагал фотографиями экзотических зверей, о которых рассказывалось в книге, а предстояло решать проблему иллюстраций. В конце концов издательство вызвалось заказать рисунки одному швейцарскому художнику и через полтора месяца после получения рукописи согласилось также взять на себя защиту авторских прав и выплатить нам аванс — сто фунтов (пятьдесят при подписании договора и еще пятьдесят три месяца спустя). На календаре был апрель 1952 года.

Нам еще предстояло как-то кормиться в ожидании выхода книги, и воодушевленный новым успехом Даррелл написал несколько статей для разных журналов и два текста для радио. Тем не менее наше материальное положение оставалось отчаянным. Нам не давала покоя мысль о том, что Ларри, возможно, напрасно уговаривал нас не связываться с литературными агентами, и кончилось тем, что мы решили обратиться за советом именно к его агенту — Спенсеру Кертису Брауну.

Естественно, сперва мы написали письмо, рассказывая, что нами сделано до сих пор, и прося его прочитать книгу. Мистер Кертис Браун ответил незамедлительно, что хотел бы прочесть рукопись. Мы обратились в

«Фейбер энд Фейбер» с просьбой направить ему корректуру. Через несколько дней пришло новое письмо: мистер Кертис предлагал Джерри приехать в Лондон и повидаться с ним. Мы снова вторглись в обитель Лесли, чтобы воспользоваться его телефоном. У нас не было денег на поездку в Лондон, о чем я и велела Джерри сообщить Кертису Брауну. Вся семья с тревогой ждала в гостиной, чем закончится разговор Джерри с агентом.

— Вы только подумайте! — воскликнул он, врываясь к нам.

— Ему так не терпится познакомиться со мной, что он согласен прислать денег на дорогу.

Фантастика! Впервые мы получили конкретное свидетельство того, что кто-то верит в способности Джерри. И мы в самом деле получили по почте чек на целых сто двадцать фунтов, чего хватило бы с лихвой не только на дорогу. Получили от человека, принадлежащего к ненавистному братству литературных агентов и не заработавшего на писаниях Джерри ни одного пенса.

— Какой же я был дурак, — стонал Джерри, — что позволил Ларри отоваривать меня. У меня явно было что-то с мозгами, но теперь я буду умнее и не повторю ошибки, даже если Кертис Браун не захочет заниматься моими делами.

Даррелл настаивал на том, чтобы я поехала с ним в Лондон.

— Сама знаешь, — твердил он, — я всегда забываю все, что мне говорят. Честное слово, я способен забыть, как его звать.

После восемнадцати месяцев в тесной комнатухе в Борнмуте я была только счастлива побывать в Лондоне.

— Позволим себе такую роскошь, возьмем такси. Мы ведь не знаем, где находится Генриетта-стрит, и нехорошо опаздывать на встречу с нашим благодетелем.

Контора Кертиса Брауна помещалась тогда в причудливом старинном здании по соседству с рынком Ко-

вент-Гарден, и сам он — с рыжеватой шевелюрой и гусарскими усами — сидел в просторном светлом кабинете.

— Рад видеть вас обоих. Итак, обсудим наши проблемы.

Было очевидно, что книга ему очень нравится и он считает, что при правильном подходе она принесет изрядный доход.

— Если «Фейбер энд Фейбер» еще не оформляли права в Америке, — сказал он, — может быть, вы позволите мне показать вашу рукопись одному моему американскому другу, с которым я обедаю сегодня? Разумеется, без согласия «Фейбер энд Фейбер» я ничего не стану предпринимать. Одним словом, дружище, пожалуйста на меня, и я постараюсь что-нибудь сделать.

Мы стали благодарить его за чек, но он только отмахнулся.

— Пустяки...

По возвращении в Борнмут я свалилась с зверским гриппом. На душе было отвратительно, я ненавидела весь свет. От мрачных размышлений меня отвлекли чьи-то торопливые шаги на лестнице. Дверь распахнулась, в комнату ворвался Джерри.

— Вот лекарство, от которого тебе сразу станет лучше, — сказал он, протягивая мне телеграмму.

**«ПРОДАЛ АМЕРИКАНСКИЕ ПРАВА
АВАНС ПЯТЬСОТ ФУНТОВ ПОЗДРАВЛЯЮ СПЕНСЕР».**

Лед тронулся.

Глава третья

Поощряемый Спенсером Кертисом Брауном, Даррелл сел писать вторую книгу, посвященную путешествию в Британскую Гвиану. Спенсер весьма разумно посоветовал Джерри подготовить ее, не дожидаясь выхода «Перегруженного ковчега», дескать, если первая книга станет пользоваться успехом, психологически очень кстати сразу предложить издателю следующую. Мы все понимали, что в силу первого договора новую книгу надлежит показать «Фейбер энд Фейбер», но были твердо намерены запросить более щедрый аванс.

Пока что все складывалось для нас благополучно, после двух лет скудости, когда приходилось считать каждый пенс, мы могли немного вздохнуть. Новая книга — «Три билета до Эдвенчер» — получилась очень веселой, мне даже показалось, что в ней слишком много школярского юмора, но Спенсеру она понравилась, и

на этот раз мы уговорили одного нашего друга перепечатать рукопись для нас, так что я была избавлена от возни с липкой лентой. Джерри вновь перешел на ночной образ жизни, машинка отлично поспевала за ним, и книга была готова через полтора месяца. Обретенная нами уверенность в себе упрочилась, когда «Перегруженный ковчег» был отобран для популярного серийного издания, а газета «Дейли мейл» назвала его книгой месяца. Перед тем «Фейбер энд Фейбер» отказались заплатить за «Три билета» аванс в сумме, которую называл Спенсер, зато горячий интерес к новой книге проявило издательство «Харт-Дейвис». «Фейберы» не захотели уступать, и возник спор — то ли выпустить книгу совместно, то ли отдать «Харт-Дейвису». Козыри второго перевесили, и так началось наше долгое счастливое сотрудничество с Рупертом Харт-Дейвисом и с Ральфом Томпсоном, который затем иллюстрировал почти все книги Джерри.

Осыпаемые деньгами (как нам казалось), мы могли теперь всерьез подумать о звероловной экспедиции. В знак особого расположения Джерри позволил мне выбирать страну. Почему-то меня всегда странным образом привлекала Аргентина, и я не стала долго раздумывать.

Даррелл, само собой, бредил Южной Америкой, собирался включить в наш маршрут и Чили, и, если получится, Парагвай. Братец Ларри предупредил нас, что все южноамериканские планы надлежит обсуждать на высшем дипломатическом уровне, особенно в отношении Аргентины; по своему пребыванию там в роли сотрудника британской консульской службы он хорошо знал пристрастие латиноамериканцев к бюрократии.

— Тебе представляется отличный случай познать, как следует готовиться к такой экспедиции,— заявил

мне Джерри.— И на твою долю выпадает привилегия писать необходимые письма.

— Спасибо,— сказала я.— Премного благодарна.

Помимо приготовлений к новому путешествию Джерри был занят писанием своей третьей книги — «Гончие Бафута», ибо, как заметил Спенсер, вряд ли он будет настроен писать сразу по возвращении из долгого странствия, а издательство «Харт-Дейвис» настроилось регулярно удовлетворять спрос на книги Даррелла, которые сулили нам верный приток денежек.

Словом, хлопот прибавилось. Тут и писание новой книги, и организация новой экспедиции, и куча всяких других дел, так что даже мне стало ясно — сами мы со всем не управимся, нам нужен секретарь. Но где найти человека настолько несмышленного, что он захочет связываться с нами? Один наш русский друг протянул руку помощи.

— Я знаю женщину, которая руководит секретарскими курсами. К ней часто приходят бывшие секретарши, чтобы попрактиковаться в стенографии, и я помню, что многие из них справляются насчет работы.

— Я не желаю иметь дело с какой-нибудь пустоголовой молодой особой,— сказал Даррелл.— Мне нужна женщина постарше, знающая свое дело, готовая во все дни являться на работу и, что еще важнее, способная приноровиться к моим причудам. Одним словом — святая¹.

Через несколько дней зазвонил телефон.

— Джерри, кажется, я нашел тебе подходящего человека. Можешь ты сегодня зайти к одному моему другу, чтобы познакомиться с кандидаткой в секретарши?

— Разумеется,— ответил Джерри.

¹ Легкое недоразумение. На самом деле я предпочел бы привлечь стройную блондинку, способную разделить чувства человека, состоящего в несчастливом браке. Увы... Дж. Д.

Час спустя он вернулся из разведки в приподнятом настроении.

— Ну так, похоже, у нас будет то, что надо. Ей около сорока, она тихая, даже застенчивая, кажется, иностранка, вероятно, беженка. Как бы то ни было, завтра она зайдет, мы договорились о трехдневном испытательном сроке, она сама это предложила, дескать, не уверена, что оправдает наши ожидания. Лично я считаю ее очаровательной особой, и, по-моему, она скромничает, говоря о своих способностях.

— Она что же, должна работать в этой комнате? — спросила я. — Она с ума сойдет.

— Нет-нет, все в порядке. Я договорился с Марго — она будет работать в свободной комнате рядом, во всяком случае, до конца недели, когда въедут новые жильцы.

— Ну что ж, неплохая идея — постепенно вводить ее в курс дела, — рассмеялась я. — Прежде чем сталкивать человека с батареей пустых бутылок и горами спитого чая в нашем жилище.

Мне не терпелось увидеть женщину, у которой стало отваги согласиться работать с Дарреллом, однако ни он сам, ни я по-настоящему не знали, что нас ожидает. Софи была среднего роста, с шапкой темных кудрей, белой кожей и на диво спокойным выражением лица. Джерри тщательно объяснил ей, как следует перепечатать рукопись, сколько экземпляров понадобится, и мы оставили ее трудиться, лишь изредка заглядывая, чтобы спросить, не желает ли она выпить чашку чаю.

— По-моему, она просто прелесть, — заключила я. — И если она сможет выносить нас, лучшего секретаря нелзя и пожелать.

Судя по всему, работа очень понравилась Софи, тем не менее она стояла на том, чтобы условие об испытательном сроке было соблюдено. Обнаружив на другое

утро, что ей придется работать в нашей крохотной комнатухе, поскольку новые жильцы вселились в соседнюю комнату на два дня раньше, чем предполагалось, Софи слегка опешила.

«Ну вот, — подумала я, — теперь уж точно откажется».

— Я тут попробовала расчистить место для вас, — сказала я, убирая поднос с чаем и пепельницы с окурками, — но если этого будет мало, можете спокойно продолжить этот процесс, поскольку Джерри всегда уверяет, что точно знает, где что находится¹.

Софи спокойно обозрела комнату, больше всего напоминающую городскую свалку. Помимо обычного мусора, кругом валялись различные предметы снаряжения, и войти к нам было не так-то просто из-за нагроможденных на лестничной площадке коробок и ящиков.

— Если что понадобится, постучите по полу, я буду на кухне готовить ленч. — С этими словами я живо удалась, оставив ее наедине с очередным эпосом Даррелла.

Много позже Софи поведала мне, что ей чрезвычайно понравилась такая перемена обстановки, она чувствовала себя легко и просто среди полного сумбура. Сдается мне, Софи даже не подозревала, как все в доме страдают ей — все, кроме Даррелла, который полагал, что лучшей практики не придумать для секретарши, чтобы знала, с кем имеет дело.

Когда истек трехдневный срок, мы ни за что не хотели расставаться с ней, и, к счастью, Софи согласилась остаться, если ей будет позволено сочетать работу у нас с другими, важными для нее делами. Она объяснила, смущаясь, что занята поисками жилья для своей престарелой матери и брата. Их дом в Эссексе

¹ Хотя до той поры это стоило мне огромных усилий, я все же ухитрился кое-как помнить, где что лежит. Комбинация Джеки-Софи все перевернула. Наступило то, что я называю началом конца. Дж. Д.

уже продан, поэтому так важно найти новый. Естественно, нам было все равно, как она станет распределять свое время, лишь бы работа была сделана, пусть приходит и уходит, когда ей удобно. Далее последовали одни из самых трудных переговоров в моей жизни. Честное слово, я никогда не видела человека, так безразлично относящегося к деньгам, и мне стоило величайшего труда уговорить Софи получать жалованье, обеспечивающее прожиточный минимум¹.

Она по сей день не изменилась, что весьма осложняет мне жизнь, и не хочет понять мои терзания. Мы очень быстро осознали, как нам повезло. Милейший человек, она постоянно удивляла нас самыми неожиданными поступками. Так, вернувшись однажды из трехдневной поездки в Лондон, мы обнаружили, что наша комната сияет чистотой. В пишущую машинку была вставлена записка:

«Дорогой босс, управившись с работой, я решила сделать вам приятный сюрприз. Надеюсь, вы без труда найдете все, что вам нужно. *Софи Кук*».

Мы были потрясены, и Даррелл, как и следовало ожидать, набросился на родичей, допытываясь, как они позволили его секретарю заниматься уборкой, что отнюдь не входит в ее обязанности.

— Не дури, милый, — сказала миссис Даррелл, — как я могла ей помешать? И вообще, ты должен быть рад, что она так обо всем заботится.

А я мучилась угрызениями совести и поклялась себе, что постараюсь держать наше гнездышко в относительной чистоте, чтобы бедняжка Софи не чувствовала себя обязанной наводить порядок, как только мы отвернемся. При первом же ее появлении Джерри решительно за-

¹ Джеки отвергла предложенный мной простейший выход из затруднительного положения: попросить Софи работать даром. Дж. Д.

явил, что мы, конечно, ценим ее доброту, но впредь она ни в коем случае не должна делать ничего подобного.

— Но почему, Джерри? — спросила Софи. — Мне ничего было печатать, и я вдруг подумала, как приятно вам будет вернуться в чистую комнату. Всего-то немного времени понадобилось, и мне это только доставило удовольствие.

— Но смотри, чтобы это не вошло у тебя в привычку. Это было очень мило с твоей стороны, но я нанимал секретаршу, а не уборщицу.

— Ничего не поделаешь, Джерри, я не способна сидеть без дела и даром получать жалованье. Не берите в голову, дорогие, придется вам привыкать ко мне.

С той поры и вплоть до нашего отъезда в Аргентину Софи играла важнейшую роль в нашей жизни, мне даже трудно представить себе, как мы обходились без нее. Ее восхитительное чувство юмора, доходившее подчас до гротеска, вносило оживление и помогало разрядить напряженную атмосферу, в которой проходила наша трудовая деятельность. Она вспоминала потрясающие эпизоды своей охоты за жильем, как она во всех углах искала следы точильщика и гнили; мы представляли себе, как ее страшатся агенты по торговле недвижимостью... Бедная мать Софи предавалась отчаянию у себя в Эссексе, и мы уже потеряли надежду, что дочь когда-либо найдет что-нибудь подходящее, но все же настал наконец день, когда она объявила, что подыскала дом. Правда, не совсем то, чего она желала, но сойдет и этот.

Тем временем повсюду разворачивались наши приготовления к отъезду, и мы не уставали удивляться любезности совершенно незнакомых людей. Таких, как посол Аргентины, доктор Дериси, как персонал аргентинского консульства в Лондоне, сотрудники Британского совета и Министерства иностранных дел; все старались как-то помочь нам. Вопреки всем ожиданиям нам уда-

лось найти пароход, капитан которого согласился везти нас через океан за смехотворно низкую цену, что должно было сразу насторожить нас, но мы были слишком поглощены мыслями о том, что станем делать по прибытии на место. Даррелл был особенно озабочен тем, чтобы я получила удовольствие от предстоящего вояжа; во-первых, я еще никогда не выезжала за пределы Европы, во-вторых, у нас не было медового месяца, и он надеялся, что экспедиция заменит нам свадебное путешествие.

Пока же мы были по горло заняты писанием писем, подготовкой рукописи «Гончих Бафута» для окончательной перепечатки, вылазками в Лондон для посещения различных учреждений, закупкой снаряжения, а заодно и приобретением надлежащей экипировки, что составляло особую проблему, поскольку мы, как значилось в наших паспортах, отправлялись за рубеж с «официальной миссией», а это означало, что нам предстоит посещать официальные мероприятия, требующие респектабельного вида. Марго пришла на выручку, сшила мне вечерние и более строгие платья, и я была ей бесконечно благодарна, хотя мне отнюдь не доставляло удовольствия тратить драгоценное время на покупку ткани и выкроек и подолгу стоять в одной позе для примерки и подгонки готовой продукции. Я никогда не придавала большого значения одежде и если всегда ухитрялась в нужный момент выглядеть вполне прилично одетой, то исключительно благодаря игре случая¹. Куда интереснее

¹ Представление моей супруги о том, что значит «в нужный момент выглядеть прилично одетой», сильно варьируется. В тех чрезвычайно редких случаях, когда мне удастся вывести ее в свет, начиная от инвеституры, кончая простой вечеринкой, она полагает, что идеальное облачение — блеклые джинсы, непомерной величины свитер и туфли, из которых застенчиво выглядывают пальцы ног. Иногда я с великим трудом ухитряюсь втискивать ее в вечернее платье, однако всякий раз это требовало таких физических усилий, что с возрастом я все реже отваживаюсь на такие операции. *Дж. Д.*

было заниматься подготовкой экспедиционного снаряжения. Так, мы заказали специальные сети для ловли животных, одна лондонская фирма изготовила для нас особые горшочки для кормления колибри; целая армия наших друзей рыскала по аптекам и зоомагазинам в поисках бутылочек и сосок для кормления детенышей. Никто не остался без дела — не то, так другое, включая поиски на чердаках давно забытых ящиков и чемоданов, которые могли служить нам тарой. Сколько дружеских уз подверглись непосильным испытаниям... Наша комната уподобилась лавке старьевщика, и бедняжке Софи стоило немалого труда протискиваться внутрь по утрам, не говоря уже о том, чтобы пробраться к рабочему столу между здоровенными жестяными сундуками. Но она никогда не роптала и не ныла, стоически продолжая печатать и готовить чай — еще одна функция, которую она себе присвоила.

В это время возник наш врач с длинным списком прививок, без которых нам не следовало ступить на землю Южной Америки.

— Неужели все это необходимо? — взмолилась я.

— Может быть, и не все, — он покачал головой, — но у меня с вами и так достаточно хлопот, не хватало, чтобы вы приползли оттуда с какой-нибудь скверной тропической заразой. Вам необходимы прививки от оспы, столбняка, холеры, дифтерии, желтой лихорадки, тифа, брюшного тифа — всего и не припомню, так что давайте-ка лучше позвоните моей секретарше, она назначит вам время.

По правде сказать, большинство уколов я перенесла легко, но прививку от тифа явно изобрели какие-нибудь садисты, чтобы принудить ни в чем не повинных, несчастных кандидатов в путешественники сидеть дома и не высовываться. В жизни не чувствовала себя так отвратительно... Даррелл, который, естественно, проходил

через все это раньше, утешал меня тем, что мои муки окупятся; дескать, только представь себе, какова сама болезнь, если так тяжело переносится прививка. Невелико утешение, когда ваша голова раскалывается, а бедная левая рука отчаянно болит и совсем не двигается. К счастью, всем этим прелестям пришел конец, причем я уверена, что наш врач очень страдал от того, что его возможности мучить нас были ограничены. Непременно следует ввести золотое правило — ни в коем случае не заводить дружбу с врачом, ибо он способен повести себя самым коварным образом.

Основную часть багажа мы отправили вперед, что помогло отчасти расчистить площадь нашей комнаты, освободить место для укладки личного имущества. Помогло также навести относительный порядок — не нам, конечно, а Софи, потому что стоило нам на минутку отвернуться, как она начинала рыскать по комнате, сжимая в руках метлу и совок, чтобы, выражаясь ее словами, «расчистить тропу в мой уголок».

— Слава Богу, что у меня хоть есть теперь в заделе одна книга, — вздыхал Джерри.

Мне представлялось разумным, прежде чем заканчивать упаковку личного багажа, осведомиться в транспортном агентстве, придется ли нам переодеваться к обеду на борту пассажирского парохода, ибо мне не улыбалось забираться в трюм за нужными вещами. Сотрудник агентства заверил нас, что мы вполне обойдемся без вечерних туалетов.

— И слава Богу, — заметил Даррелл, — ненавижу эти плавающие отели.

Ровно за двадцать четыре часа до отплытия мы получили письмо от пароходства, которое напоминало нам, что мы плывем в обществе испанских и португальских иммигрантов, а потому будем вместе с ними пользоваться местами общего пользования — такими,

как уборные, столовые и пассажирские салоны. Во избежание каких-либо нежелательных последствий нам предполагалось подписать соответствующую бумагу, снимающую с пароходства всякую ответственность. Даррелл в ярости кинулся к телефону. Учтивый голос в трубке сообщил ему, что так у них заведено, они уже доставили в Аргентину множество пассажиров, и не было ни одной жалобы. Выслушав все уверения, Даррелл подписал бумагу и вернул ее в контору пароходства, однако мы не без содрогания думали о том, что нам предстоит.

— Сами виноваты, — произнес со стоном Даррелл. — Надо было обратиться к фирме, чьими услугами я всегда пользовался, а не полагаться на незнакомую компанию. Ладно, теперь уже поздно, постараемся как-нибудь выжить.

С великой грустью мы прощались с Софи, которая успела стать неотъемлемой частью нашей маленькой семьи. Она тоже жалела, что приходится расставаться, предпочла бы поехать вместе с нами. И заверила, что если будет свободна, когда мы вернемся, непременно продолжит работу у нас.

Вся семья провожала нас на Центральном вокзале в Борнмуте, и я не без печали покидала город, который больше трех лет был моим домом. В Лондоне мы пересели на поезд, идущий в порт, с огорчением отметили, что от наших попутчиков веет холодом, но утешились мыслью, что они, несомненно, еще оттают на солнышке.

В Тилбери нас без промедления провели от поезда через туннель к пароходу, где пассажиров встречал симпатичный молодой вахтенный помощник капитана. Даррелл предъявил наши билеты, и нас позабавила реакция помощника, когда он увидел, что мы путешествуем туристским классом.

— Простите, сэр, боюсь, вам не к этому трапу, а вон туда, — сказал он, показывая куда-то в самый конец железной громадины, где с палубы на пристань спускались простые деревянные сходни.

Поблагодарив его, мы стали пробираться между тро-сами и кнехтами, а когда дошли до сходней, не обна-ружили никого, кто мог бы объяснить нам, куда сле-довать дальше. На палубе увидели укрывшегося в две-рях от дождя стюарда и с тревогой убедились, что он ни бумбум по-английски. Тем не менее Даррелл пома-хал у него перед носом нашими билетами, и они, оче-видно, что-то сказали этому бездельнику, потому что он жестом предложил следовать за ним. Мы вошли в унылый темный салон с второй дверью в дальнем конце и беспорядочно расставленными, как в пивной, столами и стульями. За одним столом сидел небольшого роста чернявый деятель, который, изучив наши билеты, велел стюарду проводить нас вниз по трапу справа. Мы не увидели на лице деятеля ни тени улыбки, никаких при-знаков интереса, только выражение смертельной уста-лости. В конце концов, одолев лабиринт коридоров, мы достигли нашей каюты и с ужасом обнаружили, что она больше всего походит на вместительный гроб. Ни-каких иллюминаторов, двухэтажная койка, крохотный стол и минимум свободной площади.

— Черт знает что! — разбушевался Даррелл. — Сей-час же пойду к помощнику капитана и потребую, чтобы нас перевели отсюда, сколько бы это ни стоило. А когда вернусь в Англию, сниму шкуру с того типа в транс-портном агентстве.

Я осталась ждать в «каюте», а Даррелл ринулся ра-зыскивать помощника. Тем временем дверь каюты на-против отворилась, и оттуда вышла пожилая седовласая дама с термосом в руках. Я вкрадчиво улыбнулась и поздоровалась. Она тоже поздоровалась и представилась:

— Миссис Пирс. Мы с мужем возвращаемся в Буэнос-Айрес.

Я поспешила в свою очередь представиться и сказала, как мы потрясены видом своей обители.

— Не говорите, дорогая. Когда плывешь сюда, еще куда ни шло, потому что в эту сторону не везут иммигрантов, но обратный путь ужасен. Поверьте, мы ни за что не согласились бы путешествовать вот так, но мой бедный супруг — пенсионер, бывший железнодорожник, и билет на хороший пароход стоит куда дороже. Но вы-то почему едете этим классом? Вас не предупредили в транспортном агентстве?

Я рассказала ей, как любезный сотрудник, с которым мы имели дело, расхваливал этот пароход и его удобства, уверил нас, что еще не получал ни одной жалобы от своих клиентов. Миссис Пирс широко улыбнулась.

— Милая девочка, жалоб хватает каждый раз, не столько из-за несчастных иммигрантов, которым все равно, сколько из-за тараканов, из-за обстановки в салоне, где, кстати, подают только пиво, и отвратительной пищи, но хоть бы кто обратил внимание. Вы еще не видели, где приходится спать этим беднякам иммигрантам. Животных так не перевозят, можно подумать, что вернулись времена работяг¹.

В эту минуту возвратился Даррелл, и лицо его выражало крайнее уныние.

— Извини, Джеки, но все билеты на этот чертов пароход проданы, так что нам придется остаться здесь. Но мне обещали дать знать, если кто-то вернет билет. Надо же мне было свалить дурака и верить тому типу в агентстве.

¹ Чистая правда. Нет слов, чтобы описать, как обращались с иммигрантами. Сходство с работягой бросалось в глаза, только кандалов не хватало. Полагаю — всей душой надеюсь! — что ныне такая практика прекращена. Д. Д.

Миссис Пирс еще не ушла, я извинилась перед ней и представила Джерри.

— Я понимаю, как вы разочарованы,— сказала она,— но на борту есть несколько англо-аргентинцев, и мы постараемся скрасить вам плавание. К тому же нам предстоят интересные заходы, кое-где будем стоять по два дня, это внесет какое-то разнообразие. Жаль, конечно, что в отличие от нас вам досталась каюта без иллюминатора, так что у вас порой будет очень жарко, но, может быть, в пути кто-нибудь сойдет и вы сможете поменять каюту.

С этими словами она извинилась и ушла, предоставив нам ломать голову над тем, как разместить наши личные вещи.

— Придется отнести все в багажное отделение,— заключил Даррелл.

— Но как же мы сможем, когда понадобится, доставать одежду?

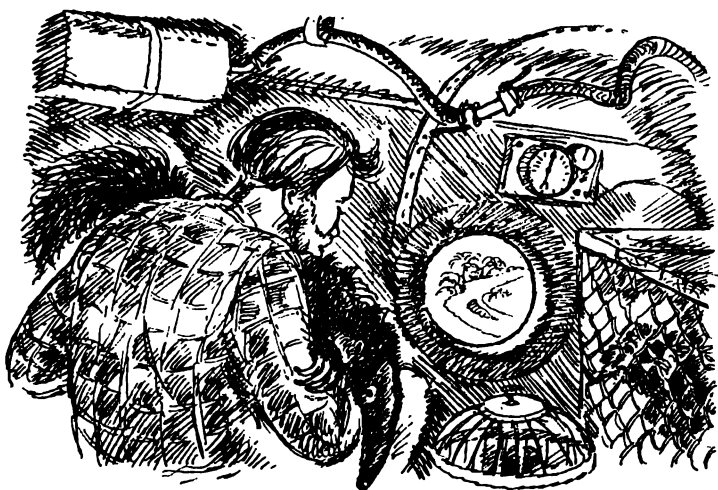
— Тогда и придумаем что-нибудь, а сейчас давай решим, какие чемоданы нам нужны в первую очередь.

С великим трудом, преодолевая сопротивление нашего стюарда, мы переместили большую часть вещей, после чего попытались как-то разместиться в каюте.

Несколько лет спустя мне довелось встретиться с бывшими военнослужащими, на чью долю выпало сомнительное удовольствие в годы войны плавать именно на этом пароходе, и все они дружно выражали свое сочувствие, когда я описывала прелести нашего путешествия. Их удивляло только одно: как это «чертово судно» все еще держится на плаву.

— Не иначе тараканы не дают ему утонуть,— заметил один из них.

По чести, у меня от всего нашего плавания до Буэнос-Айреса остались в памяти только приятные вещи.

Все пассажиры, с кем мы общались, были совершенно очаровательные люди, даже те, чьего языка мы не понимали; особенно запомнился веселый эпизод в столовой, когда могучего сложения стюард-испанец с гомосексуальными наклонностями решил поухаживать за Джерри. Давясь от смеха, один наш говорящий по-испански попутчик попытался объяснить любвеобильному господину, что Джерри к нему равнодушен, больше того, англичанин женат, и вот его жена рядом. Однако стюард отказывался этому верить, дескать, у сеньора нет обручального кольца, стало быть, его никак нельзя считать женатым. После долгих уговоров стюард решил, что Джерри просто упрямится. Были потешные сцены и в уборных, особенно в женских, куда постоянно наведывались неграмотные иммигранты мужского пола, которые норовили утащить все сиденья с унитазов, очевидно полагая, что они годятся на красивые рамки для фотографий. В итоге до конца плавания сиденья так и не появлялись.

Еще одной дивной привычкой наших испанских и португальских друзей было разбрасывание на палубе апельсиновых корок и прочего мусора, коему по правилам надлежало отправляться за борт. Пользоваться ванными было невозможно — они вечно выглядели так, точно в них только что искупался линяющий медведь-гризли.

Несмотря на эти мелкие изъязны, нам было очень весело в компании с нашими попутчиками. Каждый вечер они пели под гитару и танцевали, и мы отлично ладили, хотя не понимали друг друга. Теперь я понимаю, что мне представился отличный случай познать испанский и португальский темперамент; заодно я выучила несколько обиходных испанских фраз, что нам очень пригодилось, когда мы покинули пределы Буэнос-Айреса. Словом, я чувствовала себя великолепно, но бедный Даррелл не устал жаловаться на скверную каюту и отвратительное питание.

Мы побывали в чудесных местах — рыбный порт Виго в Испании; красавец Лиссабон с его старинными зданиями и небесно-синей черепицей; Канарские острова с их корабейниками и дешевым испанским бренди; Ресифе в Северной Бразилии, с потрескавшимися небоскребами в окружении буйной ползучей флоры и с множеством красивейших женщин; Рио с его мозаичными мостовыми, настырным визгом автомобильных гудков и диковинной горой, напоминающей сахарную голову; кофейный порт Сантос — ворота величественного Сан-Паулу, самого большого (тогда) города Бразилии; убогий и приветливый Монтевидео с могилой «Графа Шпее»; оттуда — вверх по грязной Рио-де-ла-Плата к возвышающимся над утренней дымкой очертаниям зданий Буэнос-Айреса, где наступил конец терзаниям Даррелла.

В разгар прощания с Пирсами в коридоре перед нашими каютами нас грубо прервал раскрасневшийся мо-

лодой член команды, за которым следовал по пятам элегантно одетый мужчина, похожий на американскую кинозвезду Адольфа Менжу.

— Джордж Гиббс из британского посольства,— представился «Менжу».— Мне поручено помочь вам пройти через таможенную и отвезти вас на квартиру миссис Гринслет. Не так-то просто было найти вас,— продолжал он, смеясь.— Наверху, в первом классе, никто даже не знал, что вы находитесь на борту.

— Охотно верю,— кисло ответил Джерри.— Все, что происходит ниже первого класса, ничуть не интересует команду. И все-таки я предпочитаю наших здешних попутчиков паскудным обитателям первого класса, с которыми мы сталкивались во время заходов.

Гиббс понимающе улыбнулся:

— Хорошо, рассказывайте, какой у вас багаж, кроме того, что в трюме?

Наше уважение мистером Гиббсом чрезвычайно возросло, когда мы увидели, с какой легкостью он провел нас с нашим имуществом через таможенную, меж тем как остальные пассажиры были заняты горячими дискуссиями с таможенниками в белой форме. Из порта нас быстро провезли по обсаженным деревьями красивым улицам Буэнос-Айреса и поселили в чудесной квартире миссис Гринслет с видом на гавань. Добрейшая хозяйка состояла в дружбе с Ларри Дарреллом и весьма неразумно вызвалась принять нас у себя, когда мы прибудем, о чем у нее было предостаточно поводов жалеть впоследствии. А еще Ларри снабдил нас целым списком людей, с которыми нам следовало связаться, и главное место среди них занимала некая сеньора Бебита Феррейра.

— Вы просто обязаны познакомиться с этой милейшей женщиной и передать, что я буду любить ее до

гроба,— сказал он.— Она спасла мой рассудок в Аргентине.

После таких слов нам оставалось только подчиниться. Когда Джерри позвонил Бебите Феррейре, она пригласила нас к себе на ленч. В ту пору, в 1954 году, такси относилось к числу наиболее неуловимых предметов, и мы скоро усвоили, что надо либо ждать свободную машину полчаса, либо следовать пешком к месту назначения. Правда, на этот раз нам повезло, мы прождали всего четверть часа и на весьма ломаном испанском языке попросили отвезти нас в Калль-Посадос. Квартира Феррейры стала для нас спасительным прибежищем на те восемь месяцев, что мы провели в Южной Америке, а сама Бебита — нашим ангелом-хранителем, буквально творившим чудеса. Ей ничего не стоило найти пристанище для коллекции зверей или уговорить сердитого таксиста подвезти шестерку черношеих лебедей. Для нее не существовало невыполнимых задач, и к кому бы она ни обращалась, все это были прелестные, кроткие, милые люди — во всяком случае, в общении с ней.

Квартира сеньоры Феррейры была восхитительна — тихая и прохладная, и хозяйка явно заботилась о том, чтобы все вкусы гостей были удовлетворены — кругом лежали журналы и книги о современном искусстве, литературе, музыке, балете, а в маленькой гостиной стоял рояль, на котором были разложены ноты. Но больше всего наше внимание привлек висящий на одной стене большой портрет удивительно красивой женщины в роскошной шляпе с перьями, сидящей перед роялем.

— Уверена — это не она, — сказала я.

— Почему же, — возразил Джерри. — Была такой когда-то, только не теперь.

В эту минуту появилась сеньора Феррейра — еще краше своего изображения.

— Я Б-б-бевита Феррейра, счастлива видеть вас. Ларри мне столько рассказывал про вас, Джерри, когда служил здесь в представительстве Британского совета.

— Извините, что мы к вам вторгаемся,— ответил Джерри,— но Ларри настаивал на том, чтобы мы зашли.

— Ну-н-ну конечно. Я была бы очень обижена, если бы вы не появились у меня. Как поживает душка Ларри?

— Просил передать, что будет любить вас до гроба и надеется скоро увидеть вас в Европе.

— Пошли, дети, идем к столу, и вообще приходите сюда в любое время, я охотно помогу вам всем, чем смогу.

Наши планы включали посещение Чили, чтобы добыть там кое-каких птиц для коллекции Питера Скотта в Слимбридже, но все тот же услужливый деятель из транспортного агентства не удосужился предупредить, что мы окажемся в Южной Америке в разгар отпусков, когда невозможно купить билеты на самолет. Негодующий Даррелл излил свою душу Бебите.

— А куда еще вы хотели бы попасть, Джерри?

— Ну, при нынешнем положении дел это может быть непросто, но хотелось бы выбраться в Парагвай и попытаться поймать гигантского броненосца.

— Возможно, кое-что удастся сделать,— улыбнулась Бебита.— Завтра я переговорю с моим братом, Боем, потом позвоню вам.

А пока один из друзей Джерри — Иэн Гибсон пригласил нас погостить на ферме своего родича в пригороде, в нескольких километрах от Буэнос-Айреса. Старинная усадьба «Лос Инглесес» располагается в чудесном уголке; по слухам, именно здесь останавливался известный натуралист У.-Г. Гудзон, когда собирал материал для своего знаменитого труда о птицах реки Ла-Плата. Семейство Бутов, очаровательные люди,

встретили нас очень тепло и вскоре стали принимать живейшее участие в отлове зверей. Мне очень повезло, что именно им я обязана настоящим знакомством с аргентинскими пампасами, и во многом благодаря Бутам я полюбила эту страну. Пастбища фермы простирались на много километров, чередуясь с озерами, окаймленными серебристой пампасной травой и кустами деревьев и кустов. На территории, прилегающей к дому, были посажены тополя, эвкалипты и сосны, вечно шуршащие на легком ветерке, неотъемлемой части аргентинской природы. Сам дом представлял собой гасиенду в испанском стиле, с каменными полами, керосиновым освещением и самой простой мебелью. Нам предложили спальню с огромной кроватью, маленьким комодом, двумя стульями и туалетным столиком.

За несколько дней, проведенных там, мы скоро обзавелись причудливым собранием обитающих в округе диких животных, от броненосцев до птенца паламедеи, которого мы прозвали Эгбертом. Он смахивал на небрежно изготовленную мягкую детскую игрушку, покрытую темно-желтым пухом от выпуклой головы до ярко-красных ног. Эгберт обладал яркими круглыми глазами, длинным любопытным клювом и парой непомерно больших для детеныша лап, которые совершенно не слушались его. Когда он бродил по саду, ноги по собственной прихоти распоряжались своим незадачливым хозяином, который принимался жалобно кричать, когда они заводили его в какие-нибудь дебри. Мы все обожали Эгберта, однако у нас возникла жуткая проблема, потому что никак не могли подобрать ему пищу по вкусу. Одна из дочерей хозяина, Элизабет, предложила выпустить его в огород, весьма разумно полагая, что он сам сообразит, какая зелень ему годится. Эгберт храбро затопал по грядкам, проверяя клювом на ходу

капусту, морковь, лук, наконец забрался, попискивая, в гущу шпината и остановился.

— Победа! — воскликнул Даррелл, однако Эгберт не спешил приниматься за еду.

— Знаешь, — сказала я, — даже такой тупице, как я, очевидно — если птенцы паламедеи кормятся тем, что для них отрывают родители, нам остается действовать соответственно. Ты рассказывал мне, что паламедеи питаются люцерной. Так вот, из маминого клюва она выходит в виде липкой кашицы. Почему бы нам не разжевать шпинат и проверить — вдруг ему понравится?

— Отличная идея, — отозвался Даррелл. — Но кто должен жевать шпинат? Боюсь, я для этого не гожусь.

— Это почему же?

— Я курю, и никотин может очень скверно подействовать на бедняжку.

— Ладно, — сказала я. — Попробую сама.

Я никогда не была великой любительницей шпината, а после тех славных дней мне противно смотреть на него в любом виде. Единственным утешением для моих ноющих челюстей явилось то, что Эгберту наш корм очень понравился и птенец поправлялся на глазах.

С неохотой покидали мы «Лос Инглесес» и Бутов, когда пришло время везти наш смешанный набор тварей в столицу.

— Послушай, милый Джерри, а где мы будем держать всех этих животных, пока не представится возможность отправить их самолетом в Англию?

— Не беспокойся, я обращусь в посольство к мистеру Гибсу, а если он не сможет помочь, придумаю что-нибудь еще¹.

¹ Не вижу ничего потешного в моем убеждении, что британские посольства учреждены в самых глухих уголках мира затем, чтобы помогать приезжающим звероловам. Из того факта, что большинство посольств не согласны со мной, ясно, почему я считаю необходимым серьезный пересмотр всей нашей внешней политики. Дж. Д.

Бедняга Джордж Гиббс был потрясен, услышав по телефону просьбу подыскать пристанище для диких зверей. Тем не менее он взялся опросить своих друзей, а меня вдруг осенило. Кто, как не Бебита, сумеет нас выручить!

— Предоставьте это мне, дети, и я позвоню вам через полчаса,— сказала она, когда мы обратились к ней.— Вечером жду вас к обеду, а пока не беспокойтесь, я отыщу вас.

Через полчаса она и впрямь позвонила:

— Я нашла подходящее место, дети. У одного моего друга есть гараж, где вы можете разместить своих животных. Записывайте адрес.

«Дом с гаражом» оказался большим роскошным особняком в одном из фешенебельных районов Буэнос-Айреса, но так или иначе наша проблема разрешилась, что дало повод для жарких прений в британском посольстве, ибо «друг» Бебиты оказался одним из самых богатых людей Аргентины. Подозреваю, ей пришлось крепко нажать на него, чтобы он согласился принять нас с нашей добычей.

Вечером за обедом Бебита рассказала, что еще один ее друг ждет нас в гости в свое поместье в Парагвае.

— Все очень просто: вы летите в Асунсьон, оттуда его личный самолет доставит вас в поместье Пуэрто-Касада, и можете там остановиться и ловить ваших обожаемых зверей. Тебя это устроит, Джерри?

Надо ли говорить, что мы были в восторге, однако нас смущало скверное знание испанского языка.

— Бебита, любовь моя, мы были бы счастливы отправиться в поместье твоего друга, но как мы справимся там без переводчика?

— Нет проблем, дети. Вы помните Рафаэля Сото — младшего сына моего друга-художника? Так вот, у него сейчас каникулы, я уже говорила с его матерью, и она рада

помочь, так что все в порядке. А теперь ешьте, все остывает.

И через несколько дней мы вылетели с Рафаэлем в Асунсьон, где нас ожидала страшная жара, сменив безбрежные пампасы Аргентины на болотистые районы и кактусы Парагвая. В пути мы испытали сомнительное удовольствие полета на одномоторном самолете, ведомом лихим бразильским пилотом, над Мату-Гросу. Впрочем, мы были вознаграждены зрелищем ландшафта с причудливыми плосковершинными горами вдалеке, и «Затерянный мир» Конан Дойля показался нам вполне реальным.

— Не хотел бы я совершить здесь посадку, — заметил Джерри. — Нас тут никогда не нашли бы.

Когда мы наконец приземлились на крохотном аэродроме, нас встретил довольно кислый субъект — управитель поместья, который отнюдь не был рад нашему появлению. Правда, ему было велено предоставить нам кров и стол, а также оказывать необходимую помощь, однако толковал он это распоряжение, увы, по своему разумению. Нас поместили в дряхлом бунгало в поселке при дубильне, составляющей основу владения Пуэрто-Касадо. В роли домоправительницы выступала тучная «мадам» Паула, которая, как быстро выяснил Рафаэль, владела местным домом свиданий.

— Вот и хорошо, Джерри, — заключил он. — Если нам что понадобится, обратимся к Пауле.

Рафаэль проявил незаурядный талант организатора. В этом краю был только один способ путешествовать — по извивающейся через топи странной узкоколейке на причудливых экипажах с мотором от форда. Кузова были установлены на железных колесах и лихо раскачивались со звоном на волнистых рельсах, соединяющих станции, где грузили растительное сырье для производства танина. Было очевидно, что от несчастных угнетенных индейцев, обитающих в Касадо, нам проку не

будет, остаётся катить по рельсам до конечной остановки, расставляя по пути ловушки в наиболее подходящих местах. Были среди тамошних зверей такие, которым мы вовсе не были рады и которые неотступно следовали за нами, а именно комары, огромные полосатые твари, целыми роями осаждавшие нас всюду, где мы по недомыслию делали остановки. Ничто не защищало наши бедные тела от их укусов. Они жалили даже через плотную ткань брюк; прихлопнешь дюжину — тут же на место убитых садятся другие. Истребляя ладонями эту пакость, я все время вспоминала веселое лицо нашего пилота, как он уверял, когда мы садились в самолет в Асунсьоне, что уже через неделю станем молить его, чтобы он отвез нас обратно в столицу. Должна признать, что, познакомившись с местными комарами, я была готова поймать его на слове. Тем не менее мы ухитрились — как и следовало ожидать — свыкнуться с этими докучливыми спутниками.

Местность вокруг Касадо производила фантастическое впечатление — немыслимая смесь топей, всякого рода кактусов, пальм и каких-то странных деревьев с разбухшим стволом.

— Скажи, ради Бога, Рафаэль, как называются эти деревья? — спросила я.

— По-нашему — пало бораче, это будет «пьяное бревно» по-английски.

— Правда фантастика? — заметил Джерри. — Ни дать ни взять участники доброй вечеринки.

Все индейцы, с которыми мы общались, были словно чем-то запуганы и жили они в ужасных условиях. Через Рафаэля я узнала, что им платят очень мало за тяжелейший труд; жильем служат предоставленные от щедрот компании лачуги, сколоченные из жести. Большую часть получаемых жалких грошей эти бедняги, подобно большинству южноамериканских индейцев, приобщенных к благам цивилизации, тратили на дарующую забвение огненную воду

с местным названием «кана». С возмущением наблюдала я, как в дни зарплаты компания выдает деньги и тут же получает их обратно за «кану», вместо того чтобы продавать качественную еду и одежду для работяг и их детей.

Мы с Рафаэлем подробно обсуждали положение индейцев. Всецело разделяя мои переживания, он объяснял, что парагвайцы презируют индейцев, ставят ниже рабочего скота, и все потому, что они-де не «христиане». Из всех людей, с кем я встречалась, только парагвайцы способны скорее убить приглянувшееся вам животное, чем принять предложенную вами цену; лично я убеждена, что парагвайцы сами себя не уважают! Мне хотелось поскорее вернуться в Аргентину, и даже Рафаэль иной раз возмущался поведением местных жителей, говоря: «Они нехорошие люди».

Между тем коллекция животных, размещенная в бывшем курятнике, быстро росла, и среди наших подопечных было много прелестных экземпляров. Естественно, у меня появились любимчики, в том числе купленная у одной индианки маленькая обезьяна дурукули, получившая имя Кай. Меня это приобретение особенно порадовало; мало того что дурукули — единственные обезьяны, ведущие ночной образ жизни, наша Кай была удивительно красива. Величиной с небольшую кошку, одетая в серебристо-серый мех, который сменялся светло-оранжевым пухом на груди и кремовым на животе. Огромные, как у совы, глаза светло-янтарного цвета обведены белой шерстью, отороченной черными волосками, крохотные уши почти не видны. Особенное очарование этой обезьянке придавала постоянная улыбка. Правда, должна признать, эта улыбка отнюдь не соответствовала переменчивому нраву дурукули, но все то время, что Кай находилась на нашем попечении, она была сама кротость и дружелюбие.

Еще у нас были четыре прелестные кукушки гуйра, милейшие пичуги, которые то выглядывали снизу из клеток, проверяя, что делается на белом свете, и перекликаясь

пронзительными голосами, то принимали солнечные ванны, расправив крылышки и уподобляясь растрепанной метелочке из перьев. Гуйра величиной с английского скворца, коричневато-кремовое оперение расписано серовато-черными полосками, голову украшает редкий рыжеватый хохолок, а хвост длиной не уступает сорочьему. Просто поразительно, как гуйры сразу делаются ручными. Они и любопытны, как сороки, обожают лазить клювом в ваши уши или волосы, а то и просто посидеть на вашем запястье, топорща хохолок и громко перекликаясь друг с другом. Признаюсь, эти потешные птицы пришлись мне очень по душе. Они любят, чтобы им чесали голову; эта процедура повергает их в нечто вроде транса.

Назову еще серого лисенка Фокси, пристрастившегося поедать окурки с пагубными последствиями для его внутренностей, енота-ракоеда Пу, готового пожирать все, до чего только дотягивались его лапы с длиннейшими пальцами, наконец — Сару Хагтерзак, детеныша гигантского муравьеда, которого приходилось кормить из бутылочки и которому доставляло величайшее удовольствие вцепляться своими острыми когтями в Джерри или в меня, но предпочтительно — в набитый соломой мешок. Джерри просто обожал Сару, а она обожала его, и ее кормлению он уделял такое же внимание, как отец, пекущийся о благе своего первенца. Он не жалел ни сил, ни времени для блага Сары, и она быстро научилась пользоваться его особым расположением. Ночью она спала вместе с ним («не дай Бог простудится»), каждая свободная минута принадлежала ей («очень важно, чтобы она ощущала любовь, ведь в нормальных условиях детеныш не расстается с матерью»). В эти дни Джерри совершенно не уделял мне внимания¹, прихо-

¹ Несправедливое замечание. Ничто не мешало Джеки делить постель со мной и Сарой. Дж. Д.

дилось довольствоваться общением с другими животными, и они относились ко мне с любовью и доверием.

Кроме ухода за животными мы были заняты съемкой нашего первого фильма для телевидения и старались как-то приспособливаться к причудам местных жителей и особенностям окружающей природы. В целом я была довольна собой: сумела освоиться с необычной обстановкой, и даже Дарреллу нравилось, как я управляюсь со своими обязанностями. Он уверял совершенно серьезно, что видит у меня врожденный талант, а ведь услышать от Даррелла похвалу в таком деле, как уход за животными, было достаточно трудно. В то же время он жестоко насмеялся надо мной, когда я обнаружила, что в нашей уборной поселилась летучая мышь из семейства вампиров; впрочем, я скоро привыкла к тому, что эта маленькая тварь всякий раз пролетала над моей головой, когда я открывала дверь в заветное убежище. А еще Даррелл осуждал мое нежелание пускать в свою постель таких гостей, как трехпоясный броненосец, детеныш носухи и прочие твари, коих индейцы притаскивали в наше бунгало.

— Мне все равно, Даррелл, с кем ты делишь ложе,— твердо произнесла я,— но я на этот счет более разборчива.

На что Рафаэль и Даррелл ответили громким смехом, причем мои слова не помешали Джерри носить ко мне на кровать самых разных животных. Что может сравниться с матрацем, мокрым от звериной мочи? Невольно ощутишь, что весь мир твоя родня!

Близилось время нашего прощания с Парагваем, а Даррелл все переживал, что мы никак не можем раздобыть гривистого волка, и не мог понять, в чем дело, ведь местные леса кишели этими волками, хотя мы не видели ни одного во время наших вылазок. Но вот однажды Рафаэль ворвался к нам в бунгало, чтобы поделиться только что услышанной новостью. Дескать, один индеец километрах в пяти по железной дороге

поймал чудесного зверя, о чем и дал знать начальству в Касадо, да только никто не удосужился передать нам его слова. Даррелл был вне себя от ярости и тревоги.

— Если мы скоро не заполучим этого зверя, он погибнет. Это чрезвычайно хрупкие животные. Где живет тот индеец, Рафаэль?

— Не беспокойся, Джерри, я договорился, чтобы сегодня волка привезли тебе сюда.

Бедняга Даррелл поминутно мчался на станцию, боясь прозевать прибытие драгоценного груза. Около пяти часов прибыл долгожданный «поезд», Рафаэль и Джерри осторожно сняли с платформы клетку и отнесли к курятнику. Несчастный зверь страшно исхудал и еле держался на ногах; мне казалось, что он вот-вот умрет.

— Сколько дней этот индеец держал его у себя, Рафаэль?

— Честно сказать, Джерри, не знаю, но, должно быть, много дней, вон как плохо он выглядит.

А жаль, потому что зверь был очень красив — длинные стройные ноги, как у оленя, длинные острые уши, желтовато-рыжие спина и бока.

— По-моему, у него пневмония, — решил Джерри. — Давай переведем его в клетку побольше и попробуем кормить.

Что мы и сделали, соблюдая великую осторожность; впрочем, волк был так слаб, что не пытался сопротивляться или укусить нас.

— Это возмутительно — надо же было довести его до такого состояния. Знай я, кто в этом виноват, задал бы взбучку тому человеку.

— Знаешь, Джерри, — вмешалась я, — мне понятны твои чувства, но такие вещи случаются даже в самых лучших зоопарках, так что попробуем лучше вылечить бедного зверя.

Можно было подумать, что волк ощутил наше желание помочь ему, он охотно лакал молоко с сырым яйцом и глюкозой. Поел также фарш и печень, но все

равно стало ясно, что наши усилия тщетны. Пневмония успела развиться до такой степени, что как мы его ни кормили, как ни ухаживали за ним, беднягу нельзя было спасти. Убитый горем Джерри настоял на том, чтобы произвести вскрытие трупа. И обнаружил кроме признаков пневмонии следы внутренних повреждений, вызванных какими-то сильными ударами.

Этот случай на сутки поверг нас в глубокое уныние, а затем наши мысли всецело заняло одно неожиданное событие. В Асунсьоне произошла революция. Сперва известие об этом вызвало у нас только смех, ибо всем известно, что революции самое любимое — после футбола — занятие жителей Южной Америки. Но тут по радио пришло сообщение от одного милейшего американца, жившего выше по реке. Он знал, что мы готовимся везти нашу коллекцию речным транспортом до самого Буэнос-Айреса, и его весьма обеспокоило известие о том, что остановлены все рейсы. Американец предложил нам воспользоваться его четырехместным самолетом. Отличное предложение, вот только как нам быть с нашими животными? Задерживаться в Парагвае мы не могли — нам непременно надо было успеть в Буэнос-Айрес к пароходу, который повезет нас обратно в Лондон. Я видела только одно решение: оставить большую часть коллекции, взять с собой только то, что поместится в самолете... Два дня Джерри ломал себе голову над этой проблемой. Его беспокоило то, что многие из остающихся животных уже не смогут самостоятельно находить себе пропитание. В конце концов пришлось ему смириться с тем, что другого выхода нет. Лисенка мы отдали обожающей его Пауле, а всех взрослых особей выпустили на волю, оставив только наших любимчиков-детенышей. С великим удивлением мы обнаружили, что оказавшиеся на свободе звери отнюдь не спешат уходить, многие из них еще долго бродили

около курятника, ожидая кормежки, однако Джерри строго следил за тем, чтобы кормление кончилось.

— Иначе все будут слоняться здесь, пока их не пристрелит кто-нибудь из местных жителей. А так они в конце концов уйдут, когда поймут, что регулярных трапез больше не будет.

— Чего стоит вся эта сентиментальная болтовня, на которой я выросла, о том, что все Божьи твари нуждаются в свободе! — вырвалось у меня.

— Вспомни, что я говорил тебе в Манчестере — при надлежащем уходе животные быстро привыкают к неволе. А ты все никак не хотела в это поверить.

— Верно, тогда не поверила, зато теперь убедилась в этом.

Тем временем воюющие стороны затеяли переговоры, и на какое-то время наступило затишье. Наш американский друг настаивал, чтобы мы поспешили воспользоваться передышкой и уезжали, пока возобновятся авиарейсы до Буэнос-Айреса. Вскоре его самолет прилетел в Касадо, и мы втиснулись со своими подопечными в крохотную кабину. Пилот был явно озабочен при виде такого груза, однако с третьей попытки сумел все же оторвать машину от земли.

— Ну так, — сказал он, — взлетели. Будем надеяться, что сумеем благополучно сесть.

Посадка была кошмарной, тем более что летное поле аэроклуба сильно намокло после недавних ливней. Едва наше шасси коснулось земли, как самолет стало качать в разные стороны и мотор принялся реветь, точно бедствующий миноносец. Я ждала, что мы вот-вот перевернемся, но машина все-таки выровнялась и благополучно остановилась.

— Вы уж извините, — улыбнулся пилот, — но мы шли с небольшой перегрузкой, что не очень хорошо для легкого самолета. Главное — добрались до цели.

С чувством благодарности мы выбрались из кабины и поспешили через весь город в коммерческий аэропорт, где в самый раз успели на самолет, вылетающий в Буэнос-Айрес.

— Слава Богу, управились, — выдохнул Джерри. — Хотя были минуты, когда мне казалось, что дело кончится плохо.

Наконец внизу замелькали огни Буэнос-Айреса, и мы приземлились на аэродроме, где нас встречал все тот же мистер Гиббс.

Шагая к зданию аэропорта, мы вкратце поведали ему о наших приключениях.

— Кстати, у вас могут быть кое-какие затруднения с этими вашими животными. Вы запаслись справкой от санитарного надзора?

— Какие еще справки? — отозвался Даррелл. — У них там революция.

— Я как раз напирал тут на это, но ты сам знаешь чиновничью психологию. Ладно, пошли поговорим с начальником ветеринарной службы, он, кажется, приличный парень.

Репутация приличного парня оправдалась — после усиленных уговоров Джерри.

Бebита была рада снова видеть нас и конечно же заранее договорилась, что наши звери переночуют в доме бабушки Рафаэля, а на другой день переедут к одному ее другу в предместье Буэнос-Айреса.

Мы пополнили наше собрание, отправившись вместе с Рафаэлем в поместье его семьи сразу за городом и прикупив кое-какие экземпляры в зоомагазинах в самом городе. Я лихо мастерила клетки и торговалась на испанском языке, помогала добывать разрешения на вывоз животных и готовила их к предстоящему трехнедельному плаванию.

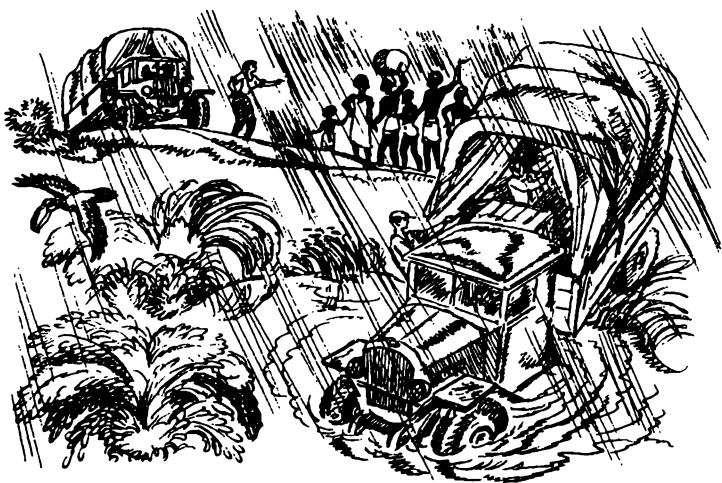
После заключительного дня изнурительных объяснений с таможей и предъявления налево и направо на-

ших бумаг на причале мы наконец очутились на борту парохода компании «Блу Стар» и, стоя у поручней, помахали на прощание всем нашим милым друзьям. С великим сожалением покидала я чудесную страну, мысленно обещая себе непременно еще побывать в Аргентине и уж тогда ни за что не выезжать за ее пределы в соседние страны.

На носу наши подопечные готовились к ночному отдыху под предоставленным капитаном брезентовым навесом, да и мы постарались лечь пораньше, ибо нам предстояло основательно потрудиться на другой день, расставляя клетки и кормя животных, как только рассветет. Однако напоследок Джерри покормил на ночь и приласкал Сару.

— Она такая прелесть,— сказал он. И уныло добавил:— Жаль, что нельзя взять ее с собой в каюту.

Глава четвертая

Везти по морю коллекцию животных было для меня еще одним неизведанным испытанием, и я с ужасом думала о том, что меня ждет. Во-первых, меня сильно укачивает, во-вторых, я не сомневалась, что постоянная тревога за животных сведет на нет все вероятные радости от обратного плавания. Как ни странно, мне просто некогда было не то что почувствовать — даже вспомнить о морской болезни, настолько заняты мы были делом с самого первого дня. Очень быстро был разработан четкий распорядок. На рассвете, подкрепившись чашкой чаю, мы брели вниз на палубу, чтобы чистить клетки и мыть кормушки. Что было не так уж сложно, пока держалась тихая и теплая погода, но по мере приближения к европейским водам, где дуют ледяные ветры, стало удовольствием ниже среднего. Капитан «Звез-

ды Парагвая» и его команда не пожалели сил, чтобы удобно устроить наших зверей, и нам не стоило большого труда разместить маленькую коллекцию в нехитром убежище, которое судовой плотник смастерил из досок и старого брезента. Идя на север вдоль бразильского побережья, мы могли регулярно обливать животных водой (за неимением ванны), не опасаясь простудить. Сара чувствовала себя великолепно, три раза в день ей позволялось с громким хрюканьем бегать по палубе, преследуя ноги Даррелла. Молодые помощники капитана охотно помогали нам, и один из них навлек на себя гнев шефа, опоздав на вахту из-за того, что взялся носить для нас воду. Пассажиров на грузовую палубу в носовой части судна не пускали, и мы могли любоваться потешным зрелищем, когда за окнами в переборках возникали физиономии многочисленных роторзеев. Наши привилегии восстановили против нас большинство пассажиров постарше, жителей южноамериканского побережья, зато мы отлично ладили с полудюжиной путников нашего возраста и хорошо повеселились, в частности на костюмированном балу, когда мы с Джерри, вырядившись парагвайцами, завоевали первый приз к зависти остальных конкурсантов. Последовавшая в тот вечер шумная гулянка в каюте одного из наших новых друзей дала повод капитану обрушить свой гнев на еще нескольких молодых подчиненных.

Уборка испражнений — не самое приятное занятие для человека, страдающего от похмелья и приступов тошноты, тем более на борту парохода. Видит Бог, я до сих пор не понимаю, как управилась на другое утро с этим делом, не принося жертв Нептуну.

В портах захода первый помощник любезно назначал присматривать за животными вахтенных, что позволяло нам сходить на берег и закупать свежие продукты. И я уверена, что в тот день, когда мы причалили к при-

стани в Лондоне, на судне был человек, который вздохнул с великим облегчением — капитан «Звезды Паравая».

Большая часть нашей маленькой коллекции нашла приют в Пейнтонском зоопарке, где Сара не замедлила обрести новых поклонников, хотя так и не забыла своего любимого приемного отца. Тяжело было расставаться со всеми этими прелестными созданиями, и я начала понимать, что должен был чувствовать Даррелл во время предыдущих путешествий, почему так жаждал обзавестись собственным зоопарком, чтобы избавиться от необходимости отдавать в другие руки привезенных зверей.

Весть о нашем возвращении в Борнмут быстро дошла до ушей Софи. Без нас она поступила на службу в одну местную строительную фирму, но хотя новая работа ей нравилась, нам не стоило труда уговорить ее вернуться в наш дом.

К великому недовольству Джерри, в наше отсутствие издательство «Харт-Дейвис» решило выпустить «Гончих Бафута». Это был для него подлинный удар, поскольку он надеялся на передышку, а тут его уже ждала корректура книги об африканской экспедиции.

— Надеюсь, они не станут повторять этот трюк всякий раз, когда у меня появится задел, — стонал он. — Иначе я сойду с ума. Похоже, придется мне прямо сейчас приступить к новой книге, пока вы не принялись пилить меня.

Так началось писание «Под пологом пьяного леса», правда, должна сознаться, не слишком прилежное, пришлось нам с Софи поочередно подталкивать автора.

— Когда вы, фурии, поймете, что я не машина, что не могу просто открыть кран, и поехали. Если бы только это было возможно... Я должен ждать, когда на меня найдет вдохновение. А вы ведете себя, точно эти от-

вратительные субъекты, когда твердят мне, что нет ничего легче, чем сочинить книгу, они и сами взялись бы, будь у них время. Так вот, предлагаю вам — попробуйте сами!

Несмотря на все препирательства и сердитые взгляды, книга в конце концов была написана, и я даже не знаю, кто из нас испытал большее облегчение. Нежелание Даррелла отчитаться именно об этой экспедиции легко объяснить, ведь как-никак она сложилась неудачно, однако Спенсер Кертис-Браун успокаивал нас:

— Пойми, Джерри, люди обожают читать про неудачи. Это помогает им чувствовать, что автор тоже человек. Даже если затея частично удалась — все равно интересно.

Нас ободрило известие, что «Гончие Бафута» вошли в одну весьма престижную серию, и в честь этого события Спенсер закатил в отеле «Савой» шикарный обед для нас. В приливе энтузиазма Даррелл поддался уговорам и пообещал написать для издательства «Коллинз» детскую книгу по материалам экспедиций в три разные страны, вошедшим в «Перегруженный ковчег», «Три билета» и «Под пологом пьяного леса». Отличная, казалось бы, идея, да только нам с Софи в жизни не доводилось переживать столько страданий на ниве литературы. Почему-то Даррелл никак не мог заставить себя закончить эту книгу, и мы с Софи, доведенные до отчаяния, сами сочинили заключительную главу. Разумеется, гений с презрением отверг ее, но наша попытка вдохновила его на решающее усилие, и он довел дело до конца.

— Джерри, дорогой, — обратилась я к нему однажды, — почему бы тебе не ввести систему вроде той, какой руководится Ларри? Каждое утро он пишет две тысячи слов, чтобы остальную часть дня посвятить другим занятиям.

Даррелл тяжело вздохнул.

— Поверь, я был бы рад, но в том-то и разница, что он любит писать, а я нет. Для меня писание — просто способ заработать деньги, чтобы работать с животными, и все. Меня нельзя назвать серьезным писателем в строгом смысле слова, я лишь литературный поденщик, которому повезло со сбытом всего, что он сочиняет.

Мы уже начали действовать друг другу на нервы, так что весьма кстати Ларри, назначенный в это время заведующим бюро информации на Кипре, пригласил нас в гости. Зная, с каким увлечением Джерри занимается киносъемкой, он предложил ему сделать фильм об этом острове. Джерри не нуждался в предложениях, чтобы на время отдохнуть от «Острова пудингов» (то бишь Великобритании), и вот мы уже снова копаемся во всевозможных видах снаряжения.

Однако перед отъездом Джерри попросили выступить с лекцией в Королевском фестивальном зале в Лондоне. Даррелл был в ужасе, но Харт-Дейвис считал, что лекция может стать хорошей рекламой для его книг, и в конце концов он согласился. Вся семья переживала вместе с ним предстоящее тяжелое испытание, поскольку мы знали, как он ненавидит публичные выступления, считая себя никудышным лектором, хотя на самом деле Даррелл великолепный рассказчик, и публика замечательно воспринимает мгновенные рисунки, которыми он иллюстрирует свои лекции. И так как было решено, что под конец выступления Джерри представит публике живьем какого-нибудь из своих зверей, мы попросили Пейнтонский зоопарк одолжить нам Сару Хаггерзак.

В день великого события мы все в полном составе явились в Фестивальный зал. Саре, прибывшей раньше нас, выделили отдельную костюмерную, тогда как мы, простые смертные, были предоставлены самим себе. Как

и следовало ожидать, лекция прошла с огромным успехом, причем в центре внимания оказалась Сара Хаггерзак, которая носилась по сцене, возбужденно хрюкая и играя с Джерри. Всеобщие восторги пришлись ей по вкусу, и она так разошлась, что упорно не желала возвращаться в транспортную клетку. В том, что Саре понравились огни ramпы, мы убедились лишний раз немного позже, когда она впервые выступала по телевидению и завоевала сердца самых суровых сотрудников телецентра. Правда, подобно большинству великих звезд, она проявляла характер, требовала похвалы.

Наше путешествие на Кипр было омрачено с самого начала — первая бомба взорвалась во время вечеринки, устроенной Ларри, чтобы познакомить нас с местным обществом. Можно подумать, что наше прибытие на остров послужило для киприотов последним поводом для выражения их нелюбви к англичанам как таковым. Активность террористов, естественно, вынудила нас отказаться от вылазок со съемочной аппаратурой. Правда, тут же возник альтернативный проект: мы расположились в доме Ларри в живописном селении Беллапаисе к северу от Кирении, и Джерри затеял снимать документальную ленту, призванную показать, как много значит водоснабжение для местных деревушек. Мы быстро наладили отношения с селянами; они уже успели проникнуться симпатией и уважением к Ларри, а Джерри благодаря своему детству на Корфу достаточно хорошо говорил по-гречески и знал немало греческих песен, чем расположил к себе здешних жителей. Особенно хорошие отношения установились у нас с мэром, и он возил нас по всему острову, даже в так называемые твердыни террористов. И, несмотря на все рассказы об антибританских акциях, мы ни разу за все время пребывания на острове не испытали на себе проявлений неприязни. С великим прискорбием думали мы о не-

достатке взаимопонимания, расстроившем так долго царившее на Кипре добрососедство; позже Ларри очень хорошо поведал об этом в своей книге «Горькие лимоны».

Подходившие к завершению переговоры с британским телевидением вынудили нас досрочно покинуть Кипр. Наши друзья в Англии предложили нам пожить две недели в их квартире в пригороде Лондона, пока сами они будут в отъезде, и в то время Даррелла угораздило заболеть желтухой. Я всегда относилась с юмором к этому недугу, привыкла к тому, как эстрадные комики обыгрывают выражения типа «разлитие желчи», а потому была изрядно напугана, когда врач объявил, что речь идет о весьма серьезном заболевании, чреватом фатальным исходом, если не соблюдать строгую диету. Две недели я героически трудилась над приготовлением блюд, способных преодолеть отсутствие аппетита, причем до той поры совершенно не представляла себе, каким испытанием для супружеских уз может стать безжировая диета, особенно когда один партнер может свободно потреблять самые обычные продукты, вроде масла, яиц, сыра, молока, сливок, а также деликатесы, скрашивающие наше существование, а другой вынужден довольствоваться парной рыбой, жареным без масла мясом, сухим хлебом и совершенно отказывать себе в спиртном¹.

По истечении указанных двух недель Маргарет приехала к нам в Лондон, чтобы транспортировать заметно осунувшегося Даррелла в лоно семьи в Борнмуте. Здесь после дней вынужденного безделья им вдруг овладело неудержимое желание написать книгу, о которой он помышлял не один год. В 1935 году семейство Дарреллов

¹ Можно мириться с парной рыбой, жареным мясом и сухим хлебом, но в таких условиях быть лишенным спиртного — такого ни один разумный человек не потерпит долго. Дж. Д.

в полном составе перебралось на не подозревавший последствий этого акта греческий остров Корфу, где они и прожили пять идиллических лет, пока не разразилась война. По тому, как они рассказывали об этой поре, было очевидно, что остров очаровал их, и миссис Даррелл часто говорила мне, что за всю свою жизнь только там ни разу не превышала свой банковский кредит. Никогда не видела, чтобы Джерри так трудился, он выдавал страницу за страницей, и бедняжка Софи едва поспевала за ним. Спустя шесть недель и сто двадцать тысяч слов Даррелл предался благодатному изнеможению. Книга была закончена — и автор тоже едва не отдал концы.

«Мою семью и других зверей» ждал огромный успех, в чем никто из нас и не сомневался. У этой книги были все элементы бестселлера — экзотический остров, сумасшедшее семейство и множество животных. Она излучала солнечный свет и свободу, и даже критикам пришлась по нраву. Много лет спустя она по тиражам превосходит другие книги Даррелла, и хотя благодаря ей мы приобрели множество друзей во всем мире, эта книга, увы, превратила Корфу в туристский аттракцион. Великое благо для корфян и греческой экономики, но весьма печальный факт для Дарреллов, полюбивших остров, каким он был в прошлом. И как же повеселилась вся семья, когда именно эту книгу включили в обязательный список литературы для сдающих экзамен на аттестат зрелости. Даррелл не получил систематического образования, его обучением занимались различные эксцентричные субъекты, которые учили его чему угодно, кроме обязательных школьных дисциплин. Тем не менее он получает много писем от благодарных школяров, заверяющих его, что наконец-то хотя бы экзамен по английской литературе стал приносить им радость.

Бедняга Даррелл потратил столько сил на «Мою семью», что совершенно выдохся, и ему было предпи-

сано отдохнуть на островах Силли. Он прекрасно знал эти чудесные острова, я же впервые попала туда, и мы провели две тихих недели на овеваемых ветрами клочках земли, обозревая заводи на скалах, наблюдая птиц и смакуя домашнее вино из пастернака в обществе женщины-орнитолога, с которой там познакомились.

Оправившись от переутомления, Джерри стал помышлять о новом путешествии. Однако на этот раз он решил уделить побольше внимания киносьемкам, а потому купил довольно дорогую немецкую камеру, и несколько недель мы ходили опутанные недодержанной пленкой, пока Даррелл осваивался с новой аппаратурой. Основательно поразмыслив, Джерри пришел к заключению, что для съемок хорошего фильма о звероловной экспедиции лучше всего подойдет Камерун, и в частности — королевство его старого друга и собутыльника Фона Бафута. Он уже побывал там два раза и теперь уверял, что для успеха столь сложного дела, как съемка кино, следует направиться в хорошо знакомые места, к людям, с коими он поладил, и главное — к животным, которые его не подведут.

Поскольку намечалась явно небывалая по размаху экспедиция, я предложила взять с собой Софи — если она согласится. Ее не пришлось долго уговаривать. А еще мы решили обратиться за содействием к различным фабрикантам, просить не деньги, а нужную нам продукцию, суля взамен хорошую рекламу. Сочинили надлежащее письмо, и хотя Софи в тексте излишне напирала на телевизионную популярность Джеральда Даррелла и заверяла получателей, что одна из главных целей экспедиции — сбор сырья для нового алкогольного напитка¹, результат превзошел все ожидания.

¹ В тот раз она сверх того написала одному фирмачу, прося прислать дезинфектант и туалетную бумагу и обещая, в числе прочего, что пришлем фотографии, показывающие, как мы пользуемся в экспедиции этой продукцией. Дж. Д.

Экспедиторы Британских железных дорог и наш почтальон устали доставлять нам огромные посылки, мы же не уставали вскрывать упаковки и восхищаться богатым содержимым. Тут было все — от пластиковых тазов и ведер до плотницкого инструмента, медикаменты для зверей и для нас, элегантные нейлоновые рубашки и носки, обувь, походные кровати, растворимый чай, проволочные сетки, лодка с подвесным мотором, электрогенератор, словом, нашего снаряжения хватило бы на небольшую армию. Остальные обитатели дома чертыхались, наталкиваясь в подъезде на людей, склоненных над упаковочной клетью, и цепляясь ногами за валяющуюся повсюду проволоку. Бедняжке Маргарет стоило немалого труда умиротворять своих разгневанных жильцов. В конце концов понадобились два вместительных фургона, чтобы доставить наше имущество в Саутгемптон к ожидающему нас банановозу.

К этому времени наш отряд пополнился еще одним человеком. Впервые мы приняли предложение о помощи от будущих покупателей нашего улова и остановили свой выбор на молодом знатоке рептилий, поскольку Камерун сулил самые причудливые находки. Близилось Рождество, а потому Софи договорилась, что присоединится к нам позже, так как хотела встретить праздник вместе со своими родичами. В итоге нас на пароходе было только трое, если не считать капитана и его команду. Это было восхитительное плавание, мы чувствовали себя так, будто стали обладателями собственной яхты.

Африканский континент никогда не манил меня, и уж во всяком случае не так, как он манил Ливингстона, тем не менее спустя десять дней я стояла на пристани в столице Британского Камеруна, Виктории, наблюдая, как наш багаж сгружают с лихтера на берег и переносят

на два мощных грузовика. Путь до Бафута нам предстояло проделать в два этапа, с короткой остановкой в Мамфе, где Джерри уже доводилось располагаться лагерем на берегу реки Кросс. Как обычно, не обошлось без препирательств с таможенной, которой почему-то вздумалось конфисковать сборную алюминиевую клетку (чем-то похожую на огромный детский «конструктор»), щедро предоставленную нам фирмой «Дексион». Мы подняли страшный шум и в конце концов отстояли свое имущество, к великому негодованию начальника таможни, носившего не совсем обычное имя Пайн Кофин (сосновый гроб). В Мамфе нас ожидало новое столкновение с таможней из-за «противозаконного обладания» револьвером, на владение коим в Западной Африке требовалось специальное разрешение самого губернатора Нигерии. К несчастью для таможенников, такое разрешение у нас было.

Первый этап нашего пути внутрь страны был ничем не примечателен, если не считать облака красной пыли и изрытые колеями дороги — неперенная черта африканских ландшафтов в британских протекторатах. Меня постоянно удивляет, почему французы и бельгийцы могут строить вполне приличные дороги на контролируемых ими территориях, тогда как максимум, на что способно большинство созидателей Британской империи, — посыпать щебенкой окраинные улицы главных городов. Впрочем, все это только добавляет прелести путешествию, ибо ничто так не поощряет вас почаще останавливаться, как головная боль и ноющая спина.

Первую остановку мы сделали в деревушке Бекебе, знакомой Джерри по ранним экспедициям, и один из его прежних боев — Бен тотчас подбежал к нему, предлагая свои услуги и первую добычу — детеныша черноногой мангусты, которого мы тотчас назвали Тикки

и которого Джерри сунул себе за пазуху, поскольку у нас под рукой не было никакого подобия клеток. Убедившись, что Бен присоединился к другим боям в кузове грузовика (в Виктории мы с помощью старого помощника Джерри — Пия наняли нужных рабочих), мы снова тронулись в путь и около девяти вечера подъехали к дому управляющего ОАК в Мамфе. Джерри выбрался из кабины и исчез в весьма элегантном с виду современном бунгало. Вскоре он появился вновь, сопровождаемый управляющим — Джоном Хендерсоном. Джон оказался радушным хозяином и милейшим человеком и вместе со своими подчиненными все шесть недель, что мы с нашим «проклятым зверьем» (как он выражался) наводняли его жилище, не жалел сил, помогая нам. Он охотно признавался, что не выносит наших животных, но готов терпеть их ради нас.

Крохотное селение Мамфе расположилось на высоком берегу реки Кросс; оно не лишено своих прелестей, если останавливаешься там ненадолго, однако не скажу, чтобы я его полюбила. Климат там отвратительный, круглые сутки царит жара и духота, из-за чего мы с Софи никак не могли избавиться от сыпи, несмотря на частые купания и прилежное пользование всякими лосьонами, которые, по словам производителей, обязаны были защитить кожу от раздражений. В селении обитало, помимо управляющего ОАК, еще около десятка европейцев, все они приняли нас одинаково радушно и обещали «распространить в округе слух» о приезде помешанных любителей животных. Мало-помалу веранда вокруг дома Джона уподобилась зоомагазину.

— Знаете, я все время ловлю себя на том, что заблудился, когда вижу это проклятое зверье, — пожаловался Джон. — Сегодня чуть не поехал дальше искать свой дом.

— Послушай, Джон, — озабоченно произнес Джерри. — Если они и впрямь так противны тебе, мы освободим помещение.

— Глупости, дружище, я пошутил, на самом деле я только рад вам и вашим питомцам.

Даррелл стремился возобновить контакты с охотниками, и мы стали готовиться к прелестям вылазок в тропический лес, где располагались далекие деревушки. На рассвете следующего дня пересекли реку на долбленках, прихватив рюкзаки с бутербродами и термосами с холодной водой. Высадившись на другом берегу, довольно прытко зашагали гуськом по битой тропе. Меня сразу поразила царившая в лесу тишина и липкая духота. Редко-редко можно было услышать птичий голос или шорох от движения невидимых животных. Вот тебе и жуткие тропические дебри, кишасшие зверьем и ядовитыми змеями!

После двух часов утомительной ходьбы мы вышли на поляну, где увидели опирающихся на длинные посохи двух худых пожилых туземцев.

— Здорово, Бо, — поздоровался Джерри.

— Добро пожаловать, маса, — дружно откликнулись они и принялись что-то толковать на пиджин-инглиш.

Для меня это была китайская грамота, но Джерри, к счастью, явно понимал их. Наконец он угостил обоих сигаретами и попрощался.

— О чем они говорили так долго? — спросила я.

— Ничего серьезного, просто так поболтали, — ответил он, и мы двинулись дальше.

Около полудня мы достигли деревни Эшоби. Предупрежденные «лесным телеграфом» ее обитатели столпились на главной «улице», чтобы встретить нас. Было очевидно, что они рады снова видеть Джерри. Улыбаясь и пощелкивая пальцами, они распевали: «Добро пожа-

ловать, добро пожаловать!» — и одаряли нас большими свежими кокосовыми орехами. И уж поверьте мне, ничто не освежает так после длительного перехода через жаркий африканский лес, как сок кокосового ореха. Нам с Джерри были предложены два весьма шатких стула; вся в поту, я с благодарностью опустилась на один из них и принялась обозревать деревню. Она была грязнее и непригляднее других селений, виденных мной на пути из Виктории, дети выглядели жалкими и тощими. Не может быть, подумала я, что это та самая деревня, в которой Джерри жил и которую так расхваливал. Но оказалось, что это она; он стал показывать мне разные ориентиры, включая место, где помещался его лагерь. Минуло восемь лет после предыдущей экспедиции Даррелла в Камерун, за это время многое изменилось, во всяком случае, на политическом уровне. Теперь нередко наиболее смысленные члены общин занимали видные должности; так было и со старыми охотниками, помогавшими Джерри во время его первого визита. Сидя на земле вокруг нас, они внимательно слушали Джерри. Он объяснил, что намерен вернуться в Эшоби и остановиться здесь на несколько дней и что особенно его интересует необычная птица — плешивая сорока. Вот только подходящее ли сейчас время для отлова птенцов, которых будет легче приучить к неволе? Элиас успокоил его.

— Точно, сэр, иногда мы держим птенцов в доме. Я поищу.

Договорились, что Джерри снова придет в Эшоби на следующей неделе, оставив нас с Софи в Мамфе присматривать за коллекцией.

Базируясь в Мамфе, мы приобрели двух животных, которые стали моими любимцами: детеныша редкого вида галаго (я назвала его Пучеглазым) и не менее редкую разновидность белки, получившей за свои малые

размеры прозвище Малютка. Поскольку в обоих случаях речь шла о детенышах, забота о них была поручена мне. Даррелла бесило, как мы с Софи сюсюкаем с нашими подопечными, но мы не обращали на него внимания.

Пучеглазый и Малютка стали нашими повелителями — во всяком случае, Малютка вполне повелевала мной. Очаровательное крохотное создание, еще слепое и совсем беспомощное, она всецело зависела от тепла и внимания, которое я могла уделять ей. Очень важно было смастерить для нее гнездышко, где поместилась бы и небольшая грелка.

В конце концов я отыскала квадратную жестяную банку, куда положила застеленную ватой грелку и ватой же выложила стенки. Получилась такая переносная колыбелька, и я всюду носила ее с собой, потому что Малютка, как и все младенцы, нуждалась в частом и регулярном кормлении и начинала беспокоиться, если я оставляла ее одну. Первое время она получала разные виды детского питания и глюкозу, разведенные в теплой воде, причем кормить ее приходилось с помощью пипетки. Она была образцовым ребенком и вскоре стала хватать пипетку передними лапками; мне оставалось только следить за ровной подачей пищи и делать остановки, чтобы Малютка могла отдышаться. Она быстро росла и стала очень милым зверьком с оранжевой головой и обрамленными черной каймой аккуратными ушками. Розовое тельце было одето болотно-зеленым мехом с рядами белых пятен по бокам. Но особенно хорош был хвост — длинный, пушистый, сверху зеленый, снизу ярко-оранжевый, он изгибался над спиной белочки так, что кончик висел над самым носом. Малютка была абсолютно ручная и с того момента, когда у нее открылись глаза, позволяла мне делать с ней все что угодно. Особенно ей нравилось почесывание, тут

она впадала в транс. Я не сомневалась, что Малютка окажется умненьким зверьком, хотя Даррелл только посмеивался над таким предположением. Однажды утром, когда за разными делами я забыла про утреннее кормление, она решила сама напомнить мне о моих обязанностях. Каким-то образом выбралась из оставленной подле моей кровати банки, сама отыскала вход в просторную гостиную и возникла на пороге, издавая резкие звуки. Подбежала ко мне и вскарабкалась на мое плечо, продолжая кричать, что пора кормить ее. Негодование Малютки было так велико, что она не пожелала ждать, когда я вооружусь пипеткой, а соскочила на стол, где я готовила корм, и попыталась влезть в чашку. В конце концов мне удалось успокоить ее, но с того дня она каждое утро забиралась на мою кровать и верещала мне в ухо, а после кормления с великим интересом принималась исследовать наши постели.

— Знаешь, Джекки, — заявил Даррелл, — придется тебе посадить Малютку в настоящую клетку, не то останемся мы без белочки.

Я понимала, что Джерри заботится о ее сохранности, но знала также, что ему решительно не нравится, как она роется в его постели и покусывает за пятки¹. Пришлось поместить Малютку в специально оборудованную клетку, с кроваткой наверху и ворохом увлекательных гнилушек на дне. Освоившись в новой обители, она занялась приготовлением постели с таким рвением, подобного какому я не видела ни у каких других белок. За неимением более гигиеничного материала я выстлала ее кроватку бумажными салфетками, однако мой вариант благоустройства не удовлетворил Малютку, и она не один час

¹ Я вовсе не против разделять постель со зверьем, однако мне совсем не нравится просыпаться в пять утра оттого, что озорная белка пытается затолкать мне в ухо земляной орех. Дж. Д.

потратила на то, чтобы навести свой порядок. Вытащив салфетки, принялась рвать их на мелкие кусочки и делать комки, которые несла обратно на кровать и с шумом что-то мастерила. Когда я некоторое время спустя заглянула внутрь клетки, на меня из вороха клочков уставились яркие глаза белочки, но она тут же забыла про меня, продолжая сооружать замысловатое гнездо наподобие тесного кокона. Укрывшись в нем, Малютка могла закупорить вход кусочком салфетки и отдыхать, надежно защищенная от шума и сквозняка. Все то время, что белочка находилась у нас, я готова была часами наблюдать активность этого забавного создания.

Совсем другой, независимый нрав был у Пучеглазого. Он уже не был сосунком, когда мы его получили, его не надо было кормить из бутылочки, и мы быстро обнаружили, что его любимое блюдо — насекомые. Однажды вечером мы подверглись подлинному нашествию крылатых муравьев, они залетали в комнаты, в клетки, и наши бои расставили повсюду миски с водой, куда падали муравьи. Полученного таким способом улова нам хватило на несколько дней, чтобы кормить наших питомцев. Бегая по комнатам за крылатыми насекомыми, я услышала доносящийся из клетки Пучеглазого страшный шум и обнаружила, что наш галаго, окруженный роем муравьев, с вытаращенными глазами гоняется за ними. Рот Пучеглазого уже был набит, обе лапы заняты добычей, но он не прекращал охоту, не задумываясь о том, куда девать все это богатство.

Пучеглазый тоже любил поиграть с нами, носился по клетке, не даваясь в руки. Вскочит мне на руку, тихонько ущипнет и тут же прыгает дальше. А иногда он вел себя смирно, поднимал переднюю лапу, чтобы вы могли пощекотать его под мышкой. Но больше всего любил, лежа

на спине, подставляя для чесания живот, слегка отбиваясь для вида.

Наша коллекция пополнялась все новыми экземплярами, и мы задержались в Мамфе намного дольше, чем предполагали, однако нам пришлось освободить помещения в доме Джона Хендерсона, поскольку он собирался в отпуск, а его заместитель не обязан был мириться с такими жильцами. Джон предложил нам переселиться в маленький африканский домик по соседству, с глинобитными стенами и кровлей из банановых листьев. Довольно запущенное строение, но после свежей побелки и обновления кровли там стало вполне уютно, и на веранде нашлось достаточно места для всех наших зверей. Правда, в этом доме было куда жарче, чем у Джона, и в нем кишели огромные пауки; один из них как-то ночью забрался на раскладушку Даррелла и прогулялся по его груди — к великому ужасу Джерри и к вящему моему облегчению, что не я привлекла внимание этой твари. Уборной в этом доме не было, все удобства, как водится, во дворе, и ночные вылазки туда были чреваты самыми тяжелыми переживаниями, ибо никогда нельзя было предугадать, что тебя ждет в пути или на месте. Чаще всего уборную навещали здоровенные тараканы, иногда наведывались пауки, а то и змеи. Чувствуя, что, если мы еще задержимся в Мамфе, мне грозит серьезное помешательство, я стала упрашивать Даррелла поскорее продолжить наше путешествие курсом на Бафут.

— Ладно, — сказал Джерри, — только сперва я должен написать Фону и предупредить его. Сегодня же напишу и завтра отправлю письмо с рейсовой машиной.

Что он и сделал, приложив к письму две бутылки виски. Оставалось надеяться на скорый ответ.

*Дворец Фона,
Бафут, Баменда*

Мой дорогой друг!

Твое письмо от 23-го получил с большой радостью. Я был счастлив, когда прочел его и узнал, что ты снова в Камеруне.

Я буду ждать тебя, приезжай в любое время. Оставайся у нас, сколько захочешь, никаких возражений. Мой рестхауз всегда открыт для тебя, когда бы ты ни приехал. Пожалуйста, передай мой искренний привет своей жене и скажи ей, что у нас найдется о чем поболтать, когда она приедет.

Преданный тебе

Фон Бафута

Милая Софи любезно вызвалась задержаться в Мамфе на несколько дней и привезти в Бафут остающуюся часть нашего снаряжения и животных, а мы поклялись, что при первой же возможности организуем ее переезд.

Дорога на Бафут была ужасная — сплошные ямы, выбоины и камни, но местность кругом дивная. Поначалу мы ехали через густой лес в речной долине, нас окружали окутанные лианами высоченные деревья, и на этот раз мы увидели кое-каких птиц — турако, птиц-носорогов и ярко окрашенных карликовых зимородков. Наш путь пересекали сотни речушек, через которые мы переезжали по шатким деревянным мостам; в воде резвились, галдя и махая нам вслед, африканские ребятишки, над сырыми берегами тучами кружили красивейшие разноцветные бабочки. Постепенно, почти незаметно дорога стала подниматься вверх, потом лес вдруг расступился, и перед нами до самого горизонта простерлась побеленная солнцем саванна. Теперь, вырвавшись из зеленых щупальцев леса, я могла, оглядываясь назад, любоваться им, но и здесь кругом клубилась красная

пыль, проникая сквозь все щели в кузове грузовика, и когда мы уже вечером подъехали к обители Фона, нас вполне можно было принять за краснокожих индейцев.

После липкой духоты Мамфе и жары на лесной дороге так легко дышалось в прохладном воздухе Бафута... В тусклом вечернем свете можно было рассмотреть просторный двор и скопление хижин, составляющих усадьбу Фона, а справа от нас, на макушке некоего подобия ступенчатой пирамиды, высился внушительный рестауэз Фона, чем-то похожий на итальянскую виллу, с широкой верандой и аккуратной черепичной крышей. Впрочем, сейчас нам некогда было изучать окрестности.

— Ну-ка, давайте выгрузим животных, разместим их на веранде и покормим, пока совсем не стемнело! — распорядился Даррелл.

Бои засуетились, разбирая наше снаряжение, мы с Джерри перенесли клетки на наиболее прохладную часть веранды, а отвечающий за кухню Пий принес мне теплого молока, чтобы развести детское питание. Зажгли керосиновые лампы, приготовили себе еду, кое-как умылись и повалились в изнеможении на раскладушки.

Утром явился нарочный с письмом от Фона:

Мой добрый друг!

Я рад, что ты снова прибыл в Бафут. Я приветствую тебя. Когда отдохнешь после путешествия, приходи ко мне.

Твой добрый друг

Фон Бафута

Почти всю первую половину дня мы наводили порядок в своем зверинце, чистили и кормили его обитателей и готовились к тому, чтобы должным образом устроить животных, кои могли поступить в ближайшие дни. Принимали также необходимые меры, чтобы Софи

возможно скорее могла присоединиться к нам. Не менее важно было засвидетельствовать свое почтение хозяину. За нашим двором помещался осененный ветвистой гуавой дворик поменьше, где и располагался собственный дом Фона, уменьшенная копия рестхауза, где мы остановились. На верхней ступеньке крыльца стоял сам Фон Бафута, высокий стройный мужчина в отороченном синей вышивкой простом белом халате и с такого же цвета ермолкой на голове. По лицу его было видно, что он счастлив видеть Джерри.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, мой друг, ты приехал...

— Да, я снова в Бафуте. Как поживаешь, мой друг?

— Отлично, отлично.— Он и впрямь выглядел отлично.

Затем Джерри представил Фону меня, и, стоя рядом, мы, наверно, представляли забавное зрелище — великан ростом около двух метров возвышался над моими полутора метрами, и моя ручонка совершенно исчезла в его могучей пятерне.

— Пойдем в дом,— сказал он, жестом предлагая следовать за ним.

Мы очутились в приятном прохладном помещении, всю обстановку которого составляли леопардовые шкуры на полу и украшенные изумительной резьбой деревянные кушетки с горами подушек. Мы сели; одна из жен Фона тотчас принесла поднос с неизбежной бутылкой виски и стаканами. Держа в руке стакан, наполненный до краев «Белой Лошадью», Джерри осторожно заговорил об одном непростом деле.

— Мой друг, я опасался снова приезжать в Бафут, потому что один человек говорил мне, будто ты сильно сердись на меня из-за книги, где я рассказывал, как весело мы проводили время в прошлый раз¹.

¹ Мне говорили, что местные политические деятели сообщили Фону, будто я изобразил его бабником и пьянчужкой. Дж. Д.

Фон был явно удивлен и недовольно осведомился:

— Кто же это тебе говорил?

— Один европеец там, в Буза.

— А, европеец! — Фон пожал плечами, удивляясь, как это мы могли поверить словам какого-то белого. — Ложь это. Я никогда на тебя не сердился.

Он подлил нам виски и продолжал:

— Эта книга, которую ты написал, она мне здорово понравилась. Через нее весь мир узнал мое имя. Все люди узнали его, ты молодец. Когда я ездил в Нигерию на встречу королевы, там у всех европейцев была твоя книга, и они просили меня написать в ней мое имя.

Его слова обрадовали нас с Джерри, потому что нам говорили, будто Фон воспринял написанное Дарреллом как страшное оскорбление. Не задерживаясь на этой теме, мы спросили Фона, как ему понравилась королева.

— Очень даже понравилась, отличная женщина. — Он рассмеялся.

— Совсем, совсем маленькая, вроде тебя. — Он показал на меня. — Но ей пришлось там выдержать нагрузку. Ва! Очень сильная женщина.

Мы поинтересовались, как ему понравилась Нигерия.

— Не понравилась, — твердо сказал Фон. — Слишком жарко. Я весь обливался потом, а эта королева, ей хоть бы что, идет себе и совсем не потеет, замечательная женщина.

Он с явным удовольствием вспоминал свою поездку в Лагос и рассказал нам, как преподнес королеве резной бивень слона в дар от народа Камеруна.

— Я подарил его от имени всех людей Камеруна. Королева села там на такое кресло, и я тихо так подошел к ней, чтобы вручить бивень. Она взяла его, а тут все европейцы стали говорить, что не годится показывать королеве свой зад, поэтому все только пятились. И я тоже стал пятиться. Ва! А там ступеньки, смекаете?

Я боялся упасть, но шел очень тихо и не упал — а как мне страшно было!

Я поймала взгляд Джерри и подала ему знак, озобоченная не только тем, что рисковала остаться без ленча, но и тем, что этот разговор мог затянуться надолго.

Фон взял с нас обещание, что мы придем снова вечером, и обратился ко мне, широко улыбаясь:

— Вечером я покажу тебе, как мы веселимся здесь, в Бафуте.

Стараясь улыбаться так же широко, я поспешила сказать:

— Хорошо, хорошо.

Вернувшись в рестхауз, мы застали стоящих на заднем крыльце людей, один из которых тут же протянул нам калebas, говоря:

— Маса, маса, гляди.

Джерри осторожно вытащил из горлышка калebas банановые листья, служившие пробкой.

— Ну, и что у тебя там?

— Там бери-ка, сэр.

— Бери-ка? — удивилась я. — Это что же такое?

— Первый раз слышу, — отозвался Даррелл.

— Может, лучше спросить, вдруг там сидит какая-нибудь ядовитая тварь?

— Пожалуй, ты права... Это плохой зверь? Он укусит меня?

— Нет, сэр, никогда. Это детеныш.

Джерри заглянул внутрь и увидел крохотную белочку длиной семь-восемь сантиметров.

— Ну как? — обратился он ко мне. — Берешь? Скорее всего, она умрет.

— Конечно, возьму. Вспомни, ты говорил, что Малютка умрет, но она выжила.

Так еще одна африканская белочка поселилась в яслях, устроенных мной в углу одной из комнат, обогреваемом инфракрасной печкой. Мамфе, как мы называли ее, не стала такой ручной, как Малютка, но тоже обожала, когда ей почесывали животик.

После обеда, вооружившись двумя керосиновыми лампами и двумя бутылками виски, мы явились к плясовому дому Фона. Как же не похож был этот вечер на душевные вечера в Мамфе. Температура воздуха была вполне терпимой; иногда, ложась спать, здесь достаточно было укрыться тонким одеялом. Через несколько дней я обнаружила, что моя сыпь проходит — очень кстати, ибо вряд ли можно рассчитывать на симпатию публики, если на тебя вдруг нападает чесотка в самых сокровенных местах.

Одетый в красно-желтую мантию, Фон выглядел величественно, и рука его, само собой, сжимала стакан, наполненный виски.

— Сегодня ночью все мы повеселимся, — возвестил он.

Мы разместились на стульях в конце плясового зала, напоминающего армейский манеж. Большие плетеные стулья были расставлены на невысоком помосте под бдительным надзором портретов всех членов британской династии, начиная с королевы Виктории. Фон посадил Джерри справа от себя; перед нами стоял столик с неприменной бутылкой виски и стаканами. Явился королевский оркестр в составе четырех юношей и двух жен Фона, вооруженных барабанами, флейтами и наполненным сухой кукурузой калебасом. Их сопровождали еще несколько жен Фона. Сам правитель с улыбкой обратился к Джерри:

— Мой друг, ты помнишь европейский танец, который показывал мне в прошлый раз, когда был в Бафуте? Как ты его называл — конга? Так вот, сейчас я покажу тебе кое-что.

По его знаку оркестр принялся играть что-то, отдаленно напоминающее конгу, и шеренга жен Фона пришла в движение. Так вот как выглядит бафутская версия конги! Даррелл был весьма тронут этим зрелищем и, когда танец закончился, сказал:

— Это просто замечательно!

Фон радостно расхохотался. Я поспешила похвалить его музыкантов и танцующих жен.

— Ва! Я от них очень устаю, они мне голову морочат.

— Джерри тоже говорит, что я морочу ему голову, — отозвалась я.

— Хорошо твоему мужу, у него только одна жена, а у меня их куча, и они все время морочат мне голову.

— Что ж, — деловито отметила я, — у кого нет жен, нет и детей.

Мои слова вызвали у Фона такой приступ веселья, что я испугалась, как бы его не хватил удар, но все обошлось, и он, одной рукой вытирая слезы, другой похлопал Джерри по спине.

— А твоя жена неплохо соображает. — Он ткнул меня пальцем в бок, погладил по голове и добавил: — Мне бы такую жену.

К счастью, его излияния были прерваны звуками оркестра, который рьяно принялся отчебучивать какой-то лихой мотив.

— Почему бы тебе не потанцевать с ним, Джеки? — заметил Джерри.

Я пришла в ужас. Правда, возвращаясь из Аргентины, я на пароходе постигла секреты танца ча-ча, но здесь речь шла о настоящих танцах, и Фон, как и все африканцы, был наделен чудесным чувством ритма, в чем ни один европеец не мог бы сравниться с ним.

— Глупости, — ответила я. — Это исключено. Не говоря уже о том, что он чуть не в два раза выше меня. Только людей насмешим.

Однако Даррелл не унимался и обратился к Фону:

— Мой друг, ты не мог бы показать свой танец моей жене?

— Как же, как же, отлично.

И не успела я опомниться, как он повлек меня в круг танцующих. Оркестр в это время исполнял нечто похожее на самбу, и я предложила Фону научить его этому танцу. Фон пребывал в весьма приподнятом настроении, и вот уже мы лихо кружимся в танце, который весьма заинтриговал бы специалистов из Латинской Америки. Ничего, главное — нам было очень весело. Джерри потом рассказывал, какое потешное зрелище мы являли собой: я то и дело исчезала за развевающимися полами мантии Фона, и порой казалось, что у него появилась еще одна пара ног. Мы отплясывали так с полчаса, и я совершенно выбилась из сил. В награду за мои старания Фон поднес мне большой калebas с мимбо — местным пальмовым вином. Мне уже доводилось, увы, дегустировать сей драгоценный напиток, на вид похожий на разбавленное молоко, пахнущий, как жженая резина, что же касается вкуса, то я бессильна подобрать достойное сравнение, скажу только, что он отвратителен. Фон лично дегустировал содержимое пяти калebasов, прежде чем остановил свой выбор на одном из них, и налил мне полный стакан. Как быть? Незаметно вылить — невозможно, а потому, сделав глубокий вдох, я глотнула вина и — дивись, читатель! — даже широко улыбнулась Фону и заверила его, что мимбо и впрямь первоклассное. Поскольку он пристально следил за мной, оставалось только и дальше делать маленькие глотки, изображая удовольствие.

— Ты позволишь твоим женам выпить вместе со мной? — спросила я.

— Конечно, конечно.

Он жестом подозвал их, и я с облегчением поспешила разлить вино в их сложенные чашечкой ладони.

Не успели мы оглянуться, как начался рассвет. У меня раскалывалась голова, пора было закругляться, и Фон настоял на том, чтобы проводить нас до самого рестхауза.

— Спокойной ночи, — сказал он на прощание, — мы с вами хорошо повеселились.

Вскоре к нам присоединилась Софи. Она выглядела очень усталой, но в прохладном климате саванны заметно ожила. Наша коллекция сильно разрослась, и мы решили разделить ее на три части — отдельно млекопитающие, птицы и рептилии. Поделили между собой и обязанности по уходу за подопечными. Было разработано несложное расписание. На рассвете — обычно около пяти утра — нам приносили чай, затем мы кормили детенышей и меняли подстилки, после чего производили общий смотр. Каждое животное тщательно осматривали, прежде чем чистить клетки, при этом надлежало проверить, сколько корма съедено, сколько осталось, как выглядит помет, нет ли в поведении данного экземпляра каких-либо отклонений, требующих медицинского вмешательства. Мы старались управиться с этими процедурами до завтрака, чтобы в остальные утренние часы вымыть посуду, приготовить корм для животных и договориться с нашим поваром Филипом, что необходимо закупить на местном рынке. Если оставалось время до ленча, готовили аппаратуру для съемок. После ленча требовалось хоть немного доспать, особенно после ночных увеселений с Фоном. Отдохнув, пили чай и принимались готовить корм для вечерней трапезы, а кроме того, кормили детенышей, принимали новые экземпляры и, что было особенно важно, оказывали ме-

дицинскую помощь тем, кто в этом нуждался. Пожалуй, самым трогательным пациентом за все время нашего пребывания в Бафуте была крупная самка шимпанзе, угодившая в проволочную ловушку. Оба ее запястья были распороты до кости, началось заражение крови. Мы тщательно очистили раны и присыпали их антибиотиком, сделали инъекцию пенициллина, но обезьяна очень ослабла, и кожа ее приобрела необычный оттенок. К счастью, в Баменде служили и настоящий врач, и ветеринар, и мы послали за ними, чтобы осмотрели нашего пациента. После тщательного осмотра они решили взять у шимпанзе кровь на исследование, так как ветеринар заподозрил, что у нее сонная болезнь.

— Интересный случай,— сказал он,— однако боюсь, вы напрасно тратите время, пытаясь спасти ее. Но все равно спасибо, что обратились к нам. Я договорюсь с людьми в ОАК, чтобы они дали вам знать, что покажет анализ крови. И вообще, если вам понадобится моя помощь, не стесняйтесь дать знать, хотя я вижу, что вы отлично сами со всем справляетесь.

Шимпанзе умерла на другой день, и анализ крови подтвердил диагноз ветеринара; оставалось утешиться сознанием, что мы при всем желании не смогли бы ее спасти. К счастью, в остальном наши медицинские вмешательства сводились к избавлению животных от глистов и от песчаных блох — весьма широко распространенных паразитов, которые селились на конечностях обезьян и которых было несложно удалить при помощи обычной булавки. Приходилось нам заниматься и переломами, вызванными грубым обращением или плохой конструкцией ловушек; частенько поступающие к нам животные страдали кишечными заболеваниями. Так я узнала, что, вопреки распространенным убеждениям, дикие твари живут отнюдь не в какой-то утопической

среде, где все создано для их блага. Иные получаемые нами экземпляры находились в ужасающем состоянии.

Пожалуй, одним из самых ярких событий нашего пребывания в Бафуте явился вечер, когда Фон провозгласил Джерри своим заместителем и преподнес ему комплект своих великолепных мантий — великая честь, тем более что наш хозяин не скрывал своего отрицательного отношения к большинству европейцев.

В разгар посвященного сему уникальному событию праздника мне пришлось извиниться и покинуть общество, ибо размеренное бытие нашей маленькой счастливой общины в рестхаузе было нарушено весьма беспокойным фактором в лице маленького тощего детеныша шимпанзе. На первых порах он был сплошное очарование, чем-то похожий на японскую куклу. Софи, как и следовало ожидать, души в нем не чаяла и оправдывала все его шалости, говоря, что он совсем еще крошка. Но с ростом шимпанзенка росло и его озорство. Один лишь Джерри умел как-то управляться с ним, да и его терпению стал приходить конец, когда Чамли взял в привычку каждое утро на рассвете кувыркаться и прыгать на его кровати и вообще всячески безобразничать. Следует отметить, что его отличала великолепная память, и он быстро усваивал то, чему его учили. Как я уже сказала, он облюбовал кровать Джерри, а не мою (слава Богу!), почему было важно научить его не мочить постель. После одного-двух фальстартов он научился при нужде свешивать свою корму с кровати, однако иногда впопыхах забывал об этом правиле.

Еще одного шимпанзе, Минни, нам преподнес местный владелец кофейной плантации, и Даррелл целый день промаялся, заманивая новое приобретение в клетку, которую мы привезли на лендровере Фона. Минни оказалась весьма подозрительным существом и совершенно не желала иметь дело с нами и нашей клеткой,

и Джерри пришлось затеять с ней этакую игру в фанты. Я восхищалась его терпением, и Минни успела поглотить великое разнообразие лакомых фруктов, тогда как нам за весь день пришлось ограничиться бутылкой пива и двумя-тремя бананами. В конце концов Даррелл все же заманил ее в узилище, и когда уже в рестхаузе мы выпустили пленницу в специальную сборную клетку, она спокойно восприняла смену обстановки. Вообще же Минни была очаровательное существо, вот только когда ей требовалось привлечь наше внимание, она поднимала такой визг, на какой только шимпанзе способны. В этом не было ничего страшного, поскольку в селении Фона никто особенно не реагировал на шум, но я с тревогой спрашивала себя, что будет на борту парохода, когда мы направимся домой в Англию. Но, как всегда говорил Даррелл, зачем ломать себе голову над проблемой, прежде чем она возникнет...

Готовясь покинуть Бафут, мы с Софи испытывали смешанные чувства. Было решено, что мы поедem к морю по британской территории с наиболее хрупкими экземплярами, тогда как Джерри повезет по гудронному шоссе в французской части Камеруна рептилий и основную часть нашего снаряжения. Снова на помощь пришла ОАК, предоставив нам два тяжелых грузовика, из которых один был с приводом на четыре колеса, чему мы были особенно благодарны, поскольку начался сезон дождей и дороги порой становились совсем непроходимыми. Первую остановку мы сделали в Мамфе. Эта часть пути прошла довольно гладко, легкий дождичек прибил пыль, так что к дому управляющего ОАК мы подъехали не слишком грязные. Джон Хендерсон уже уехал в отпуск, но его заместитель Джон Топэм и миссис Топэм не жалели сил, помогая нам. Топэмов весьма беспокоило состояние следующего этапа, до Кумбы.

— Вам необходимо выехать возможно раньше завтра утром, — предупредил Джон. — Водители опасаются, что ближе к вечеру пойдет сильный дождь, и хотели бы одолеть большую часть пути до того, как дорогу размочит. Я договорился, чтобы вы могли переночевать в рестхаузе, и после обеда отвезу вас туда. О животных не беспокойтесь, мой сторож присмотрит за ними.

Мы были очень благодарны Топэмам, они еще могли нам покормить животных, чтобы мы могли лечь пораньше.

На другой день мы поднялись чуть свет, покормили зверей, почистили тех, кто в этом особенно нуждался, и приготовились выезжать, рассчитывая достаточно рано прибыть в Кумбу, где начиналось хорошее шоссе и где мы могли уделить нашим подопечным достаточно внимания, дать им передохнуть сорок восемь часов, прежде чем продолжать путь до Тико и грузиться на пароход. Увы, двое из наших слуг, один из которых пользовался особым доверием Софи, куда-то запропали. Водители были вне себя от ярости и лишь с большой неохотой позволили нам послать людей за недотепами. Было очевидно, что скоро пойдет дождь, и я уже решила ехать дальше без них, но тут они наконец появились с пристыженными физиономиями. Водители были не прочь задать им трепку, но я думала только о том, чтобы поскорее тронуться в путь.

— Подождем с разборками до Кумбы, — сказала я. — Обещаю, что там они получают выволочку, какую надо долго запомнят.

Как я и опасалась, хлынул ливень, и дорога уподобилась клееварке. Мягкая африканская красная пыль превратилась в вязкую массу, ехать стало не просто трудно, но опасно. Чем дальше — тем хуже, дорога походила на танкодром, на каждом метре — ямы и ручейки. Кончилось тем, что, к великому моему ужасу,

один грузовик развернулся, скользя, под прямым углом и угодил двумя колесами в кювет. Водитель живо выключил мотор, я выскочила наружу и погрузилась выше лодыжек в грязь. Но меня слишком тревожила судьба Софи и наших зверей, чтобы я стала думать о состоянии своей обуви и брюк. С помощью слуг и водителей мы извлекли Софи из ее кабины. Она здорово перепугалась, но обошлась без ушибов и, подобно мне, беспokoилась за состояние животных в кузове. Живо забравшись внутрь, я заключила, что все вроде бы в порядке, однако окончательный вывод можно было сделать лишь после того, как грузовик будет извлечен из кювета. К этому времени я пришла в такое неистовство, что была отнюдь не расположена вести любезный диалог с едущими следом африканцами, которые громогласно требовали, чтобы мы освободили дорогу и пропустили их. Я послала к ним одного из наших боев — пусть перестанут орать и вместо этого помогут нам выбраться из кювета.

— Мадам,— сообщил он, вернувшись,— этот люди говорить, он не может нам помогать.

— Это почему же?

— Я не знать.

— Ладно, я сама узнаю! — крикнула я и подбежала к чужим грузовикам.

Разыгралось нечто вроде комической оперы с элементами сатиры: я бранилась, уговаривала, требовала, наконец выдала длинную политическую тираду — дескать, как они рассчитывают добиться независимости и самоуправления, если не в состоянии даже помочь путникам на дороге. Как ни странно, эти слова задели их самолюбие, они вдруг вскричали: «Ура!» — соскочили на землю, вооружились досками, на которых сидели, через десяток минут наш грузовик занял нормальное положение, и мы принялись дружно нахваливать друг

друга за сноровку. Когда я попыталась извиниться за то, что употребляла нехорошие слова, они столь же дружно стали заверять меня, что все в порядке, я была права, они только рады, что я не побоялась отчитать их за дело.

Заглянув в кузов нашей злополучной машины и убедившись, что все обошлось благополучно, я велела водителям развить максимально возможную скорость, чтобы побыстрее добраться до Кумбы и как-то устроить там на ночь наших бедных испуганных зверей. Последний участок пути прошел под знаком всеобщего веселья, и мы не без грусти простились с нашими добрыми самаритянами, когда в Кумбе остановились у Микробиологической лаборатории доктора Крю, который любезно согласился приютить нас на ночь. Выгрузив из кузовов нашу коллекцию, мы принялись чистить все клетки и тщательно осматривать их обитателей, а тем нужно было только, чтобы их покормили и позволили отоспаться. Лежа вечером на своих раскладушках, мы с Софи говорили друг другу, что ни за какие блага не согласились бы повторить это путешествие, и радовались, что наши звери перенесли его тяготы так благополучно.

— Вот увидишь,— сказала Софи,— у нашей лапочки Джерри будет чудесное путешествие, солнце всю дорогу.

— Ничего,— рассмеялась я,— на нашу долю выпала хорошая практика перед предстоящим плаванием домой.

Путь от Кумбы до Тико прошел без приключений, ехать по гудрону было сплошным блаженством. В Тико наши подопечные разместились в рестхаузе этажом ниже нас. До отхода банановоза было четыре дня — слава Богу, потому что и мы, и наши звери нуждались в передышке после жуткого переезда из Баменды. Как мы и полагали, Даррелл явился в положенный срок, его странствие сложилось отменно — ни дождей, ни каких-либо происшествий, даже жары особенной не было.

— Похоже, нам суждено всегда оставаться в дураках, верно, Джекки? — заметила Софи. — Ничего, в следующий раз заставим его отдуваться. Если доживем до следующего раза.

На ранней стадии нашей экспедиции, когда мы обсуждали, что станем делать с нашей коллекцией по возвращении в Англию, я в приливе бредового энтузиазма предложила Дарреллу подумать о том, чтобы сохранить ее и нажать на мэрию Борнмута — пусть предоставят нам площадь для собственного зоопарка. Моя идея воодушевила Джерри, оставалось только надеяться, что мэрия поддастся шантажу.

Обратное плавание прошло вполне благополучно, если не считать восьмибалльный шторм на широте Дакара, когда из нашего отряда одна я держалась на ногах и мужественно сражалась два часа с ветром, укрепляя сорванный с привязи брезент. Душке Чемли — без ведома капитана — было дозволено плыть в компании с Дарреллом; у нас с Софи была своя каюта, Джерри разместился вместе с кем-то еще. Стюарды влюбились в нашего шимпанзе и терпели все его безобразия; когда он однажды намочил койку, они кротко поменяли постель. И другие члены команды всячески помогали нам, если не считать одного оригинала, который почему-то невзлюбил нас и наших животных. Один раз он отправил за борт целую кучу наших кормушек, а накануне прихода в Ливерпуль, выбрасывая клетки из трюма на палубу, постарался сделать это так, что все дверцы пооткрывались. В итоге тут же погиб новорожденный детеныш черноухой белки, а другая белка прыгнула с испугу за борт и утонула. Думаю, Даррелл был способен убить негодяя, если бы смог до него добраться.

— Терпеть не могу людей, срывающих зло на беспомощных существах, вроде детей и животных,— буживал он.

Это был первый случай в нашей практике; обычно моряки с любовью относятся к животным и всячески о них пекутся.

Заключительный этап экспедиции едва не доконал нас всех, во всяком случае, двуногих прямоходящих. Для транспортировки нашей коллекции от Ливерпуля до Борнмута нам выделили товарный вагон, и мы, естественно, рассчитывали, что нас прицепят к идущему до Лондона пассажирскому поезду, а там — опять же к поезду Лондон — Борнмут. Увы, такой простой вариант не устраивал железнодорожников, в итоге мы провели четырнадцать часов в товарном вагоне с одним сиденьем на троих, то и дело меняя составы и оказываясь на запасных путях, прежде чем добрались наконец до Борнмута. От этакой перетряски был в восторге один лишь Чемли, которому предоставилась возможность целую ночь истязать нас троих. Тот факт, что мы проголодались, хотели пить и жутко устали, ничуть не волновал этого милого зверя. Он получил положенный корм, попил молока и блаженствовал на руках того, чья очередь была воспользоваться единственным сиденьем.

На Борнмутском вокзале нас встретили фургоны и живо доставили домой на Сент-Олбанс-авеню. Чемли с удовольствием приняла на свое попечение мать Джерри; для наиболее выносливых животных мы воздвигли большой шатер на лужайке за домом, а хрупкие твари разместились в гараже, который по нашей просьбе утеплил брат Софи. Наши животные как будто благополучно перенесли все испытания, требовалось только накормить их и оставить в покое. Мы же мечтали о горячей ванне, стаканчике спиртного и сытной трапезе. Однако наша мечта исполнилась лишь через несколько часов. Только

после того как Чемли, основательно избалованный матерью и сестрой Джерри, наконец был уложен спать в большой бельевой корзине, мы с Дарреллом смогли подняться к себе и поваляться на кровать.

— Ты всегда мечтал о зоопарке в своем багаже, Даррелл,— сказала я.— Ну вот, ты его и получил.

Глава пятая

На первых порах наш дворовый зверинец привлек благожелательное внимание соседей, они прилежно справлялись о благополучии и здоровье наших «друзей», а мы из кожи вон лезли, следя за чистотой и порядком в нашем хозяйстве и истребляя мух. Наиболее выносливые животные, вроде цивет, мангустов и крупных обезьян, обитали в шатре на лужайке, а хищных птиц мы поместили в сборных клетках, накрытых изготовленным по нашему заказу одной щедрой фирмой брезентом. Более хрупкие животные — белки, некоторые птицы и галаго — поселились, как я уже сказала, в оборудованном братом Софи гараже. Серьезную проблему представляли собой рептилии, но тут нас выручил Пейнтонский зоопарк, изъявив готовность приютить всех наших пресмыкающихся. Великое облег-

чение для нас, потому что мы при всем желании не могли обеспечить рептилий теплыми террариумами. Крупная шимпанзе Минни поначалу жила в огромной сборной клетке, но ее привычка чуть что громко визжать вызвала град протестов со стороны соседей, так что и тут пришлось нам воспользоваться милостью Пейнтонского зоопарка.

В общем и целом, все было отлично налажено, и если наши животные страдали от чего-нибудь, так это от избытка внимания. Один местный зеленщик проникся к нам таким расположением, что снабжал нас самыми разнообразными фруктами и овощами — в ущерб, подозреваю, собственному кошельку, а в расположенном поблизости магазине для любителей домашних животных мы приобретали необходимое мясо. Большим подспорьем для нас было доброжелательное отношение Общества защиты животных и санинспекции, чьи представители в первые же дни навестили нас и доложили начальству, что наши звери устроены как положено. Они дали нам положительные оценки по всем статьям, хотя один сосед упорно твердил, будто наши животные заразили блохами его кур¹.

Чемли, естественно, роскошествовал в доме, окруженный сюсюкающими особами женского пола, которые спускали ему все проказы. Только мы с Джерри кое-как держали его в узде. И совсем ему вскружило голову нескончаемое шествие газетчиков, телевизионщиков и просто зевак, коим непременно требовалось посмотреть на этого негодника. День Чемли складывался просто: утром его будили, предлагая большую чашку чаю с молоком, и одевали в яркий свитер, связанный моей свекровью, чтобы «бедняжка не мерз». Весь остальной

¹ Недаром я о соседях вообще самого плохого мнения и советую их не слушать. Дж. Д.

день он, как мог, измывался над обитателями дома, пока вечером, доведенные до бешенства и полного изнеможения, мы не укладывали его спать, выдав напоследок кружку шоколадно-молочного напитка. Первое время он спал в комнате миссис Даррелл, но тут выяснилось, что она не может ночью читать, опасаясь, что электрическое освещение будет беспокоить мохнатое чудовище. Тогда мы перевели Чемли в свою комнату, где он безо всякого ущерба для своего здоровья и благополучия быстро привык к свету, шуму, табачному дыму и прочим неудобствам. Его любимой забавой было раскачиваться на занавесках в большой гостиной, где он устраивал ежедневные представления для соседских детишек. Еще он подружился с сынишкой одного из жильцов Маргарет, и они отлично веселились, причем верх потехи наступал, когда бедняжка Джон Хокер, сопя, красный от натуги, катал тяжелого шимпанзе на тачке в саду. Еще одним любимым местом Чемли была площадка для игры в гольф в конце аллеи. Здесь он лазил по деревьям, кувыркался, гонялся за собакой по имени Джонни и мешал сосредоточиться спортсменам, изо всех сил старающимся обойти соперника. Наигравшись всласть, он с видом восточного владыки разваливался на складном детском стуле на колесиках и разрешал (обычно все тому же юному Джону) катить себя по аллее домой.

Развлекая Чемли, мы не забывали и о представителях местной и центральной печати, которые сочувственно слушали, как Даррелл излагает свои планы учреждения зоопарка в Борнмуте. Отцы города приязненно относились к этой идее, нам предлагали даже какие-то участки; к сожалению, они по разным причинам не подходили для зоопарка.

Именно к этому времени относятся наши первые попытки сделать что-то серьезное для телевидения. Нас связали с Тони Сопером, ведущим одной популярной

программы, он приехал в Борнмут посмотреть материал, отснятый в Бафуте, и после того как основательно потрудился над монтажом, телезрители увидели наш первый сериал — «За животными в Бафут». Тони отказался от привычной схемы, когда два участника передачи, сидя на жестких стульях, тупо таращатся в камеру и ведут малоувлекательную беседу. В студии восстановили обстановку нашей комнаты, причем так удачно, что наш пес Джонни сразу почувствовал себя как дома, однако мы допустили промашку, сделав главным действующим лицом трех серий Чемли, который, как и положено животным, делал совсем не то, что от него ожидалось. Я заранее знала, что наш дорогой сородич, не раз выступавший в таких августовских программах, как «Сегодня вечером», настолько проникся сознанием собственной важности, что никому не уступит пальму первенства. Так или иначе, зрители и критики восприняли наш сериал с весьма смешанными чувствами, но мы все равно посчитали этот опыт полезным, поскольку он помог нам многое узнать о телевидении и о себе. Пожалуй, главный урок сводился к тому, что Даррелл неуютно чувствовал себя в телевизионной студии, предпочитал, если впредь делать что-то для телевидения, проводить съемки на натуре. Лично я обожаю телевидение, но если говорить о наших делах, то для нас оно скорее служит витриной, позволяющей демонстрировать важность усилий по охране природы.

Мы уже потеряли всякую надежду найти пригодное место для нашего зоопарка, когда получили письмо от секретаря городского совета Пула; из письма следовало, что тамошний муниципалитет загорелся идеей учредить в городе зоопарк и располагает для этого отличным местом. Даррелл сразу завелся, ибо близился конец года, когда холодная погода не позволит держать животных под открытым небом. Требовалось возможно скорее что-то предпринять. Однако всякий, кому когда-либо дово-

дилось иметь дело с местными властями, знает, что это такое — слова «быстро» и «скоро» не входят в их лексикон. Предложенное нам место само по себе выглядело соблазнительно — старинная усадьба и прилегающий участок земли по соседству с гаванью. Все хорошо, да только дом был сильно запущен, и на приведение его в порядок ушла бы уйма денег. То же можно было сказать о надворных постройках и коттедже садовника; их вернее всего было бы вовсе снести и строить заново. Но мы не сдавались и целых полтора года не жалели времени и денег, пытаясь поладить с мэрией Пула и выжимая из нашего лондонского банка кредит в размере десяти тысяч фунтов.

Тем временем стало очевидно, что до зимы мы все равно не успеем пристроить наших зверей, но тут Дарреллу пришла в голову отличная мысль:

— Что, если обратиться в какой-нибудь большой магазин и предложить им оборудовать маленький зоопарк в цокольном этаже как элемент рождественского оформления?

— Стоит попытаться, — согласилась я, и в конце концов нам удалось договориться с торговым центром Дж. Аллена.

По нашим чертежам там разместили в цокольном этаже клетки, оборудовав в центре нечто вроде детской комнаты для нашего драгоценного Чемли. От нас требовалось выделить животных, служителя, чтобы кормил их и следил за чистотой, и обеспечивать обитателей клеток кормом; барыш (если будет) условились делить поровну. Нам было не до того, чтобы торговаться, лишь бы хватило денег платить жалованье служителю, хоть часть проблем будет решена. Остальных зверей соглашался взять Пейнтонский зоопарк, и мы были весьма благодарны его администрации, которая бралась приютить и кормить наших подопечных, освобождая от тяжелого бремени наш скромный бюджет. К тому же затянувшиеся переговоры с вла-

стями Пула отбивали у Даррелла всякую охоту приниматься за писание новой книги.

Дела с универсамом складывались как нельзя лучше — вплоть до одного воскресного дня, когда мы с утра решили расслабиться и благодарили небо за то, что сегодня свободны от всяких забот. Но тут зазвонил телефон, и к нам в комнату вбежала Маргарет:

— Джерри, звонят из полиции. В универсаме что-то произошло. Возьмешь трубку?

Даррелл пулей выскочил из кресла и вскоре вернулся, на ходу надевая пальто.

— Этот чертов бабуин Георгина каким-то образом выбралась из клетки и учинила разгром в витринах. Я вызвал такси по телефону, вы догоняйте!

С этими словами он скатился по лестнице вниз на первый этаж. Приехав в магазин, мы с трудом пробились через толпу зевак. Георгина чудно веселилась, лихо отплясывая на кроватях в большой витрине. Навстречу нам выбежал встрепанный Даррелл.

— Вы с Марго займите позицию у выхода, а я попытаюсь вместе с двумя полицейскими поймать негодницу.

Обилие зрителей снаружи и внутри магазина воодушевляло Георгину, она упивалась вниманием публики, однако до нее быстро дошло, что Даррелл не разделяет ее ликование, напротив, он явно негодует. Георгина всегда была трусихой — следствие перенесенных ею лишений и побоев, когда она «выступала» в одном африканском баре, откуда мы ее извлекли. Сейчас она вдруг бросилась к одному из полицейских и обхватила его за ногу, громко визжа. Джерри велел полицейскому не двигаться, освободил его от Георгины и поспешил вернуть ее обратно в клетку.

— Господи! — произнес несчастный блюститель порядка, вытирая потный лоб. — Я уж думал, сэр, что мне конец.

— Вы отлично держались, огромное спасибо вам за помощь.

— Не за что, сэр, пустяки, это не то что усмирять подростков.

Срочно вызванный из дома директор магазина бродил среди пострадавшего интерьера, прикидывая размеры ущерба. К счастью, все оказалось не так страшно, как могло быть, но весь остаток дня мы просидели у телефона, ожидая нового вызова. Слава Богу, обошлось.

После того никаких происшествий не было, и наш зверинец в торговом центре пользовался таким успехом, что оставался там еще несколько недель после Рождества. наших доходов вполне хватало на корм для животных, но мы ничуть не огорчились, когда пришло время забирать их. Наш друг-зеленщик снова пришел на помощь, предоставив свой грузовик, чтобы мы могли отвезти их — кроме Пучеглазого и Малютки — в Пейнтонский зоопарк, и вскоре соседи снова стали улыбаться нам¹. После многомесячной лихорадочной деятельности как-то странно было получить возможность валяться в постели до восьми часов утра, вместо того чтобы с рассветом торопиться проверять, как там наши подопечные, или сражаться с непогодой, как это было в одну лунную ночь, когда штормовой ветер грозил порвать растяжки большого шатра. Чемли тоже оставался с нами в Борнмуте, он был слишком избалован, чтобы жить в зоопарке, но мать Джерри обожала его и ухаживала за ним, как за малым дитем, исполняя все его желания. Даже Софи (где был ее ум?) вела себя точно так же; в один прекрасный день я увидела, как она ходит по гостиной с восседающим на голове шимпанзе.

— Но ему это нравится, — возразила она в ответ на мое замечание. — И ведь он еще совсем ребенок.

¹ См. предыдущее примечание. Дж. Д.

Нашим переговорам с мэрией Пула, казалось, не будет конца, но все же мы пришли к устраивающему обе стороны предварительному соглашению, и Харт-Дэйвис вызвался гарантировать для нас банковский заем в размере десяти тысяч фунтов, под обещание, что зоопарк обеспечит материал для бесконечной серии книг, эксклюзивные права на которые будут принадлежать издательству.

Увы, предложенные нам условия аренды оказались неприемлемыми. Было очевидно, что большая часть десяти тысяч будет поглощена одним только ремонтом усадьбы и надворных строений, что вовсе не входило в наши планы. Нам ведь еще надо было соорудить вольеры и различные специальные постройки, провести свет, отопление и так далее. Даррелл страшно огорчился, и с великой неохотой пришлось нам признать, что из идеи учредить зоопарк в Пуле ничего не выйдет. Городские власти посчитали, что мы их здорово подвели, но им следовало учесть, сколько времени и денег мы потратили на все переговоры. К тому же необходимо было в этом году организовать новую экспедицию, чтобы выполнить наши обязательства перед издателем. Бедняга Даррелл не находил себе места.

— Если мы срочно что-нибудь не придумаем, лишимся животных, размещенных в Пейнтонском зоопарке.

У нас было условлено, что, если мы к определенной дате не заберем зверей, они станут собственностью зоопарка. Абсолютно справедливое условие, ведь там почти год содержали и кормили их.

— Почему бы нам не совершить новое путешествие, — предложила я, — подальше от всего этого кавардака?

Моя идея понравилась Джерри, и мы решили снова отправиться в Аргентину, но на этот раз работать только в ее пределах.

Прежде чем уезжать, требовалось решить ряд проблем. Главное — определиться с будущим нашего зверинца и придумать, как быть с Чемли, который окончательно перестал кого-либо слушаться, кроме самого Даррелла.

— Все равно,— заключил Джерри,— будем готовить аргентинскую экспедицию, а со зверинцем и Чемли разберемся, когда завершим подготовку.

И мы с Софи принялись за дело. Наши планы вызвали большой интерес у Би-би-си. Правда, компания не могла выделить нам в помощь кинооператора, но предложила подписать контракт на любой фильм, снятый нами самими. Мы снова обратились к нашим друзьям в Министерстве иностранных дел и в посольстве Аргентины, и к нам отнеслись так же доброжелательно, как четыре года назад.

— Знаешь, мне кажется, мы просто обязаны предложить Харт-Дэйвису еще одну книгу, прежде чем уезжать,— сказал Даррелл.— Но за такой короткий срок я не в состоянии сочинить что-то о последней африканской экспедиции.

— А как насчет того, чтобы издать все то, что ты писал для Би-би-си?

— Ты о чем это?

— О цикле передач, который ты назвал «Встречи с животными». Вспомни, какой популярностью они пользовались, сколько людей писали на радио, прося прислать им копии текстов.

— Думаешь, они понравятся Харт-Дэйвису?

— Во всяком случае, это лучше, чем ничего,— настаивала я.— И ты можешь посоветоваться со Спенсером.

Спенсер одобрил мою идею, но попросил познакомиться его с текстами, прежде чем он займется этим делом. Тексты ему понравились, после чего оставалось только скомпоновать их и сочинить небольшое вступ-

ление. Ральф Томпсон снабдил книгу прелестными иллюстрациями, и, ко всеобщему удивлению (исключая меня), она была хорошо принята и неплохо разошлась.

— Что может быть лучше — дважды получить деньги за одну работу, — смеялась Софи. — Однако не думаю, чтобы нам позволили повторить этот номер.

Так или иначе, издателю было над чем поработать в наше отсутствие.

Конечно, главной нашей заботой оставалась подготовка экспедиции. Одержимый книгой Дарвина «Путешествие на «Бигле», Джерри втайне мечтал попасть в Патагонию, чтобы своими глазами увидеть обитающих там в приморье пингвинов, котиков и морских слонов.

— Я еще никогда не общался близко с крупными животными, — произнес он. — Это, должно быть, увлекательно.

Мы с Софи обменялись выразительными взглядами.

— Во всяком случае, — отозвалась я, — отдохнешь от банков, процентов, налоговых инспекторов, зоопарков и мэрий. Лично я предпочла бы снова думать о сборных клетках и плохих дорогах.

Мы запросили компанию «Ровер» — не предоставят ли они нам машину для целей рекламы. Там справедливо посчитали, что реклама мало что даст ввиду ограниченности рынка в Южной Америке, однако вызвались отпустить со скидкой специальную экспедиционную модель лендровера с двойным бензобаком и прочими приспособлениями. Нам это было очень кстати; на тех же условиях мы приобрели прицеп. Не желая повторения предыдущего опыта, на сей раз я сама позаботилась о выборе парохода. Бедняге Дарреллу тяжело пришлось за последние месяцы, и я полагала, что путешествие пойдет ему на пользу. Компания «Блу Стар» весьма предупредительно предложила воспользоваться каютами на одном из ее грузовых пароходов.

Я уже решила, что Даррелл окончательно поставил крест на идее учреждения собственного зоопарка, однако не учла силу его упрямства.

— Должны же где-то еще быть здравомыслящие деятели, свободные от пут бюрократии, не кивающие на всех этих милых планировщиков и градостроителей, — молвил он однажды со стоном.

И тут, сама не знаю почему, я вдруг назвала остров Джерси.

— Там и климат получше здешнего, и своя собственная администрация, почему не попробовать.

— Превосходная идея, вот только мы не знаем там никого, кто мог бы нам помочь, а сроки поджимают.

Помощь последовала, притом совсем с неожиданной стороны. Даррелл навестил Руперта Харт-Дэйвиса, чтобы поблагодарить его за содействие с получением банковского займа и объяснить, почему эти деньги нам не понадобятся. Руперт не меньше нашего был огорчен неудачным исходом переговоров с властями Пула.

— Неужели нельзя найти другое место, Джерри? Уверен, стоит только поискать.

— Конечно, ты прав, но в Британии, куда ни сунься, наткнешься на землеустроителей. Джеки советует попытать счастья на Норманнских островах, но беда в том, что мы там никого не знаем.

— Зато я знаю, — сказал Руперт. — Там живет один мой старый приятель по армейской службе. Не сомневаюсь, он охотно поможет тебе. Я напишу ему сегодня же — глядишь, и извлечет из шляпы какую-нибудь диковину.

Друг Руперта и впрямь вызвался нам помочь, и вскоре мы прибыли на Джерси, где майор Фрейзер встретил нас и предложил совершить экскурсию по острову, осмотреть выставленные на продажу участки. Однако ни один из них не устраивал нас по разным причинам. Тогдашние цены на землю на Джерси были нам совер-

шенно не по карману, оставалось искать что-нибудь для длительной аренды, и чтобы на участке были надворные постройки, пригодные для размещения животных.

— Не отчаивайся, дружище, — сказал майор. — Поедем обратно ко мне, выпьем по стаканчику, поговорим.

Поместье Огр майора Фрейзера выглядело чудесно. Сложенное из гранита главное здание напоминало букву Е без средней палочки; два флигеля оканчивались красивыми арками, сооруженными в XVI веке. Хью Фрейзер явно был горд своим владением и с удовольствием показал нам надворные постройки — старинный пресс для сидра, коровники, гаражи. Гранитные стены, одна из которых была покрыта альпийскими растениями, окружали чудесный сад. Еще мы увидели озерко и заливной луг.

— У тебя тут просто замечательно, Хью, — сказал Даррелл.

— Верно, по-моему, это одно из самых красивых поместий на острове, — отозвался хозяин.

Даррелл повернулся ко мне, улыбаясь:

— Тебе не кажется, тут можно было бы устроить отличный зоопарк?

— Конечно, — ответила я.

— Вы это серьезно? — спросил Хью.

— Я вполне серьезно считаю, что получился бы превосходный зоопарк, однако вряд ли тебя может заинтересовать такая идея.

— Почему же, дружище. Содержание поместья мне не по карману, да и жена не прочь вернуться на материк.

— Но и мне такая покупка не по карману, Хью.

— Конечно, конечно. Я думал о том, чтобы сдать тебе поместье в аренду. Лучше пошли в дом, потолкуем за стаканчиком виски.

Так мы, что называется, в последний момент нашли убежище для наших зверей, и Пейнтонский зоопарк любезно согласился держать их у себя, пока не будет

оборудован наш зверинец. Хью Фрейзер взялся разрешить все вопросы с местными властями.

До отъезда в Аргентину оставалось меньше месяца, и через несколько дней мы снова отправились на Джерси для встречи с главой департамента туризма, сенатором Кричевски. Он весьма одобрительно отнесся к нашим планам и обещал всяческую поддержку. Другие местные чины проявили не меньшую благожелательность, понимая, как важно ускорить завершение всех формальностей. Адвокат Хью Фрейзера составил приемлемый для сторон контракт об аренде, который мы и подписали за двадцать четыре часа до отплытия из Плимута. Тем временем Джерри договорился с одним своим прежним сотрудником, чтобы тот взял на себя роль управляющего и занялся обустройством зоопарка.

— Как мне хотелось бы остаться на Джерси и самому все оборудовать,— печально произнес Джерри, стоя на палубе парохода и глядя на удаляющуюся панораму Плимута.

— Понимаю тебя, но сам знаешь, тебе нельзя останавливаться, особенно теперь, когда ты связал свое будущее с этим поместьем. Зато теперь тебе предстоит удовольствие привезти зверей в свой собственный зоопарк, и эта мысль должна тебя утешить.

Глава шестая

Как чудесно было снова очутиться в Буэнос-Айресе, увидеть цветущие жакаранды и бугенвиллеи, хотя вечерний город встретил нас проливным дождем. Пройти через таможеню со всем нашим снаряжением мы уже не успевали, а потому решили захватить самое необходимое и вернуться завтра за остальным имуществом. Бебита забронировала места в нашей знакомой гостинице и встретила нас там. Похоже было, что все, включая хозяина гостиницы и его подчиненных, рады снова нас видеть.

Софи и на этот раз приехала с нами, а еще мы взяли с собой миссис Даррелл — ей нездоровилось, и врач решил, что морское путешествие до Аргентины и обратно прибавит ей сил, чтобы легче перенести предстоящую зиму. Как мы и ожидали, обе они сразу вклю-

бились в Буэнос-Айрес. Бебита потрясла нас известием, что уже приготовилась навсегда покинуть Аргентину и поселиться в Нью-Йорке, когда получила письмо, извещающее о нашем прибытии. Пришлось ей задержаться на неделю, чтобы позаботиться о нас. Типичный поступок для этой чудесной женщины, и мы с грустью думали о скорой разлуке.

Освоившись и повидав всех друзей, Джерри вместе с Рафаэлем поспешил в гавань, чтобы пополучить наше снаряжение, включая лендровер. И начались интриги с таможней... Когда мы приезжали в прошлый раз, в стране правил Перон, и его благословение помогло убрать преграды, все шло как по маслу. Однако за прошедшие годы Перон уступил место более демократичным правителям, в итоге никто не пожелал брать на себя ответственность за наш беспрепятственный въезд с нашим имуществом. Нам приходилось сражаться за такие драгоценные предметы, как старая одежда и бреленты. Относительно гладко прошли через таможенную кинокамеры, половина пленки к ним и лендровер, однако невеста почему были задержаны прицеп, вторая половина пленки и все звероловное снаряжение. Чтобы выручить их, понадобился целый месяц ежедневных споров и уговаривания. Нелепая ситуация — ведь аргентинское посольство в Лондоне, как и в прошлый раз, дало свое добро, снабдило нас всеми привилегиями официальной научной экспедиции, однако в самой Аргентине никому не было до этого дела. К счастью, я была избавлена от участия в набегах на таможенную, всеми операциями руководил Даррелл, и сопровождавшие его мушкетеры заверили меня, что его англо-саксонский лексикон был неподражаем.

Ожидая, когда очередной чинуша решит наконец, стоит ли отдавать наши вещи, мы бесцельно слонялись по городу.

— Необходимо найти водителя для лендровера, — объявил Даррелл однажды утром. — Я отнюдь не желаю рисковать жизнью, садясь за руль, аргентинцы носятся по дорогам как бешеные.

Так в нашу жизнь вошла Жозефина — маленькая женщина с кудрявой шапкой рыжих волос, огромными карими глазами и ослепительной улыбкой, благодаря которой у нее не было проблем с парковкой. Жозефина была первоклассным водителем и чудесным товарищем. Оставалось лишь пожалеть, что она не сможет участвовать в поездке на юг — если такая поездка вообще состоится. Езда по улицам Буэнос-Айреса с Жозефиной за рулем изобиловала острыми ощущениями, включая ее перепалки с незадачливыми водителями других машин, кои отваживались ей перечить. Размахивая кулаками и не скупясь на брань, она весьма откровенно излагала свое мнение о бедняге и его предках. К сожалению, сверх того она переняла у Даррелла кое-какие сочные англосаксонские выражения, на которые тот не скупился, когда бывал не в духе; довольно дико было слушать, как Жозефина на ломаном английском языке обзывает человека «грязным ублюдком».

Желая внести какое-то разнообразие в наше бытие, омраченное монотонными визитами в таможенное управление, наши друзья Де Сото предложили нам отдохнуть денек в их загородном поместье. Миссис Даррелл оставалось еще несколько дней до отбытия в обратный рейс в Англию, и мы взяли ее с собой. За рулем сидел Карлос Де Сото, другие члены семейства набились в машину вместе с нами. Мы провели чудесный день в поместье, любуясь птицами на озере за усадьбой и носясь верхом по степи; на душе сразу стало легче. Миссис Даррелл была в восторге оттого, что увидела хотя бы одно из тех мест, про какие мы ей рассказывали, и она даже глазом не моргнула, когда наша ма-

шина чуть не опрокинулась, буксуя на мокрой грязи после дождя. Для аргентинских дорог типично, что малейшие дожди превращают их в подобие клееварки, а стоит пригреть солнцу, как грунт становится твердым и над дорогой, совсем как в Африке, носится пыль.

Грустно было прощаться с матерью Джерри, когда она садилась на пароход, но перемена обстановки пошла ей на пользу, и миссис Даррелл смогла познакомиться с нашими многочисленными друзьями.

Тем временем битва с таможенной продолжалась с прежней силой, правда, у нас возникла слабая надежда на успех, когда главный чин обещал принять Джерри на следующей неделе. До той поры мы располагали еще одним уик-эндом, и Де Сото снова пригласили нас в свое поместье. На сей раз нам повезло с погодой, и мы с удовольствием побродили кругом, фотографируя природу и наблюдая птиц. Пока все сели пить мате — распространенный в Южной Америке травяной чай, я решила навести чистоту в лендровере, освободить его от окурков, фантиков и пыли. Опустив откидной борт сзади, я, должно быть, чересчур энергично принялась за дело, потому что верхняя створка сорвалась с запора и долбанула меня по голове, когда я выпрямилась, чтобы полюбоваться результатами своих усилий. Отчаянно чертыхаясь и ощущая легкое головокружение, я продолжила уборку; в это время появился Даррелл, решивший проверить, чем я занимаюсь.

— Ничего особенного, — сообщила я. — Просто наведу чистоту в кузове.

— Что-то ты бледная какая-то? Ты здорова?

— Насколько можно быть здоровой, когда тебя стукнет створкой по башке. В остальном все в порядке.

Ухмыляясь, он потер быстро растущую шишку на моей голове.

— Бросай это дело, лучше отдохни. Подумаешь — немного пыли, как-нибудь переживем¹.

Вернувшись в Буэнос-Айрес, мы узнали, что в понедельник утром некий сеньор Данте вдруг постановил немедленно выдать нам все снаряжение. Мы так и не узнали, что подвигло его на такое решение. То ли этого вообще никто не знал, то ли нас не пожелали просветить.

— Скажите спасибо, что в конце концов заполучили свое имущество, — сказала сестра Рафаэля, Мерседес. — И не допытывайтесь о причине. Забирайте снаряжение, да поскорее.

За консультацией относительно поездки на юг мы обратились к доктору Годой, начальнику Департамента фауны в Министерстве сельского хозяйства. Он посоветовал нам поехать в Пуэрто-Десеадо, там капитан Гири знает, где находится колония пингвинов, и поможет нам со съемкой.

— А где помещаются колонии морских слонов и китиков? — спросил Джерри.

— Их вы найдете на полуострове Вальдес, а чтобы попасть туда, вам нужно в Пуэрто-Мадрине повидать охотников, я назову вам их имена, они точно знают расположение колоний.

И доктор Годой показал нам свежие аэрофото китиковых колоний. Даррелл сразу загорелся.

— Мне не терпится поехать туда, — объявил он. — Я всегда был неравнодушен к китикам. Пообщаться с ними — это же будет здорово!

¹ Моя жена никак не усвоит один из основных жизненных принципов: если оставить вещи в покое, случится одно из двух. Либо они постепенно утратят всякое значение, либо обретут такой масштаб, что поневоле придется что-то предпринять. В последнем случае ты будешь во всеоружии благодаря тому, что отдыхал, по мере того как они набирали силу. Дж. Д.

Никто из нас не разделял его энтузиазм, к тому же надо было еще найти водителя, знающего дорогу. Кроме того, мы нуждались в переводчике. Рафаэль учился на ветеринара в университете и не мог сейчас оставить занятия, однако он предложил нам воспользоваться услугами его родственницы — Марии Рене, надо было только дождаться конца года, когда она сможет взять отпуск на службе. Мы условились собраться вместе и обсудить этот вариант.

Между тем я начала чувствовать недомогание и однажды вечером в ресторане едва не потеряла сознание, чего со мной еще никогда не случалось. Похоже было, что все члены семьи Де Сото разбираются в медицине, и нам не стоило труда упросить одного из них осмотреть меня.

— Все ясно, — объявил он. — У нее легкое сотрясение мозга от того удара по голове, а потому предлагаю ей провести дня два в темной комнате, соблюдая полный покой, никаких переживаний. Если к концу недели ей не станет лучше, дайте знать, сделаем рентген.

Сказал и удалился с ласковой улыбкой. Он оказался прав — через два дня я снова была в полном порядке и стала носиться кругом, готовя все необходимое для выезда на юг.

Мария Рене согласилась ехать с нами и даже нашла для нас водителя — молодого юриста Дикки Соло. Он прилично знал интересующий нас район, однако оставаться там с нами не мог, должен был сразу же возвращаться в Буэнос-Айрес. Не скажу, чтобы это нас особенно беспокоило, мы полагали, что сами сумеем проделать обратный путь. И вот назначена дата отъезда — утро 1 января. Что весьма позабавило наших друзей, убежденных, что мы будем просто не в состоянии покинуть Буэнос-Айрес в первый день нового года. Они недооценивали силу нашего энтузиазма; однако в по-

следний момент, когда все уже было готово, случилось неприятное происшествие. Направляясь на вечеринку, мы решили по пути заехать домой к Марии Рене и выпить там по стаканчику. За рулем сидела Жозефина, и, как всегда, она без умолку болтала, не очень следя за обстановкой. Когда мы приблизились к единственному тогда в Буэнос-Айресе перекрестку со светофорами, я со своего места рядом с Жозефиной увидела, как зеленый свет сменился красным, она же явно этого не заметила.

— Светофор! — крикнула я.

В ту же секунду меня бросило на ветровое стекло. Даррелл тотчас подтянул меня к себе, и нас обоих обдали брызги крови. Меня волновало только одно: не пострадал ли наш лендровер от столкновения с впереди стоящей машиной. Со всех сторон к нам устремились люди, предлагая помощь, а я чувствовала себя совсем нормально, вот только кровь не переставала течь.

— Жозефина, живей к моему дому, — распорядилась Мария Рене. — Мой отец осмотрит голову Джеки.

— Может, лучше отвезти ее в больницу? — вступила Софи, которую тоже основательно тряхнуло.

— В этом нет необходимости, дорогая, — отозвалась Мария. — Вот если отец сам не справится, тогда он назовет нам подходящую больницу. А сейчас жми на газ, Жозефина, надо остановить кровь.

К сожалению, оказалось, что отец Марии — кардиолог, у него не было под рукой необходимых средств для обработки ран вроде моей, и он договорился по телефону, чтобы нас приняли в одной частной лечебнице. К этому времени я уже не так храбрилась, потому было ясно, что мое состояние оставляет желать лучшего.

В лечебнице меня сразу провели в операционную, нашли небольшой порез, но кровотечение было обиль-

ным, как всегда при травмах головы. Глядя на нас с Джерри, можно было подумать, что мы участвовали в каком-то побоище. В итоге мне наложили на лбу пять швов, велели не слишком напрягаться и прийти через неделю, чтобы они сняли швы. Почему-то я совсем не чувствовала боли.

— Не волнуйся,— утешил меня Даррелл,— завтра почувствуешь будь здоров. И я не удивлюсь, если оба глаза украсят роскошные синяки.

Бедная Жозефина страшно расстроилась и кляла себя за неосторожность.

— Глупости,— заявил Даррелл.— Ничего серьезного не произошло. Лучше поехали, отметим стаканчиком, что легко отделались.

Пока я находилась в операционной, Джерри стоял рядом, сжимая мою руку, и по его бледному лицу было видно, что он встревожен куда больше, чем я¹.

Мы решили по пути на вечеринку заглянуть в какое-нибудь кафе и подкрепиться хорошим глотком бренди.

— По правде говоря, Даррелл, мне кажется, что при том, как мы выглядим, следовало бы воздержаться от вечеринки. Что скажешь?

Мы обвели унылым взором свою одежду, испачканную кровью.

— Все равно мы уже не успеем вернуться в гостиницу и переодеться,— ответил он.— Давай уж доедем туда, куда нас пригласили, объясним, что случилось, и сразу возвратимся к себе.

Устроители вечеринки были малость испуганы нашим видом, однако отнеслись к случившемуся с пониманием и настояли на том, чтобы мы вошли в дом и выпили чего-нибудь покрепче. Собравшиеся встретили

¹ По правде говоря, в эту минуту я силился вспомнить, уплачены ли все взносы по ее страховке. Дж. Д.

нас очень любезно и уговаривали остаться, но к этому времени мне больше всего хотелось уединиться в темной комнате и отдохнуть от всех. Весь другой день я провела в постели, ничего не делала и ела очень мало, но на третий день заставила себя встать и больше днем не ложилась. Обошлось даже без синяков.

Утром первого января наша троица бодро встала чуть свет, однако Мария Рене и Дикки не показывались.

— Вот тебе и ранний старт,— заметила я.— Бьюсь об заклад, что они хорошенько встретили Новый год и теперь отсыпаются после пьянки.

Оставалось только ждать, и наконец около половины седьмого на пороге нашей спальни возникли два очень усталых субъекта.

— Вы уверены, что готовы ехать сегодня? — спросил Даррелл.— Если хотите подождать до завтра, я не стану возражать.

Эти слова заметно взбудрили их, и оба принялись горячо возражать, дескать, несмотря на сонный вид, они готовы хоть сейчас трогаться в путь. Мы погрузили снаряжение в лендровер и в прицеп, оставив место в машине для меня и Софи сзади; Джерри, Мария и Дикки сели впереди. День выдался ясный, и розовая окраска неба предвещала жгучий зной, так что я без тени сожаления покидала Буэнос-Айрес.

Обаятельный трепач Дикки без устали потешал нас всякими рассказами, но водитель он был неподобный, так что после устрашающих маневров Жозефины было сплошным удовольствием ехать с ним в сторону Мардель-Плата, знаменитейшего аргентинского курорта. Ни один уважающий себя столичный житель не станет засиживаться дома в январе и феврале, они мигрируют либо на юг, где расположен названный (довольно мерзкий, на мой взгляд) курорт, либо на запад, в горы и

к озеру Науэль-Уапи. Наше появление на набережной Мар-дель-Плата вызвало изрядный переполох. Дело в том, что на кузове лендровера красовались большие буквы «ЭКСПЕДИЦИИ ДАРРЕЛЛА», золотистое изображение дронта и список всех путешествий Даррелла. Нас осадила разноязычная толпа желающих познакомиться с членами отряда, и почему-то людей страшно удивляло, с какой стати в составе английской экспедиции оказались два аргентинца. Как бы то ни было, мы воспользовались случаем перекусить (бутерброды с мясом и пиво) и наполнить термосы горячим черным кофе. Дикки поспал полчаса, остальные просто сидели, наблюдая радующихся жизнью отдыхающих. У нас было задумано вечером сделать остановку в поселке Никочеа, где жили наши знакомые. Надо ли говорить, что мы не предупреждали их о визите, однако не сомневались, что они будут нам рады и сумеют разместить нас в гостинице. В итоге мы едва не попали впросак: забыли про праздничные миграции, и одному из наших знакомых лишь с великим трудом удалось помочь нам с ночлегом.

На другой день мы тронулись в путь около десяти утра, полагая, что всем не мешает выспаться. Следующим пунктом назначения был город Баия-Бланка, к которому я прониклась самыми теплыми чувствами. Он расположен в основании выступа на правой стороне Южной Америки и представляет собой важный транспортный узел: отсюда расходятся дороги на запад в сторону Анд и Чили и на юг, к Огненной Земле и Патагонии. К сожалению, здесь тогда кончались мощные шоссе. Мы прибыли туда раньше намеченного и решили ехать дальше, сколько успеем. Вскоре пампасы уступили место сухим кустарникам Патагонии, и дальше пошли дороги, чьи выбоины были сглажены где грязью, где гравием. Даррелл уверял, что, если все дороги Па-

тагонии такие же, он под конец путешествия заработает хроническое подергивание. Относительно ровные участки тоже встречались, но, увы, очень редко, и, несмотря на все искусство Дикки, нам не удавалось объезжать многочисленные ямы и ухабы. Очень скоро у меня разболелась голова, а спина и шея ныли так, будто по ним прошли копыта на редкость злобного коня. Никакие подушки не могли смягчить толчки; в конце концов мы перестали обращать на них внимание. Нам надо было попасть в город Кармен-де-Патагонес, который Дарвин упоминает в своем «Путешествии на «Бигле», да только из-за темноты и сырости мы сбились с дороги, ведущей в этот злополучный город, и Дикки сгоряча чуть не въехал вместе с нами в озеро. В конце концов мы все-таки сориентировались и очутились на слабо освещенной городской площади. Теперь надо было найти гостиницу. Единственным человеком, готовым общаться с нами, оказался местный полицейский. Он был чрезвычайно учтив и посоветовал обратиться в отель «Аргентина» в соседнем квартале. Горячо поблагодарив его, мы проехали вокруг указанного квартала и нашли-таки незамысловатое здание с плотно запертыми дверями и ставнями. Полчаса барабанили мы в двери и ставни, доводя себя до истерики. Покинув машину и обливаясь слезами, описывали круг за кругом в поисках входа. В конце концов Дикки нашел его и вернулся к машине, чтобы поставить ее на обнаруженный им же просторный двор, а мы вошли внутрь. Как-то сразу всюду загорелся свет, и Мария Рене, сдерживая истерический смех, объяснила растрепанной толстухе, которая явилась откуда-то из недр отеля, держа в руках керосиновую лампу, что нам нужно пять спальных мест.

— Пожалуйста, пожалуйста, сеньора,— ответила толстуха,— у нас сейчас совсем мало постояльцев, выбирайте номера по своему вкусу.

Оживленно беседуя, мы заходили в номера и проверяли кровати, причем Мария причитала, будто греческий хор, что они, несомненно, полны блох или клопов и никто не заставит ее спать в этих клоповниках. Наконец мы с Джерри присмотрели себе номер с окнами, обращенными на улицу, Софи поместилась рядом, и Мария сказала, что подберет себе что-нибудь, но спать сегодня не собирается; Дикки наши переживания ничуть не волновали.

Тем временем появился хозяин гостиницы, неся тарелки с бутербродами и пиво, за что мы были чрезвычайно благодарны, поскольку с утра не ели как следует. Напротив нашего номера помещалась ванная, и, убедившись, что из крана течет чудесная горячая вода, мы с Джерри решили смыть с себя часть патагонской пыли. Тут снова всполошилась Мария, уверенная, что мы подхватим какую-нибудь гадкую заразу, и сдается мне, она даже расстроилась, когда ее пророчество не оправдалось.

В лучах утреннего солнца Кармен-де-Патагонес выглядел просто очаровательно. Оказалось, что вчера мы выбрали лучший номер во всей гостинице — маленький, но чистый, и кровати удобные, хотя они были похожи на больничные койки. За высокими окнами находился крохотный балкон с видом на улицу внизу и на поблескивающие воды Рио-Негро поодаль.

— А что, прелестный вид, — заметил Даррелл. — Я рад, что мы решили остановиться здесь.

Разбудив остальных, мы спустились в столовую, где налегли на горячий кофе, гренки и аргентинские сладости, напоминающие вкусом мягкие ириски. Основательно подкрепившись, мы нежно попрощались с отелем «Аргентина», втиснулись в свой лендровер и пересекли по мосту довольно широкую реку, отделяющую остальную Аргентину от собственно Патагонии. Продолжая трястись на ухабах, то и дело видели на обочине не-

сущихся наперегонки с нами патагонских зайцев — потешных зверьков, которые садились на задние лапы, подобно кенгуру, провожая нас взглядом. Встречались также броненосцы и фазаны; последние бесстрашно переходили дорогу, каким-то образом ухитряясь не попадать под колеса проезжающих машин.

Я с интересом рассматривала ландшафт. Засушливый и почти совсем голый, с непрестанно дующими ветрами, он тем не менее чем-то завораживал.

Погода снова выдалась изменчивая — то солнце, то проливной дождь. Доехав до маленького портового городишки Сан-Антонио-Оэсте, мы решили перекусить и нашли симпатичное кафе, где нам предложили нехитрую трапезу — суп, огромные бифштексы с чипсами и все те же сладости. Мы просидели здесь целых два часа, однако нисколько не пожалели об этом, полагая, что не вредно дать отдохнуть нашим скорченным конечностям перед предпоследним этапом на пути в Пуэрто-Мадрин, где у нас была условлена встреча с управляющим гостиницы «Пласа». К сожалению, в Пуэрто-Мадрин мы прибыли поздно вечером, и нам были предложены весьма спартанские условия. Впрочем, кровати и здесь были удобные, а мы основательно устали, это особенно относилось к старине Дикки, который столько часов вел машину по скверным дорогам.

На другое утро мы увидели управляющего, он быстро разыскал обещанных нам двух охотников, и они провели нас на скалу поблизости, откуда мы через бинокль смогли полюбоваться довольно крупной колонией котиков. Правда, охотники, как и Годой до них, заверили нас, что лучшее место для наблюдения за котиками и морскими слонами — дальняя оконечность полуострова Вальдес. В тот день мы не могли задерживаться в Пуэрто-Мадрине, важно было вовремя добраться до колонии пингвинов, пока те не перебрались в

другое место, но мы пообещали вернуться через десять дней.

По пути в Пуэрто-Десеадо мы проехали через нефтяной терминал Комодоро-Ривадавия, где в то время кипела жизнь в связи с тем, что американцы получили концессию на добычу нефти в этом районе. Из-за наплыва людей в гостиницах было туго с номерами, пришлось нам с Софи и Марией спать втроем на двойной кровати, а Джерри и Дикки ночевали в лендровере. Мы без печали расстались на другой день с Комодоро. Дальше пошел совсем необычный ландшафт, довольно долго мы ехали среди черных песчаных дюн. Решили не делать остановок, чтобы возможно скорее добраться до Десеадо. Прибыв туда, отыскивали рекомендованные нам в Мадрине гостиницы, однако и здесь они были битком набиты нефтяниками, оставалось всей нашей пятерке ночевать в лендровере. Утром мы смогли вполне оценить прелести Десеадо: было пасмурно, холодно, ветрено, и город сильно смахивал на заброшенный поселок из голливудских вестернов.

— Человек, назвавший этот город Десеадо (предмет желаний), явно пребывал в крайне удрученном состоянии, — заключил Дикки.

Казалось, мы так и не найдем себе пристанища, но тут нам случайно встретился местный почтмейстер, у которого были британские корни и который вполне прилично говорил по-английски. Один из столпов местного общества, он взялся нажать на владельцев гостиниц, чтобы приютили нас, однако и они ничем не смогли нам помочь, тогда он отправился в Клуб аграриев и добился того, что там нам выделили две комнаты. Пока мы решали проблему ночлега, Дикки выследил представителя местной аэротранспортной компании и убедился, что примерно через час вылетает самолет на север. Расставание с Дикки было окрашено в грустные тона, хотя,

подозреваю, в душе он был только рад вернуться к значным местам Буэнос-Айреса.

Наш друг почтмейстер помог нам также найти капитана Гири, и тот пообещал помочь нам расположиться в одном поместье по соседству с колонией пингвинов. На другой день в клуб знакомиться с нами пришел владелец поместья — сеньор Уичи. Позже мы узнали, что он наполовину индеец; должно быть, этим объясняется забота и радушие, окружавшие нас те несколько дней, что мы провели в его владениях. Уичи заявил, что будет счастлив принять нас у себя в поместье, и мы условились завтра же отправиться туда. Чтобы не возить весь наш багаж, договорились с управительницей клуба, что оставим прицеп на его дворе; она пообещала также не сдавать никому наши комнаты до нашего возвращения.

Поместье Уичи было великолепно; он сам построил себе дом несколько лет назад — простой и лишенный ряда «современных удобств», но мы с Софи чувствовали себя так, будто очутились в каком-то другом мире. Сам дом стоял в глубокой впадине, однако к нему прилегал обширный пляж, где Софи и я прогуливались часами в обществе одних только редких овец да ловцов устриц. Вода в море дивного изумрудного цвета была холоднющая. После шумного Буэнос-Айреса и убожества Десеадо нам с Софи было так хорошо в здешней тишине, что мы были готовы навсегда тут остаться.

Запах колонии пингвинов можно услышать задолго до того, как вы увидели ее. Ничто не сравнится с этим сладковатым рыбным запахом и ничто не сравнится с глупостью этих птиц. Колония простиралась на несколько километров, и снимать ее обитателей не составляло никакого труда, они совсем не обращали на нас вни-

мания, поглощенные размножением, добычей пищи в море и кормлением птенцов. Участок их обитания напоминал лунный пейзаж, земля была изрыта воронками гнезд. Основное скопление птиц помещалось под прикрытием высокой песчаной дюны, через которую этим тупицам приходилось карабкаться, направляясь за рыбой к морю. Маленьким птицам было адски трудно под жгучими лучами солнца карабкаться вверх по склону; правда, зато потом они могли скатываться вниз с гребня дюны. Учитывая путь туда и обратно, им приходилось покрывать в общей сложности больше шести километров; мне такое регулярное путешествие не представило бы удовольствия. И я не могла взять в толк, почему самые жаркие часы дня они проводили, стоя на солнце и тяжело дыша, вместо того чтобы укрыться в своих прохладных норках. А еще я с тревогой отметила высокий уровень смертности — кругом валялись высохшие трупы птенцов, причем они явно не были жертвами хищников. Сам климат тоже можно было назвать лун-

ным, поскольку в тени царил холод, а на солнце ничего не стоило сильно обгореть. Не могу сказать, чтобы я с грустью покидала колонию пингвинов: лично мне они показались довольно скучными, отнюдь не отвечающими тому представлению, какое у меня сложилось при наблюдении их собратьев в зоопарках. До сих пор я не могу без боли смотреть на этих бедняг.

Когда мы не были заняты съемками птиц, то, стоя на четвереньках, копались в песке, отыскивая следы поселения патагонских индейцев, о котором нам рассказал Уичи, и нашли множество искусно изготовленных, ярко окрашенных наконечников для стрел, а также скребки и даже древнее орудие охотников — бола (три круглых камня, привязанных к длинному ремню, который при метании обматывался вокруг ног страуса или гуанако). А в ложбине за дюной Джерри раскопал индейский череп.

— Какая жалость, что этот замечательный народ исчез, — заметил он с горечью. — И почему так называемые примитивные люди и дикая фауна непременно должны уходить в небытие перед лицом прогресса?

Мария Рене перевела его слова нашему хозяину, и тот ответил, что эти места всегда наводят на него печаль, он постоянно ощущает присутствие одиноких душ индейцев.

— Здесь и сейчас живут индейцы, но я с тоской думаю о горемычных духах.

И впрямь тут ощущалась атмосфера скорби и невзгод¹. А пингвинам хоть бы что, знай себе ковыляли взад-вперед через дюны, безучастные к глупости человека.

С облегчением взяли мы курс обратно на север, к полуострову Вальдес с его колониями морских слонов

¹ Лично я ощущал не столько скорбь, сколько легкую меланхолию.
Дж. Д.

и котиков. Сам полуостров пленил наш взгляд, разительно отличаясь и красками, и рельефом от остальных частей Патагонии — плоской, почти совсем безжизненной равнины. Здесь волнистые гряды были покрыты высокими зелеными кустами с желтыми цветками, даже дороги другого цвета — красные вместо серых. И фауна отличалась разнообразием: шестерка рыжеватых гуанако, родичей ламы, спокойно созерцала, как мы проезжаем мимо, однако поспешила удалиться, когда Джерри задумал их снять, явно полагая, что он, подобно местным фермерам, вознамерился стрелять; вдоль дороги трусили броненосцы; над кустами порхали ржанки; множество мелких пестрых пичуг пролетали над нами, когда мы тряслись на ухабах курсом на Пунта-Норте, где надеялись получить нужные сведения и — что было еще важнее — запастись водой, каковой Патагония отнюдь не богата.

Добравшись до цели, мы были радушно встречены тремя батраками. Для них, пасущих овец в глухомани, всякий иноземный гость — событие: нам тотчас предложили перекусить и выпить вина, и они решительно отказывались отвечать на наши вопросы, пока мы не управились с предложенной нам отличной жареной бараниной. Мария Рене вкратце изложила им, что нас интересует, зачем мы приехали в Аргентину. Они слушали как завороженные, мне показалось даже, что их потрясли слова о том, что мы прибыли из далекой Британии ловить и снимать здесь животных. Как бы то ни было, они охотно вызвались нам помочь. Сказали, что котиков найти будет нетрудно, они недавно произвели на свет потомство и держатся кучно на берегу недалеко от поместья, а вот с морскими слонами дело обстоит сложнее. Эти уже покинули привычные лежбища, теперь могут обретаться в самых разных местах вдоль побережья. Правда, у них есть кое-какие излюб-

ленные убежища; и пастухи поместили на наших картах несколько точек.

Мы не пали духом и выбрали недалеко от лежища котиков подходящий уголок для своего лагеря. Наши новые друзья вызвались обеспечивать нас питьевой водой и мясом, когда понадобится. Обосновавшись в ложбине по соседству с дорогой, мы занялись благоустройством, выкопали яму для очага, запили баранину чаем и легли спать. Три женщины разместились в лендровере, а Даррелл улегся под машиной, укрывшись брезентом. Не скажу, чтобы мы устроились удобно, все же, поворочавшись, все крепко уснули¹.

Когда мы утром разобрались в наших конечностях и выбрались из машины, Даррелл уже развел костер и приготовил кофе. Пока мы наслаждались этим напитком, он рассказал, что на рассвете его навестил крупный самец гуанако. Явно недовольный вторжением каких-то мерзких тварей на его территорию, он негодуяще кряхтел и фыркал, потом удалился так же быстро и бесшумно, как появился.

— Великолепный зверь, — сказал Даррелл. — Просто безобразие, что их так нещадно истребляют.

Налив себе по второй чашке, мы обсуждали наши планы на день; в это время со стороны берега донесся какой-то странный звук.

— Силы небесные, что это такое? — воскликнула Мария.

— Котики, надеюсь, — отозвался Даррелл. — Ну-ка, заканчивайте кофепитие, поехали туда, посмотрим. Не для того мы проделали такое путешествие, чтобы вы сидели тут и таращились на костер. Пока вы дрыхли, я приготовил бутерброды и наполнил две фляжки водой, так что ленч нам обеспечен.

¹ Настоятельно советую всякому, кому не доводилось спать под лендровером, в котором три женщины храпят на разные голоса, постараться и впредь избегать такого испытания. Дж. Д.

Джерри развил небывалую для столь раннего времени суток энергию: не успели мы оглянуться, как он отделил от машины прицеп, погрузил в лендровер наши припасы и съемочную аппаратуру, и мы затряслись на ухабах курсом на звук.

— Держись подальше от края скал, Джерри, — взмолилась я. — Не то мы свалимся прямо на голову котикам. Лучше вовремя остановимся и подойдем к краю пешком.

Как ни странно, он не стал возражать, и мы подкрались к обрыву, вооружившись биноклями и камерами.

— Нет, вы только посмотрите! — воскликнул Даррелл, стоя на самом ветру. — До чего же хороши, черти!

В самом деле, зрелище было потрясающее. И на берегу внизу творилась такая кутерьма, что невдомек, на чем остановить свой взгляд.

— Какой очаровательный детеныш! — Софи показала на существо, смахивающее на мармеладного зверька.

— А какой великолепный самец! — восхищался Даррелл, любуясь могучим зверем, который лежал, задрав морду кверху, в окружении золотистых поклонниц.

Но зрительные впечатления уступали звуковым. Оттеняемый шумом моря, сплошной рев, напоминающий гул просыпающегося вулкана, встретил нас ударной волной. Ошеломляющее впечатление производили также краски. На фоне изумрудного прибоя и покрытых зелеными водорослями камней поблескивали на солнце красновато-коричневые и золотистые шубки. Я села, любуясь и вслушиваясь. А Даррелл принялся лихорадочно снимать, меняя объективы и отчаянно чертыхаясь, когда малейшее облачко заслоняло солнце. Он был в экстазе, он буквально влюбился в котиков, и нам лишь с великим трудом удалось через несколько дней оторвать его от них, чтобы отправиться на поиски морских слонов.

Два дня мы метались вдоль побережья, проверяя указанные нам точки. Тщетно... Джерри дико переживал.

— Похоже, мы опоздали, они уже уплыли к Огненной Земле,— стонал он.

— Поищем еще,— настаивала Софи.— Вдруг повезет.

Наше терпение было вознаграждено. Нагрузившись снаряжением, мы брели вереницей по очередному галечному пляжу, когда путь преградили огромные серые каменные глыбы. Карабкаясь через них со своим грузом, спустились на маленький пляж, обрамленный причудливыми валунами. Основательно запыхавшись, сели, чтобы перекусить.

— Не сдавайся, Джерри,— уговаривала я его.— Глядишь, завтра найдем что-нибудь.

— Черта с два, я сам, балда, виноват. Надо было начинать отсюда, вместо того чтобы столько времени тратить на котиков. Морские слоны точно ушли на юг, я знаю, чувствую нутром.

В ходе нашего диалога я развлекалась, пиная ногой гальку, и один камешек угодил в лежащий в нескольких метрах от нас валун, который вдруг глубоко вздохнул, открыл большие влажные глаза и уставился на нас.

— Да мы тут окружены ими! — ахнула я.

В самом деле, кругом безмятежно возлежали около дюжины этих великанов, и мы закусывали чуть ли не на их спинах. Присмотревшись, мы определили, что тут три самца, шесть самок и три крупных детеныша длиной около двух метров. Самки достигали в длину четырех с лишним метров, но самое внушительное зрелище являли самцы — от 5,5 до 6,5 метра, с огромной мордой, напоминающей хобот, откуда название этого зверя. Они продолжали невозмутимо лежать, пока мы фотографировали и измеряли их, подходя вплотную к мордам.

— Как мне быть? — сказал Даррелл. — Я же снимаю фильм, надо все же заставить их двигаться.

— Ну, какое-то движение можно видеть, когда они лапами забрасывают себе на спину мокрую гальку, — заметила я.

— Верно, но мне нужно, чтобы они спускались в воду и поднимались на дыбы, как об этом говорится в описаниях.

Мария Рене решила проблему, принялась бросать морским слонам на хвост пригоршни мокрой гальки, и наконец один могучий самец решил, что мы ему надоели — как вам надоедает муха, которая вертится перед носом, — поднялся перед нами на дыбы, зашипел позмеиному и медленно попятился в море, сгибаясь, точно гусеница. Этого оказалось достаточно, чтобы и остальные ожили и поспешно отступили в гостеприимную зеленую морскую обитель.

Не без грусти возвращались мы в лагерь, чтобы собираться в обратный путь в Буэнос-Айрес. Предоставив нам заканчивать сборы, Софи спустилась к морю, чтобы омыть свои «бедные ноющие ступни в чудесной прохладной воде». Почти сразу она вернулась бегом, вся мокрая, покатываясь со смеху.

— Ты не поверишь, Джерри, но там, на пляже, за мной погнался морской слон, я упала в какую-то яму и промокла насквозь.

Впрочем, невольное купание ее ничуть не огорчило; мы же решили, что Софи постигла кара за то, что она нарушила мирный сон великанов.

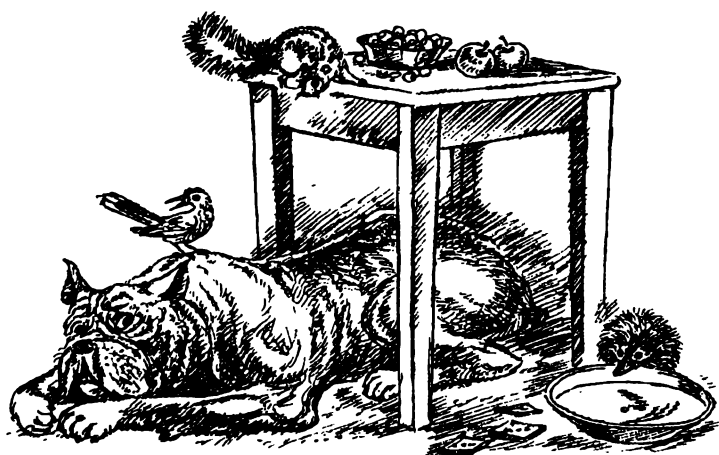
Даррелл уверенно вел машину всю дорогу обратно до Буэнос-Айреса, причем мы с ужасом думали о городской жаре после прохладных просторов Патагонии. Последние полчаса пути я чувствовала себя отвратительно, голова раскалывалась, ныла спина, и я с трудом выдержала заключительный этап. Софи видела, как мне плохо,

но Даррелл был слишком занят съемками, чтобы обращать на меня внимание, да я и сама не желала ему мешать и все-таки прибыла в Буэнос-Айрес в прескверном настроении.

В городе царил невыносимая духота, и это, в дополнение к недомоганию, побудило меня заключить, что разумнее всего будет возможно скорее возвращаться в Англию, пока я не стала бременем для Софи и Джерри. Я уже переговорила с Софи, и она согласилась со мной, но как сказать об этом Дарреллу? Поупиравшись, он все же признал верность моего решения, и по счастью, на отплывающем через два дня почтовом пароходе нашлось место для меня. Я чувствовала себя страшно виноватой, что покидаю их, особенно жаль было Софи, на чьи плечи ложилась двойная тяжесть, но она твердила, что справится, и Джерри, судя по всему, не сомневался, что без труда выполнит стоящие перед экспедицией задачи.

Прощаясь с ним у парохода, я подумала о том, как мне повезло, что я побывала в Патагонии. Никогда не забуду совершенный покой и тишину, чудесных зверей на полуострове Вальдес. Я сказала себе, что когда-нибудь непременно вернусь туда.

Глава седьмая

Мое плавание домой протекало мирно и без происшествий; остеопат, к которому я обратилась в Лондоне, заверил меня, что я поступила правильно, решив возвращаться домой, предоставляя Дарреллу и Софи без меня управляться со всеми делами. От этих слов мне сразу стало легче на душе.

Вернувшись в Борнмут, я первым делом связалась с управляющим зоопарком, чтобы узнать, как идут дела, и организовать переезд на Джерси. Это был увлекательнейший этап в развитии нашей затеи, все лихорадочно трудились, чтобы Великое Открытие могло состояться через месяц. Меня немного беспокоили отклонения от первоначальных наметок Джерри, но напрямую это меня не касалось, и я решила не вмешиваться — пусть он займется этим делом, когда придет.

Сама же я тем временем начала приготовления к реконструкции нашей новой квартиры. Мне страшно нравилось строить планы и закупать новую мебель. Я разыскала сантехника, который взялся оборудовать для нас кухню, уговорила помочь мне опытного маляра, закончившего работы в зоопарке. Каким-то чудом все было сделано за десять дней, и к концу этого срока квартира выглядела и пахла гораздо лучше.

Величайшей моей проблемой было найти достаточно большой ковер для гостиной и достаточно длинные занавески для окон, и я металась между Борнмутом и Джерси, озабоченная тем, чтобы наш уголок приобрел вполне обитаемый вид к возвращению Джерри в июне. Он уговаривал меня отложить эти хлопоты до его приезда, но мне представлялось, что для него будет приятным сюрпризом увидеть, что все уже готово. Мы впервые со времени свадьбы расстались на какой-то срок, и за всеми делами я даже как-то не задумывалась над этим. Даррелл частенько звонил из Буэнос-Айреса, чтобы убедиться, что я еще существую на свете, и как ни приятно мне это было, я испытала легкое потрясение, получив счет на семнадцать гиней.

Мне было невдомек, сколько разного хлама накопилось за годы в нашей комнатухе, но удалось найти сговорчивого подрядчика, и наступил день, когда все наше движимое имущество было загружено в два железнодорожных контейнера. Грустно было покидать радужную обитель, но мать Джерри тоже переезжала к нам на Джерси, и Софи собиралась жить там же, так что в новой обстановке должно было сохраниться что-то от старой атмосферы.

Несмотря на тщательное планирование, требовалось напоследок еще кое-что доделать впопыхах, прежде чем отправляться в Лондон, чтобы встретить пароход Джерри, но я уложились в срок и вовремя стояла на при-

стани, глядя, как «Сен-Джон» проходит через шлюзовые ворота. Первый шок я ощутила, увидев, что Даррелл отрастил коричневатую бороду.

— Это я для тебя постарался,— сообщил он.— Надеюсь, она тебе нравится.

Она мне понравилась, но у меня было тайное подозрение, что он отрастил ее скорее в личных интересах. Возможно, Джерри не приходило в голову, что борода придает ему сходство с Эрнестом Хемингуэем и отвечает представлению широкой публики об охотнике на крупную дичь; во всяком случае, я не стала об этом заикаться. Софи выглядела превосходно, но она явно устала, и мне вскоре довелось услышать, как некоторые ее любимцы измывались над ней во время плавания; она явно мирилась со всеми их капризами и выходками. Один раз, во время особенно сильного волнения, корабль вдруг резко накренился, и Софи с размаху села на черное резиновое ведро, полное грязной воды.

— Слава Богу, что оно было резиновое, иначе мой зад мог крепко пострадать,— серьезно заметила она.

Докладывая мне обо всем, что происходило, Даррелл в то же время был озабочен тем, как поскорее погрузить животных в фургон, который должен был доставить их на вокзал Ватерлоо, откуда им предстояло отправиться в Саутгемптон, а из Саутгемптона плыть на пароходе до Джерси. Между тем я вспомнила про наш лендровер.

— Где он?

— Там, внизу, в трюме.

— Когда мы его заполучим?

— Понимаешь, я должен тебе кое-что рассказать.

Я приготовилась к самому худшему.

— Перед самым отплытием случилось небольшое происшествие, и я боюсь, что он малость поврежден.

К счастью, я заранее договорилась с фирмой «Ровер», что машина будет доставлена в ее лондонский

гараж для профилактики. Это оказалось весьма кстати, потому что наш лендровер явно не был в состоянии перемещаться своим ходом. Желая успокоить меня, Даррелл рассказал, что второму участнику происшествия досталось куда хуже, его машина превратилась в металлолом.

— И кто же был виноват? — осторожно спросила я.

— Только не мы, — выпалил Даррелл. — Этот болван выехал откуда-то сбоку прямо перед нами, столкновение было неизбежно. Мы думали, что убили беднягу, но аргентинцы, видимо, похожи на греков — чем сильнее удар, тем меньше травма. Во всяком случае, мы ладили с ним, иначе до сих пор сидели бы в Аргентине.

Джерри повез животных на пароходе, я же вечером вылетела из Лондона на Джерси, чтобы быть в зоопарке, когда утром следующего дня прибудет ковчег Даррелла. Софи заслужила отдых и на неделю отправилась к себе домой в Борнмут. Спеша не опоздать в аэропорт, я не успела толком ознакомиться с коллекцией, но по пути на вокзал Ватерлоо Джерри рассказал мне, чем она пополнилась, и мы успели обменяться новостями о прочих наших делах и о друзьях по обе стороны океана.

На вокзале мы проследили за погрузкой зверей и багажа на поезд и успели даже пообщаться с друзьями, которые пришли проводить Джерри.

На другое утро я встретила Даррелла и его питомцев в зоопарке на Джерси. Он так волновался, что не знал, с чего начать — то ли осмотреть сперва всю территорию, то ли проследить за размещением зверей. Как бы то ни было, персонал быстро управился с вселением новичков в клетки и вольеры. Разумеется, пуме, оцелоту и другим кошкам предстояло выдержать карантин. Как я и ожидала, Даррелл был недоволен тем, что его наметки не во всем были выполнены, но огорчение с лихвой компенсировалось сознанием, что все африкан-

ские животные благополучно вернулись к своему хозяину.

В наше отсутствие моя любимая белка Малютка умерла от какого-то диковинного вируса. Я чувствовала себя виноватой, что бросила ее, но ведь животные, как и люди, могут подхватить какую-нибудь заразу и умереть, как бы тщательно за ними ни ухаживали. О чем склонны забывать многие посетители зоопарков.

Если раньше звери обитали в моей постели, то теперь они населяли гостиную. Одно время казалось, что этим гостям не будет конца: то туда вселялся больной пекари, то шимпанзе Чемли со смещением межпозвоночного хряща, то большая сейшельская черепаха с какой-то инфекцией во рту, то шимпанзе Лулу с воспалением внутреннего уха, то различные птицы, среди которых выделялась клушица Дингл. Мы получили ее птенцом от одной леди в Дорсете, это было очаровательное существо, обожающее исследовать клювом чайные чашки и все уголки гостиной. Попадали к нам и облитые нефтью чайки, но, пожалуй, самым знатным гостем была горилла Н'Понго. Мы приобрели ее в расщелчку; нам предложил купить гориллу один торговец животными в Бирмингеме, который запросил огромную сумму — полторы тысячи фунтов. Разумеется, у нас не было таких денег, но это не смутило Даррелла, он сказал торговцу: «Берем» — и принялся добывать деньги. Обзвонил всех состоятельных обитателей острова, спрашивая, не согласятся ли они оплатить часть человекообразной обезьяны, и то ли его нахальство сработало, то ли необычность предложения, но некоторые простодушные, совершенно незнакомые люди отозвались, довольно скоро нужная сумма была собрана, и первые два дня своего пребывания на Джерси Н'Понго провела в нашей гостиной. Да что там гостиная — она ходила по всей квартире, и по сравнению с многочисленными

представителями рода человеческого, коих на мою долю выпадало сомнительное удовольствие развлекать, вела себя образцово. Единственный, кто в нашем доме мученически переносит нашествие четвероногих и пернатых гостей, — многострадальный пес, боксер Кипер, чьи глубокие вздохи и выразительные взгляды красноречиво говорят, что он уже перестал удивляться нашим выходкам и ужасным тварям, коих мы упорно тащим в дом.

Софи недолго прожила с нами на Джерси, серьезная болезнь матери вынудила ее оставить нас, чтобы ухаживать за родительницей. Мы все очень переживали, и жаль было расставаться с Софи, ставшей как бы членом нашей семьи. Без нее в доме чего-то не хватало, и сменив кучу молодых кандидаток в секретари знаменитого писателя¹, мы поняли, что никто по-настоящему ее не заменит. Силясь не оставить без ответа ни одно из многочисленных писем почитателей, я с тоской вспоминала дни, когда Софи спокойно забирала почту и делала все необходимое.

Поскольку наша казна, как обычно, была почти пуста, Даррелл в конце концов сел писать новую книгу и после чудовищного нажима с моей стороны закончил «Зоопарк в моем багаже», повествующий о нашем визите к Фону Бафута и водворении на Джерси.

Джерри понимал, что для дальнейшего прогресса зоопарка нужны деньги. Наше предприятие все еще оставалось мало кому известным, посетители не валили гуртом, а потому мы решили обратиться в банк с просьбой о дополнительном кредите в размере десяти тысяч фунтов. Вместе с предыдущим займом получалось двадцать тысяч — огромная сумма. Харт-Дэйвис снова помог нам, предоставив гарантии на новый займ. Все это

¹ Надеюсь, все ревностные молодые женщины, кого занесет в мой загон, запомнят эти слова. Разумеется, это относится и к молодой особе, печатающей эту рукопись. Д.ж. Д.

мне жутко не нравилось, я ненавижу покупать даже кофемолку в рассрочку и не спала по ночам, ломая голову над тем, как мы станем рассчитываться. Мне представлялось, что зоопарк вряд ли будет окупаться, из чего следовало, что нам придется самим за все отвечать. С самого начала было решено, что мы с Джерри работаем, как говорится, на общественных началах, возмещением за наш труд служит квартира. Многие друзья почитали нас сумасшедшими, но Даррелл был решительно против того, чтобы накладывать на зоопарк дополнительное бремя в виде жалованья нам. Он мечтал лишь о том, чтобы зоопарк был платежеспособным, самокупаемым, предпочитал не вмешиваться в административные дела, сосредоточив свои силы на собственной работе, которая могла быть лучшей рекламой зоопарка и его целей.

В это время Джерри следом за «Зоопарком в моем багаже» написал повесть о нашем путешествии в Аргентину, под названием «Земля шорохов». Кроме того, его статьи печатались в «Обсервере», в еженедельнике для детей, он подготовил две детских книги: «Зоопарк на острове» в сотрудничестве с чудесным фотографом Сушицким и «Знакомьтесь с зоопарками» — путеводитель для юных любителей животных. Недурная производительность, если добавить выступления по радио и телевидению.

А тут еще я прибавила Джерри забот, угодив в больницу, где мне удалили половину внутренностей. Его матушка поведала мне, что он переживал куда больше, чем я сама¹. Когда я через десять дней вернулась домой, он настоял на том, чтобы следующие пять недель быть моей нянькой. Дошло до того, что я отнюдь

¹ Упущение с моей стороны: я до сих пор не проверил страховку.
Дж. Д.

не спешила расстаться с привилегированным положением инвалида. Обеспеченная всем необходимым, я могла целыми днями ничего не делать, только читать да слушать пластинки, пользуясь услугами любящего супруга. Могу и вам, читатель, рекомендовать такую профессию — профессию больного¹.

Далее последовало наше второе крупное телевизионное предприятие. Один продюсер из Би-би-си, наш близкий друг, предложил Джерри подготовить сериал для детей о различных семействах животных. Надо было все основательно спланировать, предполагалось показывать в студии живых зверей. Как это сделать без решеток, без оград из стекла? Даррелл обожает решать такие проблемы и с головой ушел в работу над сериалом, получившим название «Зоопакет». По уровню организации это мероприятие напрашивалось на сравнение с военной операцией, телевизионщики выполняли все наши пожелания, вплоть до того, что нам предоставили военный паром для перевозки лендровера, нагруженного животными, и клеток с дополнительной порцией зверья. Из Борнмута грузовики Би-би-си доставляли живой груз в Бристоль, где производились съемки. Просторное помещение было отведено под зверинец, а в студии номер один смонтировали замысловатые конструкции для «артистов». И хотя мы здорово вымотались, думаю, никто из нас не пожалел, что взялся за это дело². Никогда прежде перед телекамерой не выступали вместе живьем одиннадцать представителей отряда приматов. И судя по тому, чего это нам стоило, вряд ли такой показ когда-либо повторится. От всех участников передачи требовалось изрядное мастерство, чтобы «артисты» бы-

¹ Спешу заверить всех женщин, готовых поверить этим словам, что уход за лежащим больным (со всеми деталями) — кратчайший путь к разводу. Дж. Д.

² За исключением меня. Дж. Д.

ли чем-то заняты, чтобы не дать им слезть на пол или исчезнуть где-то под потолком. Получилось все великолепно. У гориллы Н'Понго была отдельная костюмерная, и она, как всегда, вела себя превосходно, явно понимая всю важность мероприятия. В отличие от гигантского муравьеда Сары Хаттерзак она не выпендривалась, воспринимала все как само собой разумеющееся. Сериал и на этот раз получился весьма необычный и вызвал смешанный отклик¹. Все же, судя по полученным нами многочисленным письмам, большинство зрителей смотрели его с удовольствием, сочли содержательным и интересным. Правда, один разгневанный джентльмен бурно протестовал, утверждая, что он отнюдь не состоит в родстве ни с какими обезьянами, как это посмели утверждать мы.

Нас часто спрашивают, отвечаем ли мы на все письма зрителей и читателей. Поскольку наша жизнь зависит от расположения людей, покупающих книги или смотрящих нас по телевизору, было бы крайне глупо и весьма грубо не отвечать, хотя бывают и не совсем приятные письма. С ругательными мы стараемся обходиться осторожно и доброжелательно, что же до злопыхательских анонимок, то мы отправляем их туда, где им и надлежит быть — в огонь. Благодаря книгам мы обзавелись множеством друзей во всем мире. Некоторые из них каждый год шлют нам прелестные рождественские открытки, а бывая в их странах, мы нередко встречаемся с ними.

Прошло два года, как Джерри вернулся из Аргентины, и мы почувствовали, что пора осваивать новые регионы. К тому же появилась возможность, если придумаем что-нибудь очень интересное, привлечь к экс-

¹ Более чем смешанный со стороны участвовавших в нем зверей.
Дж. Д.

педии операторов из Би-би-си, что избавило бы нас от необходимости самим мучиться со съемками. Неделями мы сидели над атласом: Индия — не пойдет, мы не уложимся в срок с необходимыми приготовлениями; Восточная и Центральная Африка — там уже столько наснимали, что Би-би-си не клюнет на такую приманку. Так продолжалось, пока мы однажды не отправились по делам в Лондон. Я нежилась в ванне в гостинице, размышляя над все той же проблемой, и вдруг меня осенило. Выскочив из ванны, я завернулась в большое полотенце и ворвалась в спальню, крича:

— Джерри, нашла! Отличная идея и совершенно не похожая на все, что ты делал прежде!

— Погоди, успокойся и излагай все толком. Я готов одобрить твою идею, если она сулит нам интересное путешествие.

— Так вот, тебе непременно надо, чтобы экспедиция преследовала исключительно звероловные цели?

— Да нет, это вовсе не обязательно, если твоя идея позволит собрать материал для новой книги и телесериала.

— Отлично. Как насчет того, чтобы отправиться в Новую Зеландию, Австралию и Малайзию, сосредоточившись на изучении вопросов охраны дикой фауны? Будет тебе не только новая книга и телесериал, ты еще сможешь лично выяснить, что делают и чего не делают в этих трех странах, а на обратном пути можно посетить Восточную Африку, ознакомиться там с национальными парками, хотя они вряд ли заинтересуют наших дорогих друзей из Би-би-си, у них хватает материала из этого региона. Ну, что ты думаешь, Даррелл?

— Что ж, идея хорошая, вот только не знаю, можно ли ее осуществить. Давай сперва позвоним мистеру Майлзу в «Гриндлейс Бэнк», попросим его выяснить,

как там насчет пароходного сообщения. Если возьмется организовать, будем действовать дальше.

Мистеру Майлзу не раз доводилось маяться с нашими головоломками, однако он, как всегда, спокойно воспринял новое задание.

— Думаю, мистер Даррелл, это вполне осуществимо. Как долго вы собираетесь пробыть в каждой стране?

— Ну, недель так шесть или семь.

— Хорошо, я займусь этим делом и сообщу результат через несколько дней.

Дальше нам следовало уломать киноредакцию Би-би-си в Бристоле. Среди незадачливых продюсеров, коих угораздило подружиться с нами, был Кристофер Парсонс, и его наша идея сразу заинтересовала.

Таким образом лед тронулся, и вот уже мы носимся взад-вперед по улице Странд, посещая представительства Австралии, Новой Зеландии и Малайзии, и всюду нам охотно называют адреса и названия правительственных учреждений, куда надлежит обращаться. Непосредственный начальник Криса тоже проникся интересом к нашим планам, однако желал, прежде чем включаться, узнать побольше деталей, а потому Крис прилетел на Джерси¹, и вместе мы сочинили подробнейшую записку, которая явно удовлетворила не только представительство Би-би-си в Западном районе, но и верховное начальство в Лондоне. Небольшая проблема возникла в связи с тем, что ребята из Би-би-си, занятые другими делами, могли выехать только в апреле, поэтому мы пересмотрели свой график и договорились встретиться в Новой Зеландии 5 апреля.

Фирма «Ровер» снова вызвалась нам помочь: предоставлять машину там и тогда, когда в этом возникнет

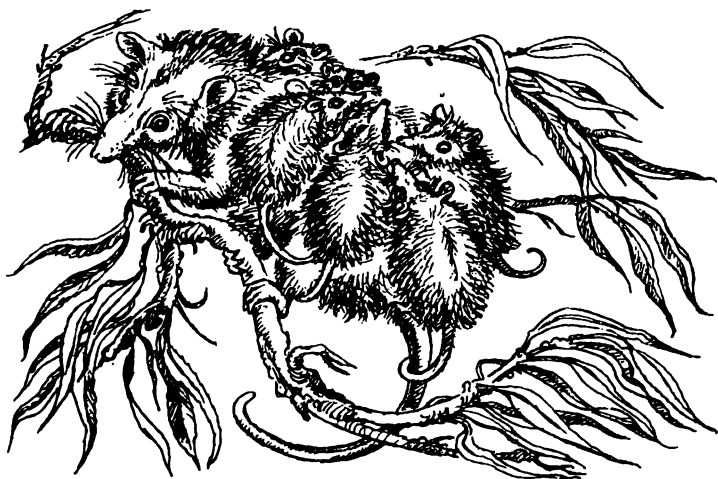
¹ Он готов прилететь по любому поводу, с немалым ущербом для моего винного погреба. Дж. Д.

нужда. Би-би-си взялось улаживать вопросы с таможенной в каждом случае, за что особенно я была безумно благодарна. Мы разослали письма важным персонам в названных странах и получили любезнейшие ответы с обещаниями всяческого содействия.

Губернатором Джерси тогда был ныне покойный сэр Джордж Эрскин. Он и его супруга горячо интересовались нашими делами, и, услышав о намечаемом путешествии, сэр Эрскин взялся снабдить нас рекомендательными письмами своим знакомым. Его письмо лорду Кобэму, тогдашнему генерал-губернатору Новой Зеландии, пришлось очень кстати, ибо лорд тотчас обратился в местную администрацию и привел в движение нерасторопный механизм, от которого зависело открыть нам все ворота, за что мы остаемся в вечном долгу перед ним.

Вооруженные всевозможными письмами и девятью чемоданами (в этом путешествии нам могла понадобиться самая разная одежда), мы покинули Джерси в типичный февральский день, когда с неба сыпались мягкие снежинки. Из Роттердама с его североευропейской зимней погодой взяли курс на юг, в теплое южное полушарие, и после двух заходов — в Геную и Аден — прибыли в Окленд 4 апреля. Плавание прошло замечательно, но нам не терпелось штурмовать Новую Зеландию.

Глава восьмая

Фантастическая встреча в Окленде превзошла все наши ожидания. На пристани нас ожидали не только представитель администрации в лице Брайена Белла из Управления внутренних дел, но и руководитель местного отделения нашего издательства «Харт-Дейвис». Однако самым большим сюрпризом явилось знакомство с двумя почитателями Джерри — мистером и миссис Уоррен, которые специально приехали вместе с двумя детьми из-за города, чтобы приветствовать нас. Мы давно с ними переписывались и все же были глубоко тронуты этим первым проявлением огромного внимания и радушия, с каким нас принимали повсюду в Новой Зеландии.

— Это похоже на официальный королевский визит, — заметил Джерри.

С первых шагов нас взяло под свою опеку Управление природных ресурсов, за что мы были чрезвычайно

благодарны; на весь срок нашего пребывания в стране к нам прикрепили Брайена Белла, и он служил нашим гидом и наставником. Брайен уже заполучил из Веллингтона наш лендровер, и теперь быстро составил бригаду носильщиков из членов команды корабля и таможенников. Вообще же с сервисом в Новой Зеландии обстоит как-то странно. Всякий житель этой страны почитает себя ничуть не хуже других людей (мнение, кое я отнюдь не собираюсь оспаривать), а потому полагает ниже своего достоинства оказывать другим услуги. Это наложило свою печать на наше общее представление о Новой Зеландии.

Нагрузив лендровер личным багажом и съемочной аппаратурой, мы поехали в город; по пути Брайен изложил предлагаемую нам программу на ближайшие полтора месяца.

— Кинооператоры Крис Парсонс и Джим Сондерс прибыли в Веллингтон,— сообщил он,— и мы заказали машину, которая доставит их в Гамильтон, где вы встретитесь с ними послезавтра. Нам представлялось, что вам двоим будет невредно освоиться с обстановкой, прежде чем всерьез приступить к работе. Затем мы полагали, что вы не откажетесь посмотреть на черных лебедей, которые в изобилии водятся на большом озере вблизи Гамильтона, и поснимать их. Оттуда мы отправимся в Роторуа, а потом в Веллингтон.

Мы с Дарреллом едва поспевали за потоком его слов и попросили Брайена сделать перерыв. К этому времени мы подъехали к роскошной гостинице, где обаятельный представитель Отдела информации Терри Иген подготовил встречу с прессой. Осаждаемые фотографами, мы отвечали на вопросы благосклонных репортеров относительно наших планов. Тут уж Брайен Белл отвел душу; из его реплик следовало, что наш визит в страну расписан по минутам, и он постарается проследить за тем,

чтобы мы по-настоящему узнали Новую Зеландию и ее животный мир. Надо сказать, Брайен стал самым желанным членом нашего отряда, и это ему мы обязаны, что удалось снять замечательные сюжеты.

Остаток дня мы провели, отбиваясь от назойливых журналистов, если не считать короткий антракт, во время которого на долю Даррелла выпало сомнительное удовольствие приобщиться к прелестям новозеландских пивных с их знаменитым пятичасовым пойлом¹.

В качестве предварительного знакомства с дикой фауной Новой Зеландии Терри Иген предложил нам осмотреть редкую колонию зуйков, именуемых криво-клювами, расположенную недалеко от Окленда. Только страстное увлечение Даррелла естественной историей смогло оторвать его от кровати, где он приходил в себя после пивной, чтобы проехать изрядное количество километров для лицезрения очаровательных пернатых. Стайки крохотных серых пичуг с изогнутым клювом прыгали на одной ножке, напоминая подбрасываемые струями фонтана шарики для пинг-понга. Эта экскурсия вдохновила нас, и мы вернулись в Окленд, чтобы собраться с мыслями и подготовить наш объемистый багаж к выезду в Гамильтон, где нам предстояло приступить к работе.

Встреча с Крисом и Джимом Сондерсом состоялась в кафе небольшого городка в новозеландской глубинке. Местные активисты Общества любителей дикой природы подготовили для нас программу и дружно явились знакомиться с нами. Генри Арнфилд, много лет назад эмигрировавший из Англии, присоединился к нашему отряду, и благодаря ему и его удобному катеру мы смогли поплавать по озеру Вангане, снимая тысячи обитающих там черных лебедей. Этих птиц завезли в Новую Зе-

¹ Никогда больше! Дж. Д.

ландию первые поселенцы, и, подобно многим другим интродуцированным видам, они стали подлинным бичом для здешней среды, из-за чего Управление природных ресурсов вынуждено было разрешить их отстрел. Никто не собирался вовсе истреблять черных лебедей, но без строгого регулирования их численности не осталось бы места для аборигенных пернатых, требовалось обеспечить баланс.

День выдался чудесный, мы сняли много интересных кадров, сопровождаемых звукозаписью. Во время непрерывного перерыва на файф-о-клок мы еще раз обсудили программу, разработанную Брайеном. Все выглядело превосходно, однако успех его замыслов зависел от погоды, особенно на прибрежных островах. Кроме того, нам следовало помнить о сроках, так как на 5 мая намечалось отплытие в Австралию. Брайен не сомневался, что погода не подведет.

— Ладно, когда мы застрянем на необитаемом острове посреди пролива Кука, я напому тебе эти слова,— протянул Крис.

Брайен рассмеялся.

— Не беспокойся, я везучий, гарантирую — все будет в порядке.

— Как бы то ни было,— вступил Даррелл,— программа выглядит замечательно. Боюсь даже, Крис, что у нас будет перебор с материалом, если не станем ограничивать себя.

— На этот счет можешь не беспокоиться. Был бы материал хороший, я и три программы посвящу Новой Зеландии.

Закончив снимать черных лебедей, мы направились дальше — в Роторуа, город, известный на весь мир гейзерами, грязевыми озерами и запахом сероводорода¹.

¹ Запах отдаленно напомнил мне амбре английской привокзальной гостиницы в час ленча. Дж. Д.

Мы и впрямь ощутили амбре Роторуа задолго до того, как увидели его, и я спрашивала себя, как только люди могут жить здесь, дыша ароматом тухлых яиц. Сверх того, по словам Брайена, жить тут было опасно потому, что в любой момент у вас под ногами может разверзнуться провал, извергающий пар или газ. Он даже привел пример: не успел один человек открыть в Роторуа новую лавку, как весь фасад снесло извержением газа. Катя по главной улице, мы видели в конце ее пар над районом гейзеров и ощущали все более сильное зловоние.

— Такие кадры, — объявил Крис, — помогут нам как следует отобразить облик Новой Зеландии. Сами знаете, большинство людей в Англии совершенно не представляют себе, как выглядит эта страна, и нам важно заполнить этот пробел.

Жертвуя собой в интересах телевидения, мы спустились в долинку с потоками кипящей воды, гейзерами и бурлящими грязевыми озерами. В разгар эффектных съемок пробудился самый большой гейзер, обдав нас и нашу аппаратуру мелкими брызгами мутной воды и едва не сбив с ног беднягу Даррелла, который стоял совсем близко от жерла. Он не дождался от нас сочувственных слов, поскольку мы предупреждали его об опасности.

— Хорошо вам покатываться со смеху, — пробурчал он, вытираясь, — я мог остаться калеккой на всю жизнь.

— Не переживай, Джерри, получились отличные кадры, зрители будут в восторге, — заверил его Джим.

Вся эта местность производила жуткое впечатление, напоминая мне кадры из «Фантазии» Уолта Диснея, изображающие сотворение мира. Я не могла оторвать глаз от озер, смахивающих на чаны с кипящей карамелью.

— Ладно, ребята, поехали,— поторопил нас Крис.— Не забыли — нам еще надо поснимать фауну. От нас ждут не очередной географический фильм в техниколоре.

— Типичный пример ворчуна, верно, Джим? — вступила я.— Ни минуты передышки не дает.

Джим только и ждал этих слов.

— В самом деле, Крис, как насчет того, чтобы денек отдохнуть? А то все работа, работа, даже выспаться некогда.

Крис живо уклонился от этого выпада и повернулся к Брайену, чтобы спросить, где находятся его друзья из Управления природных ресурсов, которые должны были ознакомить нас с проблемами лесоводства.

— Они придут к нам в гостиницу после ленча, тогда и решим, с чего начать, а то похоже, что скоро пойдет дождь.

— Подумаешь — дождь! Ты ведь не боишься промокнуть в интересах телевидения, Джим? — осведомился Даррелл.

— Нисколько, Джерри, камера-то не моя. И если сериал не будет снят, отдуваться Крису, а не нам.

Бедняга Крис был постоянной мишенью насмешек и довольно скоро перестал обращать на них внимание¹.

После ленча местный представитель УПР Элан Халл пришел за нами, и остаток дня мы занимались съемками на озере Роторуа, заглянули также в хозяйство, где разводят форель.

На другой день рано утром мы поехали в сопровождении представителя лесничества на научно-исследовательскую станцию в центре обширной плантации сосны, где познакомились с лесничими и научными сотрудниками, занимающимися вопросами регулирования численности опоссумов и оленей. Эти интродуцированные

¹ Почти на все, что ему говорили. Дж. Д.

животные распространились по всей Новой Зеландии, нанося огромный вред лесам, что влекло за собой усиление эрозии.

Катя по лесным просекам, наш отряд напрашивался на сравнение с траурным кортежем. Время от времени мы останавливались, чтобы осмотреть деревья и подлесок, а доехав до особенно пострадавшего участка, уговорили одного из лесничих дать интервью для телевидения. После чего часть эскорта покинула нас; видимо, кое-кто испугался, что его тоже уговорят стоять перед объективом. Продолжая путь, мы добрались до пожарной вышки в центре плантации. Здесь нас познакомили с очаровательным мужчиной, который мягким голосом сообщил нам, что дежурит здесь каждое лето в обществе одной только собаки. Вид с вышки был великолепен, вдали мы рассмотрели конус считающегося потухшим вулкана Эгмонт. Позднее мы узнали, что «пожарный» — один из крупнейших писателей Новой Зеландии и нашел себе идеальную работу, чтобы писать в покое. Двойная польза для страны!

В гостиницу мы вернулись здорово уставшими и, поскольку нам — к великому ужасу Джима — на другой день предстояло выезжать в Веллингтон в пять утра, решили пораньше лечь спать. Джим Сондерс — большой любитель поспать, без восьми часов сна он не работник¹, о чем и твердил постоянно Крису, однако без видимого успеха.

— Отдохнешь в Веллингтоне, Джим, — пообещал он, но Джим не очень-то в это поверил, поскольку плотность нашего графика начала сказываться даже на бедном Ворчуне, самом выносливом члене отряда. — Сам

¹ Стоит ли упоминать, что и с восемью часами сна он не был полноценным работником. Дж. Д.

знаешь, нам до пятого мая надо покрыть изрядные расстояния.

— Верно, Крис! — дружно отозвались мы. — Но хотелось бы сохранить достаточно сил, чтобы в конце путешествия хватило энергии подняться по трапу на пароход, идущий домой, а с такими темпами даже ты успеешь выдохнуться.

Надо сказать, что старый, заслуженный «Гранд Отель»¹ в Роторуа издавна обслуживал путешествующих членов королевской семьи, так что он не привык к тому, чтобы пятеро странников, нагруженных своими вещами и аппаратурой, наполняли шумом его священные коридоры в четыре тридцать утра.

Из-за дефицита в носильщиках мы потянули не одно сухожилие и не одну мышцу за полтора месяца пребывания в Новой Зеландии. Правда, некоторые гостиницы компенсируют отсутствие носильщиков, предоставляя постояльцам тележки для багажа. Не очень-то удобно при лифтах с автоматически закрывающимися дверями: только примеришься втолкнуть в кабину скрипучую тележку, как створки аккуратно смыкаются. Перед моими глазами по сей день стоит такая картина — Даррелл и Парсонс истерически хохочут, лежа под грудой багажа на полу перед лифтом в «Гранд Отеле». Подозреваю, почтенная гостиница ничуть не горевала, расставаясь с такими знатными постояльцами.

Путь до ветреного Веллингтона, столицы доминиона, был ужасен. Всю дорогу до самого города нас преследовал бешеный ветер, и мы мечтали поскорее добраться до роскошной гостиницы. Нас снова ожидало разочарование. Некому было помочь нам с багажом, и невозможно получить что-нибудь поесть и попить до без пят-

¹ Одна из многих и, пожалуй, главных причин, почему я не хотел бы быть членом королевской семьи. Дж. Д.

надцати шесть, когда начинался обед. Обслуживание в номерах всецело зависело от прихоти горничной, которую при правильном подходе¹ можно было убедить принести чаю утром.

У нас было намечено несколько вылазок из Веллингтона. Кроме того, надлежало посетить начальников всех управлений, имеющих отношение к нашей экспедиции, и Даррелла ожидал ленч с правительством Новой Зеландии в полном составе, так что нам следовало энергично двигаться, чтобы всюду успеть.

У самого берега Северного острова находится большой остров Капити, превращенный в птичий заповедник, где Джордж Фокс с супругой заботливо опекают порученных им пернатых. Фокс самолично встретил нас на своем катере рано утром и перевез через узкий пролив. Остров был покрыт густым лесом, который кишел птицами, но звездой первого ранга, несомненно, были попугаи кака. На редкость ручные птицы, они прилетали на зов Джорджа или его жены. Удивительно было наблюдать, как эти крупные попугаи — Джордж дал каждому свое имя — кружат все ниже и ниже, наконец спускаются на кормушку и даже садятся на голову Джорджа, принимая угощение из его рук. Их нисколько не испугало наше появление с камерами, а один чуть не снял скальп с Даррелла, опустившись на его шею. Крис был в восторге.

— Не спугни его, Даррелл, отличный кадр.

— Спасибо, — отозвался Джерри. — Ты возместишь мне ущерб от травм?

Крис ответил, что этот эпизод сильно прибавит популярности Дарреллу.

¹ При неправильном подходе могло случиться все что угодно.
Дж. Д.

Попугаи как-то оказались истинными комедиантами, как, впрочем, все крупные новозеландские попугаи. Они перебранивались, отнимали друг у друга кусочки фиников, чуть не сваливаясь с кормушки от натуги. Насытившись, исчезли так же быстро, как появились. До нас доносились только их хриплые крики, но Крис был счастлив.

— Великолепный материал, Даррелл, и я очень благодарен вам, мистер Фокс, за то, что вы позволили нам прибыть сюда и оторвать вас от ваших дел.

Столь бурное выражение благодарности явно смутило Джорджа Фокса.

— Не за что. Я только рад был помочь вам, вы всегда желанные гости.

Позднее Брайен объяснил, что такие слова Фокса — высокая оценка, обычно супруги отнюдь не рады назойливым заморским орнитологам и не скрывают своего отношения к ним.

— Ну что ж, значит, сегодня ночью сможем мирно поспать,— прохрипел Джим, когда мы поехали обратно в город.— Крис весьма доволен собой, глядишь, и позволит нам отлучиться вечером на несколько минут.

Целью следующей нашей экскурсии была гора Брюса, и Даррелл не скрывал своей радости оттого, что узрит тамошние раритеты.

— Подумать только, наконец-то я увижу настоящего живого ноторниса, никогда не думал, что это возможно.

Его энтузиазм объяснялся тем, что эту птицу считали вымершей, пока в 1948 году не открыли заново на Южном острове. Стремясь спасти ноторниса (он же такахе), УПР отловило несколько птенцов и поместило в питомник для размножения. Этот питомник мы и намеревались осмотреть. Птицы помещались в вольере сразу за домиком охотинспектора. Он как раз собирался кормить их, так что мы прибыли вовремя. Сперва в

кустах слышался страшный шум, затем оттуда выкатилось нечто вроде свалки регбистов, из которой стали по одной отделяться птицы изумительного вида. Величиной с небольшую индейку, одетые в синие перья с отливом, с ногами и клювом цвета красного сургуча, они словно вышли из книг про Алису. Все их внимание было обращено на кормушки, и они совершенно игнорировали нас, пока я не предложила одной птице банан. Тут они сразу заметили нас, и Джим, Крис и Даррелл поспешили воспользоваться случаем, чтобы нацелить на такахе свои камеры. Даррелл был в полном экстазе, непрерывно восхищался вслух птицами, которые и впрямь были чудо как хороши. Такахе принялись препираться из-за корма, и, зараженный энтузиазмом Даррелла, Крис снимал их во всех позах — бегущих, идущих, дерущихся, клюющих корм, — стараясь ничего не пропустить.

Наконец он закончил съемку, а Даррелл уже предвкушал встречу с какапо, самым крупным попугаем Новой Зеландии, ведущим ночной образ жизни; считалось, что эти птицы сохранились только в неволе. Управление природных ресурсов приняло меры, чтобы спасти их от вымирания. К сожалению, один из двух экземпляров, доставленных в питомник, умер; тем заботливее относился к уцелевшему охотинспектор. Какапо отличается робким нравом, поэтому Дарреллу было дозволено в одиночку подойти и посмотреть на сидящую в отведенном ей ящике удивительную птицу.

В приподнятом настроении мчались мы в тот день обратно в Веллингтон, очень довольные сделанной работой.

С присущей нам предусмотрительностью мы решили отправиться на пароме в Пиктон на Южном острове в разгар пасхальных праздников. В итоге попасть на этот паром нам удалось только с помощью любезных чинов-

ников новозеландской администрации, ибо все палубы были заполнены людьми, лежащими в обнимку с башмаками и рюкзаками, каковые, судя по всему, служат принадлежностью каждого новозеландца. Поскольку у нас были билеты в каюту «люкс» (во всяком случае, так она сама называла себя), мы, не дожидаясь чьих-либо указаний, живо разместились в ней и нажали на кнопку звонка, вызывающего обслугу. Подождав полчаса, позвонили еще раз.

— Я предупреждал тебя, Джерри,— сказал Брайен,— что на этом пароме бывают проблемы, особенно в пасхальные дни.

— Пойдем, поищем стюарда,— предложил Даррелл,— если вообще существует таковой, добудем содовой разбавить наше виски.

Они с Брайеном ушли, оставив нас с Джимом терпеливо ждать в окружении былой роскоши. Вскоре они вернулись, гордо неся шесть бутылок содовой.

— Ну и пароход, черт бы его побрал,— простонал Даррелл.— Все закрыто, только коррупция и взятки помогли нам добыть хоть что-то.

Слегка повеселев после первого стаканчика, мы были ошарашены внезапным вторжением некой особы, сильно смахивающей на плечистых хоккеисток, которая грубо осведомилась, кто будет спать в этой каюте. Мы робко признались, что места принадлежат нам и что мы не прочь утром получить в каюту чай, если это возможно. Удовлетворенная нашим ответом, «хоккеистка» удалилась.

— Что это за особа такая? — выпалил Даррелл.

— Это,— пробурчал Брайен,— наша стюардесса.

— По мне, так она больше похожа на надзирательницу из концлагеря. Меня восхищает, как вы, новозеландцы, не жалуете сил, чтобы вашим гостям было уютно. Редкостная предупредительность, любезнейший сервис по первому знаку или зову. Восхитительно.

Мы продолжали изливать свои чувства в том же духе, покуда бедняга Брайен не упросил нас остановиться.

На другое утро в 6.30 нам сердито швырнули поднос с отвратительным чаем; тут же появились Крис, Джим и Брайен, изгнанные из своих кают стюардессами, коим не терпелось приступить к уборке. Паром прибыл в Пиктон.

Утро было чудесное, с розовой мглой над морем, и в свете румяного солнца даже наша старая посуда выглядела живописно. В портовом кафе мы отлично позавтракали, ожидая катера, который должен был доставить нас на острова Бразерс в проливе Кука. Нас с Джимом не очень-то прельщала эта экскурсия: мало того что обоих нас крепко укачивало, так на нужный остров можно было попасть, только совершив полет над волнами и камнями в сети, подвешенной к крану, которым управляли смотрители маяка. Мы говорили себе, что можно бы избрать более простой маршрут для съемок животных, однако отступать было поздно. На пристани в Пиктоне собралась тьма провожающих, и местная пресса прилежно интервьюировала нас, информируя читателей во всех уголках страны о каждом нашем движении.

Плыть через бухту Королевы Шарлотты было сплошным удовольствием — царил штиль, и мы лежали на палубе, греясь на солнышке и любуясь белокрылыми пингвинами и другими морскими птицами, которые резвились вокруг катера. У входа в бухту торчат из воды скалы, служащие последним убежищем крупных королевских бакланов; местные рыбаки нещадно их истребляют, утверждая, что они наносят ущерб рыболовному промыслу.

— Может быть, на обратном пути поснимаем их, Крис? — предложил Даррелл. — Будут хорошие кадры и интересный природоохранный сюжет.

— Почему же не поснимать, если не слишком сложно будет подойти к скалам. Я за любой сюжет, говорящий в пользу охраны природы. Какая там обстановка, Брайен?

— Думаю, можно подойти, если хозяин катера не против и погода позволит. Я спрошу его.

Тем временем вдали показались острова Бразерс, и мы увидели, как два зрителя спускаются к крану, который должен был перенести нас на берег. Мы с Джимом выразили друг другу соболезнование, не сомневаясь, что нам не пережить транспортировки возвышающимся над водой хрупким краном.

— Джим,— обратился к нему Крис,— ты не мог бы первым отправиться наверх с камерами, чтобы немного поснимать при подъеме? Это поможет зрителю составить себе представление о нашей работе.

Джим нехотя согласился и вскоре закачался в воздухе над нами. За ним последовал Крис, потом мы с Джерри вместе забрались в сеть и крепко зажмурились. Мне было очень не по себе, я облегченно вздохнула, когда нас опустили на платформу крана, и поспешила вылезть из сети, пока кому-нибудь не пришлось в голову снова отправить нас в полет.

Наверху наш отряд встречали с разной степенью энтузиазма трое — два новозеландца и один уроженец Северной Англии. Билл Райт, сочетающий обязанности зрителя маяка с увлечением естествознанием, обратился к Брайену.

— Я получил от тебя весточку, Брайен, и отловил несколько туатар для ваших съемок. Хочешь посмотреть на них? — спросил он Джерри.

Чтобы Даррелл да не захотел!

Ровесники древних рептилий, туатары почти без изменений дожили до наших дней, у них даже сохранился теменной глаз, расположенный между двумя

настоящими глазами. К счастью, они уцелели на ряде прибрежных островов Новой Зеландии и, подобно другим представителям новозеландской фауны, тщательно охраняются, хотя местные власти не считают, что им грозит вымирание.

Билл Райт отвел нас к маленькому сараю, распахнул дверь, и мы увидели невероятное множество туатар, притом совершенно непохожих на их сородичей, знакомых нам по зоопаркам. Бросалась в глаза яркая окраска — зеленовато-бурое туловище с светлыми пятнами и беловатым гребнем вдоль спины. Билл поднял одну туатару и протянул Джерри, который принял ее так, будто она была сделана из стекловолокна, а рептилия спокойно примостилась на его ладонях, ничуть не возражая против того, чтобы ее рассматривали так близко.

— Правда, Крис, они великолепны? — восторженно произнес Джерри. — Какие чудесные краски! В зоопарках такого не увидишь, и я подозреваю, что все дело в повышенной температуре в террариумах. Если мне удастся в следующем году приобрести пару туатар, построю для них особый павильон, постараюсь создать подобие их природной среды, буду следить за температурой и не сомневаюсь, что они приживутся.

Он принялся горячо обсуждать с Биллом Райтом, как лучше содержать в неволе туатар, и эта беседа грозила затянуться на весь день, не напусти им Крис, что мы прибыли для съемок.

— Отложите вашу дискуссию до вечера, — предложил наш продюсер, — когда начнет темнеть.

Туатары вели себя образцово, как будто желали выглядеть возможно лучше на телеэкранах. Там же, на Бразерс, мы сняли белокрылых пингвинов, обитающих рядом с туатарами. Однако впечатление от этих прелестных птиц было испорчено тем, что они всю ночь на-

пролет хрипло голосили под полом домика, где для нас были поставлены раскладушки. Даже Джерри не нашел добрых слов для участников этого хора.

Ничто не сравнится с обильным завтраком, когда вы уписываете бекон, яйца и бобы, запивая их горячим кофе и любуясь восходом солнца. Вы проникаетесь чувством полного удовлетворения, даже самодовольства. Правда, ветер со вчерашнего дня переменился, и погода не сулила ничего хорошего.

— Сомневаюсь, придет ли за нами катер сегодня, — покачал головой Брайен. — Владельцы малых судов не любят такие волны.

— Вот и выдерживай график, — произнес Крис с легкой укоризной.

Ближайшие часы мы тревожно обозревали море и наконец увидели, как наш катер приближается, сражаясь с волнами. Джим застонал:

— Похоже, сегодня мне не обойтись без пилюль от морской болезни.

Спуск в сети на качающуюся палубу катера прошел не так нервозно, как подъем накануне, и вскоре мы расположились в тесной кабине, идя курсом на Уайт-Рокс.

— Как по-твоему, Брайен, сумеем мы подойти к скалам? — спросил Джерри.

— Капитан готов попытаться.

Джим, Брайен, Крис и Джерри отправились на шлюпке на остров, мне же выпала сомнительная привилегия оставаться на катере. Беднягу Джима сильно укачало, тем не менее он взобрался на скалу и снял великолепные кадры королевских бакланов. Вернувшись на катер, он тяжело опустился на скамейку и крепко уснул.

Хотя в бухте Королевы Шарлотты не было такого сильного волнения, думаю, все мы были только рады

покинуть катер и ощутить под ногами твердую почву. Позднее Брайен рассказал, что, по словам капитана катера, тот ни за что не стал бы выходить в море, если бы знал, что делается в проливе. Не скажу, чтобы эта новость утешила меня.

Следующим местом захода был Крайстчерч; здесь нам предстояло посетить лесопитомник, которым заведовал ревностный борец за охрану природы Джон Холзлей. Мы вновь увидели, какой ущерб наносят растительности опоссумы, однако должны были, не задерживаясь, продолжить путь до Данидина, к гнездовью королевских альбатросов, охраняемому сотрудником Управления природных ресурсов Стеном Шарпом.

Королевские альбатросы — великолепные птицы, а на мысу Таиароа расположено единственное в Новой Зеландии гнездовье, посему его охраняют самым тщательным образом. Нам посчастливилось увидеть птенца, уныло восседавшего на кучке прутьев, изображающих гнездо, каким его представляют себе альбатросы. Пока мы обменивались впечатлениями, Стен спросил, не хотим ли мы поснимать желтоглазых пингвинов, чье гнездовье недалеко от Данидина тоже находилось под охраной. Эти пингвины были спасены от полного истребления

благодаря решительным действиям Управления природных ресурсов — отличный пример того, как разумные меры могут помочь спасению вида, — однако УПР не удалось бы добиться успеха без поддержки общественности и местных фермеров, вызвавшихся быть общественными зрителями заповедника. Гнездовье помещалось на берегу прелестной бухты достаточно далеко от города, чтобы проект их спасения оказался осуществимым. Спуститься на пляж было достаточно просто, и мы разошлись в разные стороны в поисках птиц.

В конце концов Дарреллу удалось поймать одного из этих симпатичных пернатых с светло-желтой головой и ярко-желтыми глазами. Пока он тщательно рассматривал свой улов, Джим снимал его. Как только съемки кончились, пингвин живо взбежал вверх по склону и скрылся в своей норе.

— Такие красивые особи — большая редкость среди пингвинов, — заметил Даррелл. — УПР заслуживает самой большой похвалы за спасение желтоглазых.

Стен промолчал, но по его улыбке было видно, как он рад, что мы оценили его труды.

Неохотно простившись с этим милым мягким чело-веком, мы направились в Национальный парк в районе озера Те Анау. Именно там надеялись мы поснимать такахе, хотя шансов на то, чтобы хоть мельком увидеть эту робкую птицу, было чрезвычайно мало. Оставив меня в роскошной правительственной гостинице на берегу озера, четверка мужчин села на маленький гидроплан, который должен был забросить их на озерко в глубине долины. Я отказалась лететь с ними по ряду причин, но главным образом потому, что надо было разобраться с полученной нами обильной почтой и отправить благодарственные письма множеству людей, оказавших нам содействие по ходу путешествия, что составляет немаловажную часть всякой экспедиции.

Все время, что мы находились в районе Те Анау, шел сильный дождь, горы были окутаны туманом. Даррелл все же увидел одну такахе, но снять ее они не успели.

У нас было условлено, что я встречу участников вылазки на другом берегу Те Анау. Из-за плохой погоды гидроплан не мог забрать их с верхнего озера, пришлось им пробираться вниз по крутому склону через влажный буковый лес, сжимая в руках камеры, пленку и походное снаряжение. К катеру, с которым я их встречала, вышла весьма унылая и мокрая компания. Я же, несмотря на работу с письмами, успела отдохнуть и готова была тотчас трогаться в путь, но Крис забастовал. Он жаловался, что они не увидели толком такахе, хуже того — не встретили даже ни одного горного попугая кеа, хотя нас уверяли, что их кругом видимо-невидимо.

Наслышавшись про кеа, Крис заявил, что не уедет из Новой Зеландии, пока не снимет этих птиц.

Поскольку нам уже не терпелось отплыть в Австралию, необъяснимая страсть Криса к этим «клоунам сне-

говых гор» грозила стать серьезной помехой для наших дальнейших планов. Новозеландцы очень тепло относятся к кеа, исключение составляют фермеры, утверждающие, будто эти птицы нападают на ягнят, чтобы полакомиться их салом. Полное отсутствие доказательств таких нападений не мешает фермерам нещадно отстреливать кеа. А потому, если не охранять этих попугаев, они могут совершенно исчезнуть в некоторых районах.

— Единственное, кроме Те Анау, место, где можно попытаться увидеть кеа — гора Кука к северу отсюда, — сказал Крису Брайен.

Сроки поджимали, а потому мы сломя голову помчались к горе Кука. Надо ли говорить, что мы не увидели там никаких кеа, и бедняга Крис совсем пал духом. Одна из горничных в тамошней гостинице услыхала его сетования.

— Вы желаете поснимать кеа? — спросила она. — Почему не обратились ко мне? Они каждое утро прилетают к окнам нашей кухни, и я кормлю их на крыше.

— О нет... Это невероятно. Мы тут носимся кругом без толку, а она преспокойно заявляет, что они каждое утро садятся на крышу перед нашими окнами! Это уж слишком...

И в самом деле, на другое утро четыре потешных тучных зеленых попугая затеяли перепалку на крыше, вырывая друг у друга кусочки хлеба с маслом. Джим поспешил зарядить камеру и принялся снимать этих безалаберных пернатых, решительно не желающих вести себя так, как подобает уважающим себя попугаям. Кеа носились вокруг гостиницы, вскрывая клювом картонные коробки и творя прочие безобразия, даже попытались сорвать брезентовый верх с нашего лендровера.

— Теперь, дружище Крис, можем мы наконец отплыть в Австралию? — осведомились мы.

— Теперь я вполне счастлив, думаю, есть кое-какой материал для отличных программ.

Друзья из Управления природных ресурсов устроили для нас роскошную вечеринку, и нам лишь с огромным трудом¹ удалось вырвать Даррелла из их объятий, чтобы завершить сборы. Джим решил лететь в Сидней и ждать нас там, мы же расположились в каюте «люкс» на борту очаровательного старого парохода «Ванганелла» и пять дней усердно трудились, готовя сценарий нашего следующего, австралийского этапа.

¹ Поскольку в новозеландских учреждениях общепита приличной еды не получишь, неудивительно, что мне не хотелось расставаться с добрыми винами, вкусными запахами и веселой компанией. Бывают, однако, времена, когда моя супруга ведет себя, как лишенный сана церковный староста, и придерживается противоположных взглядов. Что я могу только объяснить тем, что она воспитывалась на пуританском севере Англии. Дж. Д.

Глава девятая

Капитан «Ванганеллы» настоял на том, чтобы мы поднялись на рассвете и полюбовались гаванью Сиднея, и должна сказать, что я не пожалела о раннем подъеме¹. Обычно, когда уроженцы той или иной страны восторженно описывают красоты своего края, действительность разочаровывает меня, но в данном случае вид на гавань с озаренным солнцем знаменитым мостом был великолепен.

На берегу нас встречали Джим Сондерс и австралийские представители издательства «Харт-Дейвис», Британского совета и Би-би-си. Таможенники были на

¹ Тогда я, окруженный со всех сторон плечистыми, волосатыми, подозрительными австралийцами, вынужден был громко восхищаться открывшимся видом. На самом деле, даже райские врата, подними вас кто-нибудь на рассвете любоваться ими, произвели бы, мягко говоря, удручающее впечатление. Д.ж. Д.

редкость предупредительны, и не успели мы оглянуться, как уже катили по кипящему жизнью огромному Сиднею. Благодаря тому, что мистер Уильямс из Британского совета назначил встречу с прессой в своем офисе на вторую половину дня, у нас было несколько часов на то, чтобы собраться с мыслями. Представитель Би-би-си устроил для нас роскошный ленч, едва не лишившись при этом своей машины. Бедняга вызвался подвезти нас в ресторан, но мы почему-то не подумали о месте для него, и, пока наш отряд ехал в его машине, ему пришлось добираться до ресторана пешком. После ленча мы отправились в гостиницу, причем Крис сообщил, что это отель для трезвенников.

— Кой черт дернул тебя заказать места в цитадели трезвенников? — возмутился Даррелл.

— Здесь самые дешевые номера.

— Ты подумал обо мне и о моем желании мирно выпить стаканчик на закате?

— Ничего, — вступил Джим. — Можно что-нибудь пронести тайком.

— Конечно, и потом жевать перечную мятую, чтобы перебить запах.

И уж чего мы совсем не ожидали, так это того, что для входа в эти священные врата полагалось дать надлежащую подписку. К счастью, нам предстояло провести в этом отеле всего одну ночь, и мы решили хорошенько выпить за его пределами, прежде чем располагаться на ночлег.

Вид предоставленного нам лендровера стал причиной еще одного нервного потрясения.

— Что это за чудовище? — дружно воскликнули мы.

— Машина, на которой мы будем разъезжать по Австралии, — ответил Джим, хихикая.

— Да она и ста метров не протянет, ее место на свалке.

— Ничего не знаю, — посетовал Джим. — Такую машину мне выделили в сиднейском гараже, а когда я возмутился, предложили обратиться в главное агентство в Мельбурне.

Мало сказать, что этот дряхлый рыдван давно пережил расцвет своей юности, он явно находился при последнем издыхании. Тем не менее мы втиснулись в кабину и поехали регистрироваться в гостинице. После чего начались самые кипучие сутки, какие когда-либо выпадали на мою долю. Пресса на сей раз вела себя отнюдь не благожелательно, мы даже начали огрызаться. Добавьте к этому бесконечное число людей, с коими нам «следовало повидаться», выражаясь словами Криса. У него явно сложилось впечатление, что Сидней дурно влияет на нас, потому что ему не терпелось вывезти нас из города. Мы так и не успели толком познакомиться с Сиднеем.

Для Криса Меккой была Канберра, федеральная столица, где помещался Отдел природных ресурсов УНПИС (Управления научных и промышленных исследований Содружества), и он вознамерился возможно скорее доставить нас туда. И надо же было нам, прибыв глядя на ночь в Канберру, обнаружить, что ни в одной гостинице нет мест, пришлось довольствоваться каким-то занюханым салуном из вестернов в десяти километрах за городом. Казалось, здесь только что побуянили индейцы; все же нам удалось кое-как выспаться.

По пути в город на другой день Крис просветил нас, с кем нам надлежит встретиться в Канберре, и предупредил, что лучше настроиться на нелегкий разговор с шефом УНПИСа Гарри Фритом, с которым он успел перекинуться парой слов по пути в Новую Зеландию. Австралийцы похожи на уроженцев Северной Англии — середины не признают — либо вы им нравитесь, либо нет. Если понравитесь, сделают для вас все воз-

можное. Что весьма пришлось мне по душе после нескольких лет жизни в Южной Англии, где невозможно добиться от людей, что они думают на самом деле¹. Итак, мы входили в офис мистера Фрита затаив дыхание. Все зависело от готовности этого человека сотрудничать. Не скажу, чтобы он был счастлив нас видеть, однако держался вполне учтиво, даже предложил присесть. Это был не тот деятель, с кем можно говорить обиняками и точить ляды, занимая его драгоценное время, а потому Крис и Даррелл сразу же принялись излагать суть дела. Гарри Фрит молча слушал, иногда кивая и делая какие-то пометки, наконец подумал несколько секунд и сказал:

— Так вот, лично я готов помочь вам, чем могу, но не берусь заставить своих парней ради вас бросать свои дела, если они сами того не пожелают. У меня через несколько минут совещание, но я провожу вас на двор, где вы сможете познакомиться кое с кем из них. Если они скажут о'кей — с Богом.

На «дворе» за зданиями офиса мы увидели просторные вольеры, где исследователи содержали млекопитающих — кенгуру, ехидн и прочих. Гарри Фрит познакомил нас с теми, кто занимался в основном кенгуру. Проблема выживания кенгуру — предмет самых тщательных исследований, и на долю УНПИСа выпала неблагодарная задача вынести вердикт за или против этих животных. Один из ведущих специалистов в области воспроизводства млекопитающих — доктор Джеф Шэрмен; именно энтузиазму и горячему желанию этого человека оказать нам содействие мы обязаны тем, что

¹ Моя жена, простая душа, не понимает, что уклончивость людей, коих она почему-то называет «южными бабочками», вполне обоснована. Если бы они говорили ей то, что думают на самом деле, она, вероятно, предпочла бы больше никогда не разговаривать с ними. *Дж. Д.*

наша австралийская программа хоть в чем-то удалась. Встретившись в тот же день снова с Гарри Фритом, мы договорились, что 1 июня вернемся в Канберру, чтобы попытаться снять появление на свет кенгуренка. Прежде таких съемок не проводилось, Крис заранее ликовал, полагая, что эти кадры станут кульминацией всего сериала, и пообещал в благодарность за содействие предоставить УНПИСу копии всех будущих лент.

Весьма довольный собой, Крис снова щелкнул бичом, и вскоре мы уже сидели в Мельбурне у мистера Альфреда Батчера, главы Управления природных ресурсов штата Виктория. На пути туда наш престарелый ленд-ровер решил, что его отнюдь не прельщает перспектива участия в экспедиции. Задний дифференциал полетел, и только с помощью владельца одного местного гаража и проходящей полицейской машины удалось вернуть колымагу агенту в Мельбурне, который с великой неохотой согласился предоставить нам более молодое и надежное четырехколесное творение.

Тем временем мисс Айра Уотсон из УПР договорилась, к великой радости Даррелла, о нашем размещении в комнатах при одной пивной, чья владелица-англичанка почитала важнейшим делом своей жизни кормить постояльцев до отвала.

Целью нашей первой вылазки был заповедник в Шербрукском лесу, недалеко от центра Мельбурна. Здесь удивительные птицы — лирохвосты — развлекали экскурсантов, устраивая пляски на кучках листьев и подражая пению других пернатых. Звезду ансамбля звали Скотти; он и впрямь скоро вышел к нам, охотно принимая угощение, однако упорно отказывался сплзсать перед камерой. Несколько холодных дождливых дней мы продолжали гоняться за Скотти, но он был непоколебим. Нам встретились три удивительно ручных кукабурры, а Джерри набрел на тучного индифферен-

тного вомбата, похожего на объевшегося медом Винни Пуха, однако тот поспешил удалиться в свою нору при виде грязных ботинок Даррелла.

Крис совершенно пал духом, и Джим в отчаянии скрылся в гуще леса, сжимая в руках камеру и оставив нас дежурить с другой камерой у «танцевального зала» лирохвостов. Час спустя он появился снова, сияя всем лицом.

— Порядок, Крис,— доложил он.— Можешь не волноваться больше, я все снял. Запечатлел танцы не одного, а целых двух лирохвостов! Еще один маленький шедевр.

Крис отказывался поверить, пока пленка не была проявлена и он сам все не увидел.

— Чертовски здорово, Джим,— радостно выпалил он, и Джим был весьма доволен собой.

Разумеется, никакая программа об Австралии не могла обойтись без коал. Правда, мы не очень представляли себе, как отыскать их, не отвлекаясь от центральной темы, но нас снова выручила мисс Уотсон. УПР не один год занималось охраной милых зверьков, и бывшая угроза виду миновала. Зато возникла другая проблема — с увеличением численности коал стали страдать эвкалипты, чьей листвой они питаются. Самим коалам не доставало ума перебираться в районы с более пышной растительностью, а потому сотрудники УПР временами отлавливали небольшие группы и перевозили на новый участок, куда мы теперь и направились.

Нас очень интересовало, как именно ловят этих пухлых «мишек». Всякий, кто когда-либо пробовал поднять за шиворот медвежонка, знает, что ухватиться рукой трудновато, а у коал особенно толстая шкура. Однако некий мудрец придумал способ, причиняющий мишке минимум неудобств. Главное, найти дерево, где сидят коалы. После чего следует вооружиться длинным раз-

движным шестом с петлей на конце. Коалы поразительно доверчивые создания, они совсем не сопротивляются, когда им надевают петлю на шею. Разумеется, фиксирующий узел не дает петле затянуться слишком туго и удушить добычу. Пока один человек орудует шестом, другие держат внизу наготове брезент, играющий роль ловчей сети. Рывок — и мишка падает, живой и невредимый, на растянутую сеть. После чего его миготом отправляют в транспортную клетку. Все делается так быстро, что коалы не успевают сообразить, что происходит. Мы поймали около десятка коал разной величины, и, хотя они выглядят такими милыми и безобидными, Дарреллу, когда он после задумал помочь тучному экземпляру влезть на дерево на новом месте, довелось на себе испытать, какие у этих зверьков острые когти. Главный враг туповатых коал в наши дни — лесные пожары: они продолжают цепляться за свое дерево, пока не превратятся в угольки. Ужасный конец для такого обаятельного и мирного существа.

В штате Виктория на нашу долю выпала привилегия увидеть еще одно животное, которое долго считалось вымершим. Я говорю о крохотном млекопитающем — поссуме Ледбитера. Два этих маленьких зверька содержались в лаборатории УПР в Мельбурне, но нам очень хотелось побывать на участке их обитания в Данденонге. Расположение этого участка — великий секрет, но мы опасались, как бы случайный лесной пожар не уничтожил всю популяцию. Не припомню, чтобы я, даже в разгар английской зимы, мерзла так, как в ту холодную осеннюю ночь, когда мы рыскали в зарослях, стараясь уловить звуки движения зверьков среди ветвей. Мы вооружились фонариками, в свете которых сразу увидели бы искомое. Нам попадались и другие опоссумы, и летяги, только опоссумы Ледбитера не показывались, и мы уже потеряли всякую надежду на успех, когда наш

проводник вдруг остановился и поднес палец к губам, призывая соблюдать полную тишину, после чего направил яркий луч на дерево поблизости, и мы увидели на ветке сидящего неподвижно и глядящего на нас Ледбигтера. Он показался мне чем-то вроде помеси белки и галаго, и его нисколько не смущало внимание таращившихся людей. Мы даже забыли о необходимости стоять тихо. Внезапно зверек пискнул и скрылся в листве.

— Ну как, Крис, стоило померзнуть ради такого зрелища? — спросил Даррелл.

Крис был не в состоянии говорить, и лишь когда мы перед горящим камином в хижине согрелись горячим чаем с виски, нам удалось выжать из него несколько слов.

— Чудесно, чудесно, — через силу вымолвил он. — Отличный сюжет для нашего сериала.

В гостинице нас ожидал такой холодный номер, что Джерри разделся только после того, как забрался под одеяло. Под конец пребывания в штате Виктория мы посетили заповедник Хилсвилл, которым долго руководил великий австралийский натуралист Дэвид Флей. Теперь им заведовали Билл Гэскинг с супругой. Хотя весь день шел проливной дождь, нам удалось снять отличные кадры, запечатлеть вомбатов, коал и утконосов; увидели также замечательную клетку для лирохвостов, подаренную заповеднику Королевским автомобильным клубом. Однако сильнее всего врезалась в мою память картина следов недавнего лесного пожара, едва не уничтожившего весь заповедник. Несмотря на отчаянные усилия сотрудников, несколько кенгуру получили сильные ожоги, и лишь заботливый уход помог им оправиться. Мы в Европе часто слышим про лесные пожары в Австралии, но только увидев обугленные деревья и погибших животных, постигаешь весь ужас этого бедствия, причем трагедия состоит в том, что в большинстве таких по-

жаров повинны беспечные субъекты. Ущерб, причиняемый людям и животным, не поддается измерению, не-удивительно, что виновных ожидает суровая кара.

Каким-то образом нам удалось в срок поспеть в Канберру, к Джэфу Шэрмену и его беременной кенгурихе Памеле, однако она посчитала, что время рожать еще не пришло, и мы удалились ждать сигнала в роскошный мотель поблизости. Это было почти все равно что ждать появления на свет собственного младенца, и при каждом движении Памелы мы хватались за камеры. Два дня она тянула с родами, и наши мужчины одну ночь провели у ее загона, готовые в любую минуту начать съемку. Подозреваю, что вся Канберра знала о наших переживаниях, потому что мы металась туда и обратно как одержимые. Надо ли говорить, что роды начались, когда мы все сидели в мотеле. Никогда еще отряд киношников не срывался с места с такой скоростью. В своем загоне Памела присмотрела удобный уголок и тщательно чистила сумку, прислонясь спиной к ограде. Не успели мы оглянуться, как крошечный кенгуренок явился на свет и начал карабкаться вверх по маминому животу, пока не добрался до сумки, где тотчас захватил ртом сосок. Казалось просто невероятным, каким образом этот слепой детеныш, почти еще эмбрион, ухитрился без всякой помощи со стороны матери найти дорогу через густой мех. А родительница, занятая приведением себя в порядок, не обращала никакого внимания на своего нового отпрыска.

Мы снимали роды двумя камерами, и все были довольны результатом. Кенгуренок Босуэлл, успев с тех пор стать красивым серым самцом, прославил английское телевидение. Впервые широкий зритель смог наблюдать на экране рождение кенгуру.

Желая познакомить нас с еще одной стороной своей работы, Гарри Фрит и его помощник Бивен Браун пред-

ложили нам посетить овцеводческую ферму по соседству с маленьким городом Гриффит, принадлежащую одному другу Гарри, который помогал УНПИСу исследовать вопросы регулирования численности кенгуру. Катя по пыльной дороге, мы на каждом шагу видели крупных серых и рыжих кенгуру и эму, попадались в наше поле зрения и лисы. В воздухе над нами кружили с криками попугайчики и какаду; я сразу вспомнила пампасы Аргентины. Гарри и его люди смастерили специальную ловушку для кенгуру, чтобы надевать воротнички, позволяющие следить за их передвижениями. Мы провели малоприятный час, гоняясь по равнине на лендроверах за кенгуру и снабжая их метками.

Район Гриффита в Новом Южном Уэльсе примечателен еще и тем, что там находятся заросли акации и эвкалипта, служащие местом обитания глазчатой курицы, похожей на индейку крупной птицы, которая откладывает яйца в сооруженный самцом «инкубатор» в земле, причем самец же регулирует температуру в «инкубаторе». По пути к заповеднику глазчатых кур мы увидели распятых на колючей проволоке молодых орлов-клинохвостов. Этих несчастных птиц, подобно кеа в Новой Зеландии, отстреливают овцеводы, уверяющие, что они уносят ягнят.

После этой вылазки Крис решил, что нам необходимо отправиться в Квинсленд к Дэвиду Флею, управляющему заповедника в районе Берли-Хедс, у самой границы Квинсленда и совсем близко от популярных у австралийских любителей серфинга пляжей Золотого берега. Джерри не один год рассказывал мне об этом человеке, посвятившем свою жизнь охране природы Австралии и преуспевшем в выращивании в неволе уток-носов.

С первой минуты их встречи было очевидно, что Даррелл и Флей родственные души, и вскоре они были

всецело поглощены обменом мнениями о проблемах дикой фауны и ее выживания во всем мире.

Мы с Крисом воспользовались случаем прокатиться в Брисбейн за деньгами. Несмотря на осень, в Квинсленде царила чудесная погода, и было так приятно отогреться после студеной Виктории и холодных ветров Канберры. Джим, пользующийся каждой возможностью улизнуть, когда Парсонс был занят чем-то другим, провел день на пляже и едва не был съеден акулами.

Мы провели несколько изумительных дней в обществе Дэвида Флея и его жены Ингрид, и они с удовольствием показывали нам своих подопечных. Прежде всего мы увидели колонию коал, в том числе детеныша, который был крайне недоволен, когда его извлекли из маминой сумки, и поспешил вернуться туда, как только Дэвид выпустил малютку. Один эму-альбинос с ходу проникся великим расположением к Дарреллу и следовал за ним по пятам, влюбленно заглядывая ему в лицо из-за спины, даже попытался убедить его помочь насиживать лежащие в гнезде большие яйца. Но самой яркой персоной в коллекции Дэвида был властный молодой казуар по имени Клод; он чувствовал себя хозяином в загоне и меткими пинками отгонял кенгуру, мешающих его прогулкам.

Главной прелестью коллекции Флеев я назвала бы то, что все животные были ручные и сразу узнавали Дэвида. Даже утконос (а эти животные известны своим строптивым нравом) позволял ему брать себя на руки. В подвале дома Дэвида помещалась отличная коллекция рептилий, а также несколько выращенных им мелких млекопитающих. Дэвид Флей — один из немногих австралийцев, кто вопреки равнодушию, а то и враждебности фермерских кругов всей душой отстаивает право дикой фауны на существование наряду с овцами и крупным рогатым скотом.

Мне было грустно, когда съемки кончились, и мы оставили Криса и Джима наслаждаться заслуженным отдыхом, а сами помчались в Сидней, чтобы поспеть на пароход, идущий в Сингапур. В Сиднее нас опять перехватила пресса, и на этот раз мы были во всеоружии, рассказали, как нам понравилась страна и ее фауна, чем немало удивили большинство журналистов.

Прибытие в Малайзию сильно отличалось от нашего появления в Новой Зеландии и Австралии. Сойдя на берег в Сингапуре, мы обнаружили, что Крис и Джим оторвались от усадьбы Большого Барьерного рифа, чтобы встретить нас. Крис даже разрешил нам задержаться в городе на целые сутки, что, впрочем, нас не так уж обрадовало — в Сингапуре царила жара, и город страдал от нехватки воды.

Даррелл был счастлив снова оказаться в тропиках; он всегда мечтал посетить Малайзию, в основном потому, что много хорошего слышал об этой стране от друзей. На дамбе, отделяющей Сингапур от материка, не обошлось без небольшого происшествия: наш ленд-ровер едва не остался без колеса, но британские военные вовремя пришли нам на выручку. Ближе к вечеру нас ожидал прием в офисе британской прессы в Куала-Лумпуре, однако на полпути туда полетел один салник, и со скоростью десять километров в час мы с трудом доковыляли до маленького городка, где хозяин китайского гаража подремонтировал машину. В итоге мы прибыли в малайзийскую столицу с большим опозданием и на прием не попали.

Нас разместили в роскошной гостинице с кондиционером, с ванными в каждом номере. И кормежка была отличная — на выбор европейские и китайские блюда. Джим упрямо заказывал только мясо с двумя видами

овощей, тогда как мы трое позволяли себе вкушать более экзотические блюда. Джим постоянно подозревал, что местные жители сговорились его отравить, и, хотя оставался верен европейской кухне, достукался-таки до легкой дизентерии.

Наша гостиница, судя по всему, служила центром притяжения для китайской общины, посему я великодушно вызвалась сидеть в ресторане спиной к залу, чтобы наши трое мужчин могли без помех глазеть на входящих китаянок¹. Я всегда знала, когда появлялось очередное экзотическое создание, потому что в ту же секунду разговор за нашим столом прекращался и три головы, три пары глаз обращались в ту сторону. Европейские женщины явно не смотрятся в Малайзии, да и вообще на Востоке: не тот климат², да и грациозностью они не идут в сравнение с местными дамами. Однажды мы поднимались в лифте вместе с одной малайзийкой, так Джима и Криса едва не расплющили закрывающиеся двери, когда они жадно провожали ее глазами. Увидев на другое утро ту же особу в обществе уродливого европейца, они были поражены.

— Чем таким он обладает, чего мы лишены? — пробурчал Джим.

— Деньги? — предположила я.

Еще одна черта Куала-Лумпура, привлекавшая внимание наших мужчин — обилие массажных кабинетов, как здесь для отвода глаз называют бордели. Правда, сколько я их ни подбадривала, ни один не решился проверить, что кроется за вывеской³.

¹ В жизни никогда не глазел на женщин. Разве что подмигну или как бы невзначай уроню толстый бумажник. Дж. Д.

² Европейские женщины нигде не смотрятся, включая Европу. Дж. Д.

³ Беспардонная ложь. Дж. Д.

Еще до прибытия в Малайзию мы с Джерри предупредили Криса, что чиновники в тропиках — совсем не то что их собратья в умеренном поясе. Он пообещал не лезть на стену и не беситься, если возникнет какая-нибудь заминка, но когда по истечении полутора недель еще не было снято ни одного метра пленки, Крис уже собрался покончить с собой. Однако тут наметился наконец просвет, и мы решили отправиться в Национальный парк Таман Негара, расположенный на стыке штатов Келантан, Паханг и Тренгану. По отличным дорогам мы доехали до небольшого города Куала-Липис на реке Джелай, где старший охотинспектор предложил нам свой катер, который и доставил нас вверх по реке в Национальный парк площадью свыше 400 тысяч га. Куала-Липис не так уж мал, в нем есть современного вида банк и кинотеатр, и мы переночевали здесь в не очень приглядном рестхаузе. На другой день рано утром пришел местный катер, и мы помчались по реке с умопомрачительной скоростью. Джим, купивший шляпу армейского типа, сидел рядом со мной на носу, когда внезапный порыв ветра лишил его головного убора. Он совершенно серьезно уверял, что даст дуба от солнечного удара, и мы пообещали, что купим

ему узорный тропический шлем, когда вернемся в Куала-Лумпур... Вскоре, миновав излучину, мы увидели на высоком берегу деревушку, и рулевой решил причалить, чтобы кого-то навестить. Джим обрадовался и возвестил, что пойдет с ним, поищет себе шляпу. Не обращая внимания на наш саркастический хохот, он полез наверх, пообещав принести попить чего-нибудь холодненького. И пристыдил нас, вернувшись минут через десять в шляпе, держа в руках четыре бутылки кока-колы со льда. Где-то в гуще глинобитных хижин он отыскал крохотную лавку с холодильником и широким выбором головных уборов.

Затем возвратился и рулевой, и мы продолжили плавание. Миновали пасущихся на мелководье буйволов, несколько туземных хижин. Наш катер разработанной в Новой Зеландии конструкции лихо форсировал пороги. Вот только плавающие на поверхности воды листья тормозили, наматываясь на винт, и бедняге-рулевому пришлось раза четыре вылезать в реку, чтобы освободить его.

Казалось, мы находимся в пути уже не один час, и, хотя рулевой снова и снова твердил, что рестхауз находится за следующим поворотом, мы начали терять надежду, что сегодня доберемся до цели, когда наконец все же увидели вдали приметное здание. Тут ко всему хлынул проливной дождь, какой бывает только в тропиках. Естественно, надо было уберечь от дождя не нас, а аппаратуру, так что мы промокли насквозь.

На пристани нас встретила толпа носильщиков, оспаривающих друг у друга честь нести наш багаж, сами же мы ринулись вверх по ступенькам к тропе, ведущей к зданию рестхауза. К нашему ужасу, оно было наводнено отрядом английских школьников, прибывших из Куала-Лумпура, чтобы всласть побродить по Национальному парку. Правда, среди них оказались толковые

ребята, которые поделились с нами тем, что знали о парке и о Малайзийской федерации.

Старший охотовед пригласил нас к себе, чтобы обсудить наши планы. Очаровательный старый бродяга, страшась своего босса в столице, он всячески старался помочь нам. Поручил одному из объездчиков сводить нас в джунгли на другой день, чтобы показать места засидок, и пообещал предоставить в наше распоряжение катера, чтобы мы могли продолжать вылазки вверх по реке и исследовать притоки. Не знаю даже, кто из нас двоих — Джим или я — с большей тревогой думал о предстоящих вылазках. Оба мы не любили тропики, к тому же я в тропических лесах страдаю клаустрофобией, чего не скажешь о пиявках. Мы приняли все меры предосторожности, надели на ноги надлежащую обувь, призванную защитить их от пиявок, но стоило выйти за пределы территории, прилегающей к рестхаузу, как на нас напала целая армия. Даррелл справлялся с пиявками двумя способами — прижигал сигаретой или посыпал солью. Тем не менее они ухитрялись отыскивать какие-то лазейки, в чем мы убеждались, раздеваясь по возвращении в рестхауз. Изю всех тварей, населяющих тропические чащи, эти, на мой взгляд, самые отвратительные. Особенно жуткое впечатление производит обилие крови, когда вы отрываете пиявку от себя; можно подумать, вас всего изранили. Во время одной вылазки, пиявка таки добралась до моей ноги, и поскольку на мне были узкие джинсы, пришлось раздеваться, избавляясь от нее — к великому удовольствию жестоких мужчин.

Снова главные страдания выпали на долю Джима. На сей раз ему было поручено часами дежурить в тесной засидке, подстерегая бродящих в джунглях носорогов. К счастью, гиббоны скрашивали монотонное ожидание. Они всюду возникали на деревьях над нами, весело прыгая с ветки на ветку и громко перекликаясь.

Туземцы дали им звукоподражательное прозвище вах-вах; мне гиббоны показались самыми симпатичными из всех обезьян. В Куала-Лумпуре мы познакомились с одним голландцем, который держал черного гиббона (он же — сиаманг), предоставив ему в доме полную волю. Право, мне кажется, что гиббоном он дорожил больше, чем своими детьми. Избалованный любимчик катался вместе с хозяином по городу в его машине и очень любил сигналить.

Занимаясь съемками на реке, Крис и Даррелл однажды застряли с катером на отмели. Выбравшись на берег, они обсуждали варианты дальнейших съемок, когда увидели вдруг плывущую в их сторону большую королевскую кобру. Оба замерли, а змея, подплыв вплотную и рассмотрев людей, испуганно остановилась и поспешно направилась в другую сторону. Естественно, Крис испытал легкое потрясение, что же до Джерри, то он потом приводил этот случай как пример того, насколько змеи боятся людей. На той же реке нам встретился оленек, очаровательное маленькое создание величиной с собаку; мясо оленька высоко ценится лесными жителями. Иногда, покинув качающиеся ветки прибрежных деревьев, над нами проносились ярко окрашенные птицы-носороги, а вот крупные млекопитающие упорно сторонились нас, что весьма сильно расстраивало Криса.

Следующий этап киноэкспедиции должен был привести нас на восточное побережье Малайзии, где в районе города Дунгун находятся последние в мире «ясли» огромной кожистой черепахи. Малайское общество естествоиспытателей убедило правительство помочь с организацией заповедника. Безобидные великаны из года в год возвращались к здешнему берегу, чтобы старательно вырыть гнезда в золотистом мягком песке и отложить в них яйца — только затем, чтобы местные жи-

тели откопали их и продали любителям деликатесов. Словом, без энергичных мер защиты этим черепахам грозило вымирание. А потому за два года до нашего приезда большой участок берега был объявлен заповедным; туда-то мы и направились.

По пути в Дунгун нам предстояло переправиться через несколько больших рек на паромах, производивших весьма ненадежное впечатление, которое подтверждалось тем, что недавно один такой паром затонул вместе с автобусом, полным пассажиров. К счастью, мы проделали весь путь без происшествий, и в Дунгуне нас встретили директор рыбного хозяйства и его помощник. В свою очередь, они познакомили нас с малайцем, коему принадлежало право на сбор черепаших яиц, и тот разрешил нам снимать на пляже. От него мы узнали, что черепахи выходят на берег ночью и что очень важно не беспокоить их, пока не начнется кладка, иначе самка уплывет и может вообще больше не вернуться.

Поздно вечером мы спустились на пляж с мощными фонарями. Брести по берегу, погружаясь по щиколотку в мягкий песок, с тяжеленным грузом, при температуре воздуха около тридцати градусов — не самое приятное времяпрепровождение, когда вас окружает тропическая ночь. Казалось, мы прошли не один километр, прежде чем наконец очутились у цели.

— Живей, живей, — поторапливал нас Крис. — Не мешкайте, мы должны быть готовы к решающему броску, как только получим сигнал.

— Есть, сэр! — дружно отзывались мы.

И вот мы терпеливо ждем сигнала, кое-как отбиваясь от пикирующих комаров; как всегда, было похоже, что они избрали меня своей главной мишенью.

— Скорей, сюда! — прокричал кто-то в ночи. — Черепахи приплыли.

Стараясь не шуметь, мы побрели на голос.

— Самка здесь,— сообщил малаец.— Теперь ждите тихо, пока не начнется кладка... Есть!

Тотчас загорелся яркий свет, и как только наши глаза привыкли к нему, мы увидели кожистую черепаху. Огромное неуклюжее создание, пыхтя и кряхтя на жаре, опускало в яму целую очередь яиц, похожих на мячики для пинг-понга. При этом из глаз черепахи струились густые слезы. Наконец кладка завершилась, и самка принялась засыпать их песком. Мощные задние ласты утапывали его; в заключение она накрыла гнездо своим могучим, почти трехметровым телом, чтобы окончательно утрамбовать песок. Посчитав, что яйца надежно скрыты, тяжелая рептилия медленно поползла к воде, работая передними ластами и оставляя след, как от танка. Добравшись до воды, поспешила окунуть голову, словно желая освежиться, затем вся погрузилась в море, и только поднятая ластами темная волна сказала нам, где она нырнула.

Между тем хозяин пляжа уже начал откапывать яйца, но на сей раз не для продажи гурманам, а чтобы перенести их на участок, огороженный проволочным забором. Днем этот участок можно было принять за небольшое воинское кладбище: над каждой ямкой с яйцами высился простой деревянный крест, на котором была записана дата кладки и количество яиц. Пройдет несколько недель, и из песка на поверхность выберутся очаровательные черепашата, расписанные аккуратными полосками. Их соберут, поместят в ведро с водой и на катере рыбхоза отвезут в море подальше от той зоны, где обычно малышей подстерегают хищники.

Пока еще рано судить, насколько эффективны охранные меры, но начало сделано, кожистые черепахи спасены от полного истребления.

Наш продюсер развил кипучую деятельность, и мы продолжали двигаться на север — сперва до города Ипох, где собирались встретиться с орнитологом Джефффри Алленом и его женой. Они хорошо знали местную фауну и обещали показать нам летучего дракона. Аллены очень тепло приняли нас, всячески обихаживали и разрешили разместить в их саду всевозможную аппаратуру для съемок летучего дракона. На первый взгляд — ящерица как ящерица, но это лишь до той минуты, когда вы рассмотрите тонкие перепонки на ребрах, которые расправляются, уподобляясь крыльям, когда дракон легко перелетает с дерева на дерево. Я даже не знаю, кто испытал большее облегчение, когда кончились съемки этого сюжета — то ли несчастное животное, кое мы снова и снова заставляли совершать полет, то ли наша бригада. Да и после того мы не получили передышки: Джим Сондерс принялся снимать цикад, пауков, рогатых жуков и прочих насекомых, кому не повезло стать предметом сего внимания.

— Это все необходимо для общего антуража, — твердил Крис.

Джефффри Аллен неловко рассказал Крису о каких-то интересных тварях еще дальше на север, в районе Тайпинга, но на сей раз мне было позволено отдыхать, и я осталась у Алленов, пока мужчины отправились за новыми сюжетами. Мы с Бетти Аллен отлично ладили, и я бродила с ней по лесу, где она фотографировала интересные ее растения. Нам было так хорошо вместе на воле, что я даже огорчилась, когда мужчины возвратились и повезли меня обратно в столицу.

Мы были глубоко тронуты тем, как тепло и радушно нас принимали везде в Малайзии, и все же мне очень хотелось снова очутиться на безбрежных просторах саванны Восточной Африки.

Джим и Крис улетели домой, и после стольких недель совместной работы было как-то странно оказаться только вдвоем; нам по-настоящему не хватало их. Однако вести о недомогании матери Джерри и о каких-то неладах в зоопарке вынудили и нас срочно изменить свои планы и возвращаться в Англию, отложив на другой раз экспедицию в Африку. При помощи сотрудников нефтяной компании «Шелл» нам удалось получить каюту на одном из пароходов «Глен Лайн», и я не помню другого плавания, которое доставило бы мне столько удовольствия, сколько эти пять недель в море. До чего же приятно было плыть свободной от необходимости пестовать коллекцию животных! Правда, мы сумели приобрести в Малайзии три белки и четыре висячих попугая, но уход за ними казался пустяком, если вспомнить наши проблемы на пути домой из Африки и Южной Америки. Это плавание я сравнила бы с чудесным отпуском.

предложениями. Были среди них совсем неприемлемые, но знакомство с миссис Уэллер все решило. Страшно подумать, что было бы с нами без такой помощницы: она взялась вести все административные дела, предоставив нам без помех заниматься животными. Мы будем вечно перед ней в долгу. Медленно, но верно она навела порядок, и при помощи наших многочисленных друзей все наладилось. Доброта и поддержка, оказанные нам в это тревожное время, поразительны.

С легкой руки одного нашего друга удалось заинтересовать делами зоопарка группу влиятельных деятелей, и Джерри решил, что пришла пора осуществить давнюю мечту — учредить Трест охраны животных, общественную организацию со своим консультативным советом. Цель Треста — сосредоточиться на содержании и размножении некоторых из бесчисленного множества животных, которым грозит полное уничтожение. Идея смелая и амбициозная, но ее охотно подхватили люди, играющие теперь важную роль в жизни Джерсийского зоопарка.

По совету экспертов было решено, что прежде всего следует погасить задолженность в размере пятнадцати тысяч фунтов и начинать с чистого листа. Тут неоценимую помощь оказала нам джерсийская «Ивнинг пост». Газета поместила письмо, подписанное двенадцатью связанными с зоопарком видными деятелями, и оно вызвало неслыханный отклик. Мы получали пожертвования размером от тысячи фунтов до карманных мальчишеских пенсов, но больше всего тронули нас пять гиней от сотрудников зоопарка.

Снова проявилась замечательная щедрость джерсийцев, которые и прежде предлагали нам бесплатно овощи, фрукты и мясо. Мы быстро приближались к поставленной цели. Сам Джерри отказался пользоваться поступающими в Трест средствами, чтобы рассчитаться

с собственным долгом в двадцать тысяч. Поскольку он всецело зависит от того, что получает за книги и телевыступления, ему предстояло не один год рассчитывать с кредиторами. Многие называли его глупцом, но Джерри был убежден, что только так может он на радость будущим поколениям спасти некоторые виды фауны.

Надо было готовиться к новому сезону. Химический концерн Ай-си-ай любезно вызвался нам помочь с текущим ремонтом, и мы трудились, не жалея сил, чтобы зоопарк похорошел и стал более привлекательным для посетителей. Словом, забот о будущем зоопарка хватало, а тут еще Джерри постиг тяжелый удар — его мать внезапно умерла от разрыва сердца. Это явилось для нас большой потерей, потому что миссис Даррелл была из тех редких людей, к которым все с первого взгляда проникаются симпатией. Без нее в доме стало очень тоскливо. Хорошо еще, что в эти дни к нам на время вернулась Софи и взяла на себя секретарские обязанности. Обращение двенадцати сделало свое дело, Трест все прочнее становился на ноги, и наша коллекция получила кое-какие пополнения. Правительство Новой Зеландии подарило нам двух туатар и две пары кеа; Джерри купил пару молодых орангутанов; от одного торговца животными мы получили в обмен на менее редкие экспонаты очкового медведя по кличке Педро, совершенно обаятельное создание, ставшее одной из главных достопримечательностей нашего зоопарка.

Пока мы сражались со своими проблемами, Крис трудился над телесериалом, названным по предложению Джима Сондерса «Двое в буше». Материал был великолепный, притом в таком количестве, что Крис был готов сделать семь серий вместо задуманных шести, сделав рождение кенгуренка кульминацией сериала. Таким образом, наряду с прочими делами Дарреллу надлежало сочинить

живой комментарий, и он часами просиживал в затемненном офисе, снова и снова прокручивая сырые копии, пока они нам не осточертели. Требовалась срочная помощь, и Крис прибыл на Джерси¹.

Воспользовавшись его присутствием, мы стали обсуждать идею нового фильма. Изначальным автором идеи был Ларри, он изложил ее нам, когда годом раньше мы гостили у него в районе Камарга, где выращивают известных бойцовскими качествами быков. Сами французы устраивают только игры с быками, не убивая их. Во многих селениях и городах Прованса есть арены, иногда это сохранившиеся до наших дней древнеримские амфитеатры, иногда просто круглые площадки, где в определенное время года каждый уик-энд собираются энтузиасты, чтобы не хуже футбольных болельщиков бурно реагировать на подвиги своих фаворитов. Суть игр состоит в том, что от двенадцати до двадцати молодых парней должны исхитриться выдернуть помещенные между рогами быков красные кокарды, стараясь при этом самим не попасть на рога. Игра продолжается двадцать минут, и, если быку удастся сохранить все кокарды, в честь победителя исполняют увертюру из «Кармен», и престарелая корова сопровождает его к выходу из арены.

Ларри не сомневался, что этот сюжет годится для прекрасного документального телефильма, поскольку в нем было все, чего может себе пожелать продюсер: путешествие, краски, возбужденные толпы, арена с быками — и никакого кровопролития. Джерри зажегся и даже сочинил предварительный вариант сценария, чтобы Крис показал его начальству. А потому Крис во время краткого визита на Джерси то работал в затемненном офисе на первом этаже, то поднимался в наши неуб-

¹ Поскольку у Криса весьма своеобразные представления о помощи, легче от его прибытия не стало, скорее наоборот. Дж. Д.

ранные апартаменты наверху, чтобы допоздна обсуждать проект фильма о быках.

Наконец сопроводительный текст к «Двоим в буше» был готов, и мы назначили день, когда прибудем в Бристоль для записи. К этому времени у нас возникли опасения по поводу здоровья Даррелла, и мы ничуть не удивились, когда в разгар звукозаписи у него от какой-то таинственной аллергии начали распухать руки.

А издатели Джерри уже требовали новой книги. Он несколько раз брался за «Поместье-зверинец», но не так-то просто сосредоточиться на сочинении веселого, беззаботного текста, когда тебя со всех сторон осаждают проблемы, связанные как раз с тем предметом, который ты описываешь. Не будь нас с Софи, он все испортил бы; никогда еще я не испытывала такого горячего желания написать всю книгу за него. Когда наконец была поставлена точка, мы были не в восторге от результата. И оказались в меньшинстве, потому что книга пользовалась огромным успехом. Ее издавали выпусками в Англии и в США, в других странах тоже печатали отрывки, и Би-би-си отвело ей (как и предыдущим книгам Даррелла) место в своей программе «Чтение на ночь».

Громадным успехом пользовался и телесериал «Двое в буше», что особенно нас обрадовало, учитывая, сколько труда в него вложили Джим и Крис. Как мы и надеялись, большое впечатление произвело на зрителей рождение кенгуренка.

Тем временем Крис порадовал нас известием, что идея фильма о быках одобрена, однако ему требовалось лично побывать в Камарге, познакомиться с обстановкой. Мы были только рады взять его с собой на разведку. В зоопарке дела шли гладко, главные трудности преодолены, так что можно было спокойно отлучиться на две-три недели.

А потому мы втиснулись в наш мини-фургон и по-неслись как сумасшедшие через восхитительную французскую провинцию до Нима, где Ларри заказал для нас номера в очень милом отеле. После чего две недели мы разъезжали по Камаргу, посещая игры с быками, осматривая быков разного возраста, знакомясь с людьми, чья помощь могла нам понадобиться, и изучая обстановку для будущих съемок. Крис был в восторге и мечтал снять цветную ленту, однако все упиралось в деньги. Он надеялся решить этот вопрос, когда вернется в Бристоль.

Пусть даже вопрос еще не решился окончательно — мы немного отдохнули от забот, связанных с зоопарком, а когда возвратились на Джерси, оказалось, что дела идут вполне нормально.

— Знаешь, — сказал Джерри, — мне кажется, все работают куда лучше, когда меня нет.

Его слова меня весьма порадовали.

— Вот и хорошо, тогда нам, может быть, стоит почаще выезжать и проводить время по своему усмотрению, — предположила я.

В ответ он только крикнул.

Спустя недели две Крис торжественно сообщил, что идея фильма о быках утверждена, вот только на цветной вариант денег не хватит, и снова прибыл на Джерси обсудить с Джерри сценарий. Крис полагал, что понадобятся три вылазки в Камарг — весной, летом и зимой, и хотя на первых двух этапах он вполне мог обойтись без нас, предпочел бы, чтобы мы участвовали на заключительном этапе. Я была всецело за, меня устраивал всякий повод отведать французской кухни и вин и ненадолго отлучиться из зоопарка! Когда ты заточен в границах зверинца на маленьком острове и круглые сутки обязан быть наготове куда-то бежать, поневоле потянет куда-нибудь уехать. Даже Даррелл, всей душой

преданный своему зверю, согласен со мной. К тому же небольшая передышка позволяет лучше осмыслить проблемы и привести в порядок нервы, так что с совестью вполне можно поладить, когда физический акт отъезда сочетается с убедительным основанием для такового.

Тем временем и прочие дела шли на лад. Джерсийский трест охраны животных обрел реальные формы; ежемесячно заседали учредители Треста, собирался Совет; два члена Совета вошли в администрацию зоопарка, что малость облегчило бремя ответственности и забот Джерри и Кэт Уэллер. Тем не менее Даррелл с головой уходил в работу в Тресте и зоопарке, постоянно был окружен людьми, и нам редко удавалось поговорить с ним о чем-то другом. Я начала потихоньку ненавидеть зоопарк и все с ним связанное. Наша квартира превратилась во второй офис с нескончаемым потоком посетителей. В конце концов я взбунтовалась и добилась от Даррелла обещания, что все вопросы, касающиеся Треста и зоопарка, будут обсуждаться только в офисе внизу, а наша обитель останется тихой гаванью, где можно будет отдыхать без помех. Увы, обещание — обещанием, а у меня частенько было такое чувство, будто я вышла замуж за зверинец, а не за человека.

Пытаясь сохранить в неприкосновенности хоть частицу нашей личной жизни, я вышла из Совета и из администрации, после чего принялась лихорадочно соображать, как бы вырваться на волю. И тут пришел на выручку Крис.

— Послушай, Джерри, почему бы нам не совершить еще одно путешествие, пока не померкло сияние «Двоих в буше»?

— Дружище, я всей душой за, но где такое место, которое уже не отработано другими или не потребует слишком долгих приготовлений? Скажем, я был бы счастлив еще раз отправиться в Аргентину, но на органи-

зацию такой экспедиции уйдет не меньше четырех месяцев. Гвиана тоже заслуживает внимания, но там продолжаются политические стычки, а я сыт по горло тем, что довелось испытать в Парагвае, предпочитаю держаться подальше от такого рода смут. Индия тоже потребует долгих приготовлений, останется, по сути, только Западная Африка, а я уже написал три книги о тех краях, не могу снова ехать в Камерун. Что ты предлагаешь?

Последовала небольшая пауза (разговор шел по телефону).

— Ну, кажется, ты как-то раз называл Сьерра-Леоне.

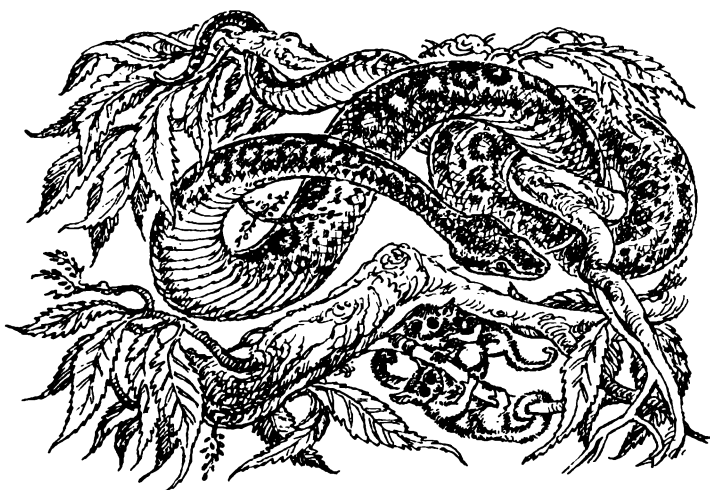
— Допустим, и когда ты хотел бы отправиться в путь?

— Во всяком случае, не раньше февраля, и я должен вернуться к маю, чтобы закончить работу над фильмом про быков.

— Ты не очень щедр на сроки... Ладно, я посмотрю, может, что-нибудь склеится.

С этой минуты все мысли Даррелла сосредоточились на чем-то помимо зоопарка, чему я была чрезвычайно рада. Правда, я знала, что он ненавидит, когда его торопят, ему противна сама мысль о плохо организованных экспедициях. И если он все же согласится с предложением Криса, то лишь с великой неохотой, ибо полтора месяца — чересчур короткий срок для серьезной подготовки. Для себя я решила, что не поеду с ними в Сьерра-Леоне, и Даррелл ничуть не удивился, когда я заявила:

— Без меня. Я не люблю Западную Африку, не выношу липкую жару и тропические леса, в которых страдаю от клаустрофобии, и вообще, тебе известно, как мне противны африканцы. Так что, если не возражаешь, я лучше пропущу эту экспедицию.

Даррелл сказал, что был готов к такому ответу. Но чем я собираюсь заняться без него?

— Ты ведь не пожелаешь оставаться здесь?

Разумеется, я не желала торчать на Джерси, и мы решили, что я отправлюсь в Аргентину, разведая обстановку для возможной экспедиции зимой 1966 года.

— Возьму наш лендровер, чтобы свободно передвигаться по стране, побываю во всех инстанциях, с которыми мы имели дело в прошлый раз, и доложу тебе, какова ситуация в сравнении с тем, что было пять лет назад.

Мне удалось завербовать двух друзей, чтобы было кому сменять меня за рулем и выплнять роль переводчика. Миссис Хоуп Плэтт не меньше моего мечтала снова попасть в Аргентину. Она прожила там не один год и свободно изъяснялась по-испански, отлично водила машину, а ее крупные габариты как нельзя лучше подходили для роли матроны, буде возникнет в том необходимость. Со второй моей спутницей, Энн Питерс, мы

познакомились, когда отдыхали на Корфу. Она тоже была первоклассным водителем; несколько лет живя в Африке, научилась ездить по пересеченной местности. Поскольку мы с Энн были намного моложе миссис Плэтт, это приводило к потешным осложнениям, так как ее все время принимали за нашу мать. В конце концов мы отчаялись что-либо объяснять и просто называли ее «мама».

Как я радовалась, что снова окажусь в Аргентине! Пока никто не успел передумать, связалась со своим банком, который помог мне получить места на грузовом судне, выходящем в рейс примерно в то же время, что пароход Даррелла. Поскольку мое участие в экспедиции в Сьерра-Леоне исключалось, я без малейших угрызений совести предоставила заниматься ее организацией Дарреллу и заведующему отделом рептилий Джону Хартли, причем Софи была готова в любой момент прийти на помощь, если у них что-нибудь не заладится. Пока что они успешно справлялись со своими задачами, и я не очень-то задумывалась об их планах, предвкушая собственный день отъезда. И едва не осталась на берегу, потому что аргентинское судно, где были заказаны места для меня и моих спутниц, застряло в порту на материке из-за забастовки. К счастью, мой банк сумел найти английский пароход, отплывающий примерно в то же время, и, что было особенно приятно, каюты на нем обошлись нам дешевле. В итоге я дня два бездельничала в Лондоне, ходила в кино и усиленно питалась, после чего помчалась через всю страну в Ньюпорт, чтобы перехватить там Даррелла и Хартли на их пути в Ливерпуль. Мы с Джерри малость переживали, что расстаемся на четыре месяца, но я взяла с него обещание, что они тотчас дадут знать, если что-нибудь случится и понадобится моя помощь. И поклялась, что сразу при-

еду, однако подчеркнула — причина должна быть уважительной.

Оба наши парохода потрепали январские штормы, и когда маршруты их пересеклись в Лас-Пальмасе, нам с Дарреллом удалось часок провести вместе. Испанские власти едва не арестовали его, когда он, после того как судно было очищено от таможенных и портовых сборов, ринулся вниз по трапу, держа в руках бутылки с шампанским. Плечистый полисмен-испанец остановил его и заставил вернуться на борт. Кипя от злости, Даррелл метался от одного помощника капитана к другому, добиваясь разрешения сойти на берег, а я, стоя внизу, поторапливала его, потому что мой пароход вот-вот должен был отчалить. В конце концов он нашел благожелательного человека, который дал желаемое разрешение, услышав, что нам предстоит такая долгая разлука. Торжествующий Даррелл прибежал на мой пароход, где старший стюард выделил нам шампанское, поскольку свои бутылки Джерри вынужден был оставить на своем судне¹.

Я продолжила плавание при тихой погоде до Южной Америки, где меня встречала целая армия ликующих друзей, и после всего лишь недельных препирательств с таможей заполучила свой лендровер и покинула Буэнос-Айрес.

Поскольку я уже повидала Патагонию, уговорила своих спутниц взять курс на Анды. Наш путь пролегал по чудесной местности, плоские плато чередовались с глубокими долинами. Меня сильно огорчало, что по сравнению с предыдущими поездками в Аргентину нам встречалось очень мало диких животных. Причин, как мне кажется, две: растущее число поселений и обшир-

¹ Единственный пока случай в моей жизни, когда меня дважды арестовали и я накачался теплым шампанским до 8.30 утра. Дж. Д.

ная культивация земель с применением ядохимикатов. Правда, в одном поместье мы увидели много пернатых, дорогу перед машиной то и дело пересекали морские свинки, и вслед нам кричали птицы-печники. Зато почти совсем пропали кроличьи совы; если прежде они сидели чуть ли не на каждом дорожном столбе, то теперь и одну-то приметить было целым событием.

Что испортило мне все это путешествие, так это плохая погода. Я-то отправилась в Южную Америку наслаждаться солнцем, а вместо этого, особенно в горах, над нами постоянно низко нависали тучи, дул холодный ветер и моросил дождь, так что мне не стоило большого труда убедить моих спутниц отступить в более теплые регионы. Даже в Буэнос-Айресе, обычно в феврале изнывающим от зноя, было сравнительно прохладно, чему, во всяком случае, я была только рада.

Затем мы поехали в Мендосу, там я рассчитывала связаться с одним аргентинским ученым, знакомым Даррелла, чтобы расспросить его, есть ли шанс заполучить весьма редкого малого плащеносца. Даррелл был буквально одержим мечтой добыть этого зверька. Позвонив тому ученому по телефону, я услышала, что он располагает несколькими экземплярами и они ждут, когда Даррелл приедет за ними. Естественно, я пообещала передать Джерри приятную новость.

Мы задержались в Мендосе на два дня, любуясь городом и его окрестностями, посетили местный зоопарк. Осень не позволила мне насладиться великолепным зрелищем аллей с золотистыми тополями, которые так восхитили Даррелла, когда он побывал в Мендосе в 1959 году, но все же город был очень хорош, с обилием зелени, красивыми парками и чудесным климатом.

Мы думали ехать обратно в Буэнос-Айрес не спеша, но миссис Плэтт получила телеграмму, требующую ее срочного возвращения в Англию, а потому пришлось

нам сломя голову мчаться в столицу, чтобы она успела на нужный самолет. Я собиралась немного задержаться в Аргентине, но добыть обратный билет на грузовое судно оказалось непросто, и, когда мне предложили места на отплывающем вскоре голландском пароходе, я согласилась, хотя это подразумевало пересадку в Роттердаме.

Все время, что я находилась в Аргентине, из Сьерра-Леоне не было никаких вестей. Меня это не особенно тревожило, хотелось только своевременно вернуться в Англию, чтобы в мае встретить прибывающую коллекцию. Итак, мы отплыли из Буэнос-Айреса, после чего начались непредусмотренные длительные заходы в разные бразильские порты, чему я была только рада, тем более что в Северной Европе, как мы услышали по радио, царили обычные для этого времени года холода.

Эти Уэллер слала мне с Джерси телеграммы, в том числе с пожеланием от Джерри встретиться со мной в Фритауне. Начался продолжительный сложный обмен телеграммами с нашим лондонским банком: я просила организовать пересадку на судно, которое успело бы прийти в Фритаун до 1 мая, когда отряд Даррелла дол-

жен был возвращаться домой. Выяснилось, что лишь один рейс позволял мне уложиться в срок, но попаду ли я вовремя в Англию, чтобы воспользоваться им? При темпах, с какими продвигался наш голландец, это казалось невозможным. И все же, ко всеобщему (включая, сдается мне, капитана) удивлению, мы прибыли в Роттердам 5 апреля. В моем распоряжении оставались сутки, чтобы вернуться в Лондон, организовать доставку домой лендровера, собраться с мыслями и ринуться в Ливерпуль, откуда отплывал пароход «Аккра». Не хотелось бы мне еще раз пережить такую гонку: после пяти недель на голландском грузовом судне я так мечтала немного пожить на суше.

Плавание до Фритауна было сплошным удовольствием, команда всячески старалась, чтобы я чувствовала себя хорошо. Даррелл перед тем тоже плыл со своим отрядом на «Аккре» и должен был возвращаться на нем. Матросы и начальство заранее предвкушали, как повежут в Англию новую коллекцию, и никак не хотели поверить, что я не знаю, каким уловом может похвастать Даррелл.

Странно было спустя пять дней снова очутиться в Лас-Пальмасе, но мы не задержались там надолго. Меня предупредили, что в Фритаун мы придем около шести утра, и чуть свет я уже стояла на носу, всматриваясь в окутанные утренней мглой очертания города и уповая на то, что мой супруг, зная, как я неслась к нему через весь земной шар, ждет меня на пристани. Увы... Всех прочих встречали друзья, знакомые, родные, только мой Джерри отсутствовал. В конце концов меня отыскал судовой агент и сообщил, что Даррелл тщетно пытался пробиться на причал. Как всегда, он забыл получить положенное разрешение и теперь сражался где-то там с полицией и прочими чинами.

— Придется нам пойти спасать его,— сказал агент.

Мы спустились на пристань, поспешили к зданию таможни и увидели на балконе над нами обросшего густой бородой, замученного Даррелла. Он отчаянно размахивал руками и громко жаловался нам, что ему не позволяют спуститься ко мне. Наконец все недоразумения были улажены, и мы встретились лицом к лицу, причем Джерри предупредил, чтобы я не очень бурно проявляла свою радость, ибо у него, похоже, сломано ребро. После чего он представил мне довольно странного, нескладного молодого человека, члена Американского корпуса мира, который любезно согласился подвезти Даррелла от его базы за городом в порт для встречи со мной. Не успела я опомниться, как Джерри сунул мне небольшую картонную коробку.

— Она живая, так что ты уж открывай поосторожнее, — предупредил он.

Зная, что в коробках Даррелла могут помещаться самые мерзкие твари, я предельно осторожно подняла крышку и увидела на подстилке из бумажных салфеток крохотную белочку, похожую на Малютку. Очаровательное, совершенно ручное создание...

— Ее родила одна из белок нашей новой коллекции, и я подумал, что это идеальный случай подарить тебе что-то взамен Малютки.

Не сомневаюсь, многие женщины с негодованием отнеслись бы к такому дару в честь воссоединения, но я привыкла по торжественным случаям получать в подарок животных и сама однажды попросила преподнести мне в день рождения пару восхитительных венценосных голубей. Это хотя бы спасает меня от необходимости хранить множество ненужных пузырьков с духами и прочих бесполезных вещей.

— А где все остальные? — спросила я.

— Они еще там, на базе. Завтра приедут со всей коллекцией. Я захватил только самые нежные экземпляры, они пока в доме посла.

Даррелл был явно рад видеть меня и, похоже, испытывал в душе некоторое облегчение. Сломанное ребро сильно болело, а его угораздило забыть, что в аптечке экспедиции есть предусмотрительно положенные туда нашим врачом болеутоляющие снадобья. Я отыскала их на самом дне ящика, и Дарреллу стало полегче. Он рассказал, что сломал ребро в лендровере, когда нетерпеливый Крис рванул с места, не дожидаясь, когда Джерри толком усядется, так что бедняга грохнулся на задний борт. Причем случилось это еще в марте, однако он решительно отказывался бросить все и лететь домой.

Стало очевидно, что без дополнительной помощи нам не обойтись. Джерри нужно было побольше отдыхать, чтобы он смог сопровождать коллекцию до Англии и завершить на борту парохода съемки фильма. Его молодой ассистент Джон Хартли никогда не участвовал в морских перевозках животных, и, поскольку ему тоже предстояло фигурировать в сериале, я решила взять на себя основное бремя ухода за коллекцией, а для подстраховки послала телеграмму Энн Питерс, которая ездила вместе со мной в Аргентину. Она прилетела через сутки с первым же самолетом, и, когда коллекция прибыла в Фритаун и была размещена в роскошном особняке Алмазной корпорации, где все мы остановились, я смогла оценить ситуацию в целом.

Освободить Даррелла от ухода за животными не составляло труда, но ходить по разным министерствам и таможенным конторам должен был он сам. И мы составили нехитрый распорядок. Нашему американскому другу и Джону Хартли было вменено в обязанность совершать ежедневные покупки корма для животных. Крис и Даррелл наведывались в различные департамен-

ты и отвечали за срочную корреспонденцию, тогда как мы с Энн занимались животными, исключая таких крупных зверей, как леопарды, о них мы предоставили заботиться молодым мужчинам. Эта схема вполне себя оправдала, и за две недели, что оставались до отплытия из Фритауна, наши подопечные благополучно освоились с бытием в новых условиях.

Не так-то просто было отвезти зверей и снаряжение на пристань, но тут на помощь нам пришли вооруженные силы Сьерра-Леоне в лице майора Джэнджера, с которым Джерри успел подружиться сразу по прибытии в Фритаун. Он пообещал предоставить в наше распоряжение три армейских грузовика — и в самом деле, в шесть утра 1 мая к нашему дому подъехали три мощных «бедфорда».

В порту нами лично занялся один очаровательный деятель из таможни, и очень скоро наши животные, два лендровера и мы сами расположились на палубе «Аккры». Нам отвели очень удобный полутрюм на самом носу. В плохую погоду животным там было достаточно тепло и уютно, а в жару мы преспокойно открывали люки, да и в бортах были иллюминаторы.

Два-три дня ушло на то, чтобы войти в колею. К счастью, поблизости от нашего зверинца находился камбуз с кипятивником, которым нам было позволено пользоваться. Даже Крис, оправившись от морской болезни, помогал с кормлением животных. Хотя море вело себя смирно, пароход был малоустойчивый и испытывал качку даже при самой слабой волне, что особенно ощущалось на носу. Джон и Джерри прогуливали наших двух леопардов, пока мы с Энн чистили клетку. Такой же распорядок действовал в отношении трех юных шимпанзе и маленького речного кабана. Остальные клетки можно было чистить, не удаляя их обитателей.

Прежде по телевидению никогда не показывали обратное плавание с коллекцией животных, а потому Крис задумал снять, как на пассажирском судне продолжается нормальная жизнь, несмотря на присутствие зверей. Баталер «Аккры», мистер Райен, познакомил нас с пекарем и мясником, показал, где хранится провизия, запасенная для нас в Англии. Каждое утро определенные порции выдавались нам африканскими стюардами. Бесценную помощь оказывал нам и судовой плотник; когда мы узнали, что ожидается ухудшение погоды, он поспешил основательно закрепить все клетки.

Поскольку на борту было много детей, мы попросили капитана и судового казначея предупредить всех, чтобы не подходили слишком близко к клеткам во избежание укусов. И после того как двух-трех зевак пришлось вежливо увести подальше от зверинца, пассажиры все остальное время соблюдали дистанцию. В хорошую погоду мы выводили наших шимпанзе наверх, чтобы погрелись на солнце и поиграли на люках. Естественно, это вызывало всеобщий интерес, и казалось, что все пассажиры высыпают на верхнюю палубу, чтобы посмотреть на них. Однако по мере того, как дул все более сильный и холодный ветер, приходилось ограничиваться прогулками в помещении, чему был особенно рад шимпанзе Джимми, которому решительно не нравилось, как ветер свистит в его больших ушах.

Капитан проникся симпатией к Джимми и пригласил его на мостик, где тот быстро освоился и, сидя на поставленном для него стуле, весьма профессионально помогал рулевому крутить штурвал. Потом капитан угостил его и нас обедом в своей каюте, и Джимми с большой неохотой покидал ее после трапезы.

Наша стюардесса была милейшее создание. В любое время дня она могла вдруг появиться с полным термо-

сом чая или кофе; если же мы находились в каютах, по первой просьбе приносила что-нибудь горячее выпить, а то и что-нибудь покрепче. Еще нас очень выручала прачечная, ведь так легко испачкать одежду, ухаживая за животными на качающемся пароходе.

Когда «Аккра» зашла в Лас-Пальмас для заправки, мы рассыпались по всему городу в поисках свежей зелени и фруктов, которыми надеялись соблазнить наших колобусов. У нас было целых семь этих очень редких обезьян, обычно питающихся листьями, и если они пережили плавание и живы по сей день, то исключительно благодаря усилиям Энн Питерс, которая взяла на себя заботу об их кормлении. Она поистине поддерживала в них волю к жизни, часами стоя перед клетками и кормя колобусов из рук. И когда мы пришли в Ливерпуль, Энн с великой неохотой простилась с нами, чтобы сесть на поезд и возвращаться домой в Лондон.

Что до нас, то мы задумали лететь чартерным рейсом прямо на Джерси. В основу этого плана была заложена весьма здравая идея. Во-первых, такой вариант позволил бы Крису и его бригаде быстрее завершить съемки, во-вторых, нам представлялось, что так будет легче доставить нашу коллекцию на Джерси без лишних переживаний для животных. Однако техника внесла свои поправки.

День начинался отлично, для английского мая погода была хорошая. Таможня живо оформила наш багаж, вскоре все животные были выгружены на пристань и размещены в нанятых нами для доставки в аэропорт двух огромных мебельных фургонах. Однако тут же началось торжество бюрократии, которая грозила связать нас по рукам и ногам разными параграфами. Для начала выяснилось, что куда-то запропали все бумаги, касающиеся наших лендроверов, и несчастный представитель Королевского автомобильного клуба оказался в

затруднительном положении. Машины были собственностью фирмы «Ровер», любезно предоставившей их нам во временное пользование, но у нас не было на руках документов, подтверждающих это. В конце концов постановили оставить лендроверы на таможене до уплаты пошлины и предложить фирме внести эту пошлину. Мы чувствовали себя страшно неловко, хотя бумаги пропали не по нашей вине; оставалось только надеяться, что фирма все поймет и простит нас.

Отсутствовали и другие документы, а именно разрешение Министерства сельского хозяйства на ввоз животных, и в частности, двух леопардов. Из-за особых карантинных правил, касающихся кошек и собак, требовалось специальное решение министерства, без чего мы не могли перевозить леопардов из Ливерпуля на Джерси. Кэти Уэллер и секретарь Криса в Бристоле своевременно обратились в министерство и получили нужное разрешение, однако оно не дошло до Ливерпуля.

После долгих препирательств с дежурным чином он согласился напрямик связать с министерством; в итоге выяснилось, что по вине какого-то клерка бумага была направлена прямо на Джерси вместо Ливерпуля. В другое время нас вся эта бестолковщина только позабавила бы, но мы поднялись чуть свет, успели основательно проголодаться и устать. К тому же пришло время кормить некоторых из животных, запертых в фургонах, а еще мы боялись опоздать на самолет. Мы не испытывали ни капли сожаления, расставаясь с ливерпульским портом...

Доехав до аэропорта, мы с облегчением узнали, что наш грузовой самолет еще не прибыл, и решили промочить глотку перед тем, как выгружать животных из фургонов и ставить клетки на весы. Процедура весьма нервующая и для зверей, и для нас, но необходимая, поскольку требовалось равномерно распределить груз

внутри самолета. Только мы приготовились начать погрузку, как пилот объявил, что недоволен работой левого мотора. Естественно, нас обрадовала забота о нашей безопасности, однако радость сменилась тревогой, когда мы услышали, что единственный механик, имеющий права работать с злополучным двигателем, сейчас находится в Манчестере, и пройдет не один час, прежде чем он доберется до Ливерпуля. В аэропорту хватало своих механиков, но ни один из них не располагал нужными правами.

Мы перенесли зверей из фургонов в свободный ангар подальше от шумных моторов, и началось томительное ожидание. Наконец механик прибыл и около половины девятого сообщил, что самолет готов к вылету. Мы живо погрузили своих подопечных, заняли места, застегнули привязные ремни, помахали в окошко немногочисленным провожающим, и самолет занял исходную позицию на взлетной полосе. Пилот прибавил оборотов, и, когда они достигли максимума, забастовал другой мотор. Мы уже не удивились, когда покатали обратно. К счастью, наши помощники не уехали, механик тоже не улетучился. Осмотрев мотор, он заявил, что ничего не может сделать, пока завтра утром не получит запасные части.

Посоветовавшись с начальником аэропорта, мы решили выгрузить самые нежные экземпляры и поместить их в ангаре, накрыв брезентом. Остальные без ущерба для здоровья могли переночевать в самолете. Нам были предоставлены места в гостинице, мы поспешили покормить животных в ангаре, после чего, еле волоча ноги, добрались до отеля, приняли ванну и около половины двенадцатого легли спать¹.

А в два часа нас разбудил директор гостиницы и сообщил, что явился какой-то дюжий полицейский, оза-

¹ Экономьте время — выбирайте воздушный транспорт! Дж. Д.

боченный тем, что какой-то из зверей в самолете ведет себя очень буйно. Бедный Даррелл живо оделся и спустился вниз. Вскоре он вернулся и рассказал, что и впрямь один из патрулей услышал какие-то странные звуки и поднял тревогу. Его не предупредили, что груз этого самолета составляют звери... На всякий случай Джерри пошел проверить, в чем дело. Оказалось — ничего страшного, просто леопарды почему-то громко фыркали в своих клетках.

Накануне мы условились с владельцем фургонов, которые доставили животных в аэропорт, что он придет в семь утра и привезет свежий салат-латук и фрукты. Он не подвел и даже любезно помог нам почистить клетки и покормить шимпанзе и колобусов. Сколько мы ни допытывались, когда кончится ремонт самолета, никто не мог ничего толком сказать. Весь персонал аэропорта и сам пилот чудесно относились к нам, но это ничуть не умаляло нашу тревогу за животных, находящихся в самолете.

Ближе к полудню он все еще не был готов к вылету, тогда мы решили выгрузить зверей и покормить их, а одновременно принялись названивать в управление авиатранспортной компании в Лондоне, требуя прислать другой самолет. И уже решили, что нам вообще не суждено когда-либо улететь из Ливерпуля, когда нам предложила свои услуги другая компания. Не представляю, как Даррелл с его сломанным ребром и при такой усталости, озабоченный состоянием животных, выдержал все напасти; мне казалось, что он вот-вот свалится. Между тем возникла еще одна проблема: в самолете, высланном за животными, было только два сидячих места для людей, а наша группа насчитывала шесть человек. Присутствие в Джерси операторов для съемки прибытия коллекции было просто необходимо, и нас выручила фирма «Кембрийские авиалинии», предоста-

вив четыре места на свой джерсийский рейс. После долгих споров Даррелл и Хартли остались с животными, я же вылетела на Джерси вместе с Крисом и его командой.

В джерсийском аэропорту встретить нас собралась куча народу. Вдоль посадочной полосы выстроились все работники зоопарка, один лендровер, автофургон и три грузовика, и, совершив первыми посадку, мы с тревогой обозревали небо — как бы полосу не накрыл один из тех морских туманов, коими знаменит остров Джерси. Однако мы напрасно волновались: точно в срок зашел на посадку могучий грузовой самолет и остановился прямо напротив нас.

Джерсийские таможенники были сама предупредительность; хотя они ничего не знали о наших ливерпульских злключениях, казалось, здешние ребята стараются сделать все, чтобы помочь нам забыть тяжелые переживания. Джерри с радостью вручил своих зверей на попечение сотрудникам зоопарка, и вскоре животные обосновались в новых обителях, причем большинство из них благополучно перенесли тяготы долгого странствия. Как обычно, было похоже, что основное бремя страданий пришлось на долю людей.

На другое утро Джерри и Крис совершили обход зоопарка. Там все уже суетились, проявляя максимум заботы о новом пополнении, и я воспользовалась случаем рассказать, как привередливы колобусы.

— Если с ними что-нибудь случится, вас ждет головойойка от мисс Питерс, когда она прилетит на следующей неделе. Она нянчилась с колобусами всю дорогу из Фритауна, так что, ради Бога, поберегите их теперь, когда они прибыли на место.

Леопарды как ни в чем не бывало играли с Джоном. Белки и мангусты тоже отлично освоились на новом месте, а птицы, особенно совы, были озабочены лишь тем, чтобы съесть возможно больше, возможно быстрее. Даррелл, как и все мы, был счастлив. Теперь он мог позволить себе свалиться — во всяком случае, на ближайшие двадцать четыре часа.

Крис и его команда улетели на другой день, да и мы с Дарреллом собирались куда-нибудь уехать, как только все дела будут улажены и ребро Джерри срастется. Какое там... Зоопарк со всеми его заботами все больше посягал на наше время, так что мы и сейчас тут. И вообще, я знаю наперед — куда бы мы ни подались, везде с нами будут звери, и моя постель никогда не будет свободной¹.

¹ Во всяком случае, пока я жив. Дж. Д.

ЗАВЕЩАНИЕ ДЖЕРАЛЬДА ДАРРЕЛЛА

Незадолго до своей смерти Джеральд Даррелл просил, чтобы во всех будущих изданиях его книг содержалось краткое упоминание о Джерсийском фонде дикой природы.

«Я лично не хотел бы жить в мире без птиц, без лесов, без животных всех размеров и видов.

Если вам понравилась эта книга (а возможно, и другие мои книги, если вы их читали), то вспомните, что она стала возможной и интересной для вас только благодаря животным. Звери составляют бессловесное и лишённое права голоса большинство, выжить которое может только с нашей помощью.

Каждый должен хотя бы попытаться остановить ужасное осквернение мира, в котором мы живём. Я сделал то, что смог, единственным доступным мне способом. Мне хотелось бы надеяться на вашу поддержку.

Джеральд Даррелл.

Фонд охраны дикой природы Джерри Даррелла продолжает и расширяет дело его жизни — работу по охране животных и мест их обитания ради будущего наших детей и нашего мира.

Если вы захотите узнать о нашей работе больше, пожалуйста, напишите по одному из этих адресов:

**Jersey Wildlife Preservation Trust
Les Augres Manor
Jersey JE3 5BP
ENGLISH CHANNEL ISLANDS**

**Wildlife Preservation Trust International
3400 West Girard Avenue
Philadelphia 19104-1196
USA**

**Wildlife Preservation Trust International
56 The Esplanade
Toronto N5E 1A7
CANADA.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Джеральд Даррелл НОВЫЙ НОЙ

Часть первая ПОИСКИ И НАХОДКИ В БРИТАНСКОМ КАМЕРУНЕ

Вступление

<i>Глава первая</i> , в которой я состязаюсь в перетягивании каната с нильским вараном	10
<i>Глава вторая</i> , в которой у меня на попечении оказываются крокодилята, кистехвостые дикобразы и всевозможные змеи	23
<i>Глава третья</i> , в которой главную роль играют поросята Пафф и Блоу	33
<i>Глава четвертая</i> , в которой меня здорово покусали Бандиты	42
<i>Глава пятая</i> . Полста мартышек — один я	48
<i>Глава шестая</i> , в которой мне задает жару шимпанзе по имени Чолмондели	55
<i>Глава седьмая</i> , в которой я сталкиваюсь с проблемами волосатых лягушек, черепах и других зверей	62
<i>Глава восьмая</i> , в которой Новый Ной выходит в плавание на своем ковчеге	73

Часть вторая КАК Я ЛОВИЛ ЖИВОТНЫХ В БРИТАНСКОЙ ГВИАНЕ

<i>Глава девятая</i> , в которой муравьед по имени Эймос приглашает нас на танец	81
<i>Глава десятая</i> , про жаб с «карманами» и прочих роковых животных	101

<i>Глава одиннадцатая, в которой мой питомец по имени Катберт устраивает мне развеселую жизнь</i>	108
<i>Глава двенадцатая, в которой я рассказываю о различных животных, в том числе об опоссуме, которого здесь зовут «неосторожным лунатиком»</i>	115
<i>Глава тринадцатая, в которой мне попадаетея четырехглазая рыба</i>	125
<i>Глава четырнадцатая. О гигантских кайманах и ужасных электрических угрях</i>	131

Часть третья МОИ СТРАНСТВИЯ ПО АРГЕНТИНЕ И ПАРАГВАЮ

<i>Глава пятнадцатая, в которой я выхожу на охоту с гаучо</i>	139
<i>Глава шестнадцатая, в которой у меня масса хлопот с жабами, змеями и парагвайцами</i>	153
<i>Глава семнадцатая. История обезьянки по имени Кай, снота по имени Пух и единственной муравьедицы-кинозвезды, которую звали Сара Хаттерзак</i>	162

Джеки Даррелл ЗВЕРИ В МОЕЙ ПОСТЕЛИ

<i>Глава первая</i>	173
<i>Глава вторая</i>	194
<i>Глава третья</i>	211
<i>Глава четвертая</i>	243
<i>Глава пятая</i>	279
<i>Глава шестая</i>	292
<i>Глава седьмая</i>	315
<i>Глава восьмая</i>	327
<i>Глава девятая</i>	348
<i>Глава десятая</i>	369
Завещание Дж. Даррелла	393

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу:*

127018, Москва, ул. Сущевский вал, д. 49

Издательство «Армада-пресс»

Телефон редакции: (095) 795-05-43

Оптовое-розничную продажу книг производит

Торговый дом «Школьник» по адресу:

Москва, ул. Малые Каменщики, д. 6, стр. 1А (м. «Таганская», радиальная)

Тел.: (095) 912-15-16, 911-70-24, 912-45-76

Даррелл Д.

Д 20 Новый Ной: Джеральд Даррелл. Новый Ной/ Пер. с англ. С. Лосева; Джеки Даррелл. Звери в моей постели/ Пер. с англ. Л. Жданова; Худож. И. Ф. Шипулин. — М.: Армада-пресс, 2002. — 400 с.: ил. — (Зеленая серия).

ISBN 5-309-00384-3

Книга известного английского писателя и биолога Джеральда Даррелла рассказывает о том, как благодаря усилиям энтузиастов и самого автора создавался зоопарк на острове Джерси вблизи британского побережья.

В том вошла также книга Джеки Даррелл «Звери в моей постели» с ироничными комментариями ее мужа Джеральда Даррелла.

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(4Англ)-44я5

РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Зеленая серия

Джеральд Даррелл

НОВЫЙ НОЙ

Джеки Даррелл

ЗВЕРИ В МОЕЙ ПОСТЕЛИ

Заведующая редакцией

М. Л. Жданова

Ответственный редактор

Л. В. Лобанова

Художественный редактор

С. В. Меркулов

Технический редактор

С. А. Шубёнкин

Корректор

Т. С. Дмитриева

Подписано к печати 22.04.2002. Формат 84х108^{1/32}.
Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,00. Тираж 20 000 экз. Заказ № 4210131.

ООО «Армада-пресс»

109428, Москва, 1-й Вязовский пр., д.5, стр.1

Изд. лицензия ИД № 01276 от 22.03.00.

Издание осуществлено при участии издательства «Дрофа»

ООО «Дрофа»

127018, Москва, ул. Сушевский вал, 49

Изд. лицензия № 061622 от 07.10.98.

По вопросам приобретения продукции издательства

«Армада-пресс» обращаться по адресу:

127018, Москва, ул. Сушевский вал, 49

Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (095) 795-05-52

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ФГУИПП «Нижеполиграф».

603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

«ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ»

ФАРЛИ МОУЭТ

*Шхуна, которая
не желала плавать*

Имя известного канадского биолога, натуралиста и путешественника Фарли Моуэта известно многим. Читатели Зеленой серии уже знакомы с его книгой «Не кричи: «Волки!», переведенной на десятки языков. Предлагаемый вашему вниманию сборник «Шхуна, которая не желала плавать» — это две истории из «морских» произведений автора.

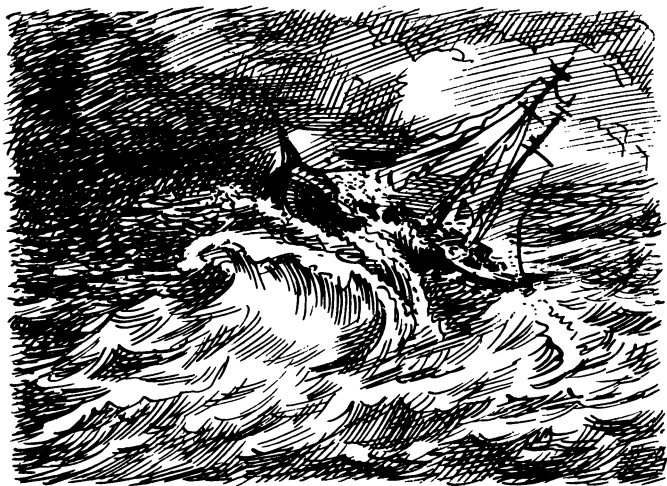
Первая из них — поход вдоль канадского побережья на шхуне под жизнеутверждающим названием «Счастливое дерзание». Отойдя от берега на несколько миль, Фарли и его друзья исполнили старинный обычай — вылили по стопке рома в себя, а одну за борт — Морскому Старика, чтобы заручиться его поддержкой в подвластных ему просторах. Принял ли Старик этот дар? Какие повороты судьбы уготовили отважным мореходам волны Северной Атлантики? Ведь соленая морская вода не всегда обеспечивала семь футов под килем «Шхуне, которая не желала плавать». И лишь не менее «солёный» морской юмор помогал морякам философски относиться к «шуткам» старика-океана...

Во второй повести, входящей в сборник, рассказывается о днях из жизни экипажа корабля «Лейчестер», попавшего в эпицентр «Змеинового кольца» — грозного океанического урагана. Сто дней горстка храбрецов боролась за свою жизнь и спасение корабля и... одолела козни уже знакомого вам Морского Старика. Фарли Моуэт был настолько восхищен победой моряков, что написал о них повесть.

«ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ»

Дж. Клинджел

Остров в океане

Этот остров поистине можно назвать чудесным. Здесь водятся самые крохотные в мире ящерицы и маленькие красивые колибри. В прибрежных водах плавают молотоголовые акулы и огромные скаты. В глубине острова есть большое озеро — одно из немногих мест на земле, где гнездятся розовые фламинго. Их привлекает сюда излюбленное лакомство — маленькие улитки церитеумы. Весь этот удивительный красочный мир расположен на юге Багамского архипелага.

Большой Инагуа... На этот чудо-остров забросила судьба американского любителя-натуралиста Джилберта Клинджела. Не потерпи крушения у берегов Инагуа его парусник, быть может, природа этого края долго бы еще оставалась неизученной. О своих наблюдениях ученый-любитель рассказал в книге «Остров в океане», поведав нам о флоре и фауне маленького кусочка нашей планеты, который носит название Большой Инагуа...

В жизни никогда не глазел на женщин.
Разве что подмигну или как бы невзначай
уроню толстый бумажник.

Джеральд Даррелл

До чего же мне надоели вечные разговоры
о том, какую «замечательную жизнь»
я веду и как мне повезло заполучить такого
знаменитого мужа.

Так вот, по правде говоря, я веду отнюдь
не замечательную жизнь и с любым
супругом — знаменитым или заурядным —
нужно, увы, как-то уживаться.

Джеки Даррелл

ISBN 5-309-00384-3

9 795309 003845